

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК № 4 (№ 48) 2005
Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ФИЛОЛОГИЯ: ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ И СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ)

ТОМСК
2005

Редакционная коллегия:

*Н.С. Болотнова, В.П. Борисенков, И.Л. Бухбиндер,
М.П. Войтеховская (отв. секретарь), В.Е. Головчинер,
В.А. Дмитриенко (зам. главного редактора),
В.М. Зеличенко (зам. главного редактора), С.В. Ковалёва, В.В. Лаптев,
А.В. Лубков, В.З. Мидуков, В.Г. Морогин, Э.Д. Новожилов,
В.В. Обухов (главный редактор), С.Д. Одинцов, О.А. Осипова,
Г.Н. Прозументова, Ю.Т. Ревякин, А.М. Уразаев*

Научный редактор выпуска – О.А. Осипова

Выпускающий редактор: Л.В. Домбраускайте
Технический редактор: С.Н. Чуков
Корректор: Н.В. Богданова

© Томский государственный
педагогический университет, 2005
Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Осипова О.А. Мысли об индоевропейском гетероклитическом склонении	5
Жукова Н.С. Глагольная подсистема немецкого языка в различные периоды его развития	10
Федуленкова Т.Н. Лингвистический статус компонента фразеологической единицы	16
Казанцева Т.Ю. Предыстория возникновения родовых отношений в индоевропейских языках	21
Новицкая И.В. Проблема однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке	27
Дронова Л.П. Ранний этап истории общей оценки в германских языках	32
Нагорная Л.А. Антропоцентрические измерения и способы их репрезентации в английском языке	36
Коваленко Н.С. Отражение признака одушевленности в лексико-семантической сочетаемости древнеанглийских существительных, объединенных основообразующим формантом -s-	41
Петроченко Л.А., Мерзлякова Е.О. Об особенностях семантики иконических знаков	43
Резникова Н.А. Семантический анализ политической лексики	49
Овчинникова А.П. Синонимия в когнитивном аспекте (на примере английских прилагательных fresh и new)	54
Жукова Н.С. Системная соотнесенность некоторых явлений в морфологии немецкого глагола	60
Соболевская О.В. Интерпретация пар существительных, обозначающих явления природы в готском языке	66
Шубина Э.Л. Конструкции типа <i>eine Tasse heißer Kaffee</i> и <i>eine Art universelle Sprache</i> в их отношении к литературной норме немецкого языка	70
Pirozhkov A. V. Statistische Untersuchungen zum Bekanntheitsgrad russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen in der deutschen Sprache der Gegenwart und ihrer Abhängigkeit vom Alter und vom Wohnort	73

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ

Потанина О.С. Языковая реализация абстрактных понятий в диалектах хантыйского языка	80
Кузнецов П.М. Средства выражения признака предмета в диалектах хантыйского языка	83
Есипова А.В. Словообразовательная структура тюркского слова: производящая основа (на материале шорского языка)	87
Филимонов М.В. Причастные суффиксы в протоенисейском	92
Мымрина Д.Ф. Активная и пассивная конструкции в хантыйском языке	95
Крюкова Е.А. Функционально-семантическое поле класса слов-определителей в енисейских языках	99
Парнюк Л.В. Суточный и годовой циклы в хантыйском языке	103
Абукаева Л.А. Фразеологизированные конструкции со значением оценки как соответствия норме в русском и марийском языках	107

РЕЦЕНЗИИ

Вернер Г. «Вайда Е. Языки и предыстория Центральной Сибири» (Амстердам, вопросы теории и истории лингвистической науки, т. 262) Филадельфия/Амстердам: Бенджамин Дж. 204, 275 с.	112
---	-----

SUMMARY	114
---------------	-----

НАШИ АВТОРЫ	117
-------------------	-----

CONTENTS

INDO-EUROPEAN LANGUAGES

<i>Osipova O.A.</i> Thoughts about the Indo-European Heteroclitite Declension	5
<i>Zhukova N.S.</i> German Verbal Subsystem at Various Stages of its Development	10
<i>Fedulenkova T.N.</i> The Linguistic Status of the Component of the Phraseological Unit	16
<i>Kazantseva T.U.</i> Prehistory of Gender Relations in the Indo-European Languages	21
<i>Novitskaya I.V.</i> The Problem of Interpretation of the Same Root Gothic Nouns Belonging to Different Declensions	27
<i>Dronova L.P.</i> The Early Period of General Evaluation in the Germanic Languages	32
<i>Nagornaya L.N.</i> Anthropocentric Measures and Some Ways of Representing them in the English Language	36
<i>Kovalenko N.S.</i> The Reflection of the Traces of Animateness/Inanimateness in the Lexico-Semantic Compatibility of the Old English Substantives with the Stem-Building Suffix -s-	41
<i>Petrochenko L.A., Merzlyakova E.O.</i> On the Peculiarities of the Semantics of Iconic Signs	43
<i>Reznikova N.A.</i> Semantic Analysis of Political Lexicon	49
<i>Ovchinnikova A.P.</i> Synonymy in Cognitive Aspect (On the Example of the English Pronouns <i>Fresh</i> and <i>New</i>)	54
<i>Zhukova N.S.</i> Systemic Coordination of Certain Kinds of Morphological Phenomena of German Verbs	60
<i>Sobolevsakaya O.V.</i> Interpretation of Gothic Pairs of Nouns Referring to Natural Phenomena	66
<i>Shubina E.L.</i> Constructions of the Type <i>eine Tasse heißer Kaffee</i> and <i>eine Art universelle Sprache</i> in Their Relation to the Literary Norm of the German Language	70
<i>Pirozhkov A.V.</i> Statistische Untersuchungen zum Bekanntheitsgrad russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen in der deutschen Sprache der Gegenwart und ihrer Abhängigkeit vom Alter und vom Wohnort	73

SIBERIAN LANGUAGES

<i>Potanina O.S.</i> Linguistic Representations of Abstract Notions in the Dialects of the Khanty Language	80
<i>Kuznetsov P.M.</i> Ways of Expressing Quality in the Dialects of the Khanty Language	83
<i>Esipova A.V.</i> Word-Forming Structure in the Turkic Word: the Derivative Stem	87
<i>Filimonov M.V.</i> Participial Affixes in Proto-Yeniseic	92
<i>Myrina D.F.</i> Active and Passive Constructions in the Khanty Language	95
<i>Kryukova E.A.</i> Functional-Semantic Field of Modifying Words in the Yeniseian Languages	99
<i>Parnyuk L.V.</i> Daily and Annual Cycles in the Khanty Language	103
<i>Abukaeva L.A.</i> Syntactical-Phraseological Units Expressing the Meaning of Valuation in the Mari and Russian Languages	107

REVIEWS

<i>Werner H.</i> «Edward J. Vajda (ed.). Languages and Prehistory of Central Siberia» (Amsterdam, Studies in the Theory and history of Linguistic Science, vol. 262), Philadelphia/Amsterdam: John Benjamins 2004, 275 pp.	112
---	-----

SUMMARY	114
----------------------	-----

OUR AUTHORS	117
--------------------------	-----

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

О.А. Осипова

МЫСЛИ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКОМ СКЛОНЕНИИ

Томский государственный педагогический университет

Одним из древних индоевропейских склонений является гетероклитическое. Отголоски его можно обнаружить в отдельных ветвях и.-е. языков, например: гот. *fōn*, но двн. *fiur* (*fuir*) ‘огонь’ или греч. *μῆρη*, но лат. *manus* ‘рука’ (таких примеров можно достаточно найти у Э. Бенвениста [1]). Кроме чередований *r/-n-* в однокорневых словах приводятся также чередования *i/-n-*, *en/-n-*, *l/-n-* [2, с. 267]. Отмечены и другие чередования, но наиболее распространенным считается чередование *r/-n-*. Сохранение подобных чередований в одной парадигме было зафиксировано в санскрите, хеттском, древнеармянском (грабаре) и в отдельных словах в других древних и.-е. языках. В санскрите чередование основообразующих формантов представлено незначительным количеством слов. В.Д. Уитни отмечает, что эти чередования скорее всего можно обнаружить в словосочетаниях, а также в парадигме склонения. Так, санскр. *āhan* ‘день’ выступает в форме *ahar* или *ahas*, если она предшествует другому слову, и в форме *ahar*, *ahas*, *ahan*, если это слово замыкает предложение. Подобным же образом в предложении чередуются *ūdhan* и *ūdhas* ‘вода’ в более древнем языке, а затем последнее переходит в основы на *-as* [3, с. 160]. В древнеармянском языке гетероклитическое склонение включает значительную группу слов, которые образуют 7 подтипов. В грамматиках грабара этот тип склонения называют нерегулярным, поскольку многие слова имеют склонение, характерное только для данного слова. Наиболее распространенным для прямых падежей ед. ч. является формант *-r*, который чередуется или с гласной основой (возникшей из **u*-основ), или с сонантом *-n* [4, с. 228–134]. Однако чаще всего в древнеармянском чередуется основа слова на гласную или нулевую ступень основы с основой на согласную, в основном на сонант [там же]. Х. Стертевант приводит довольно большое количество слов в хеттском языке с чередованием *r/-n-* основ, где в прямых падежах обычно употребляется формант *-r-*, а в косвенных – *-n-*. Приведем парадигму ед. ч. склонения слова ‘вода’ по Стертеванту:

Nom.-acc.	<i>watar</i>
Gen.	<i>wetas</i>

Dat.	<i>weteni</i>
Abl.	<i>wetas</i>
Inst.	<i>wetent</i>

Кроме того, им также отмечены более редкие формы склонения данного слова: Nom. *wetar*, Gen. *wetas*, Instr. *wetant* [5, с. 184–186].

Известный исследователь древних и.-е. языков А.В. Десницкая также уделяет достаточно внимания этому загадочному склонению. Ученый подчеркивает, что корреляция основообразующих формантов наблюдается между прямыми падежами (им. и вин. п.) и косвенными падежами. Так же, как и другие исследователи, А.В. Десницкая указывает на наиболее распространенное чередование *r/-n-*, например: греч. им. п. *ὕδωρ* ‘вода’, но род. п. *ὕδατος* (<**ὕδντος*). Кроме чередования *r/n* ею приводятся форманты *-i* и *-n*, которые занимают те же позиции, например: др.-инд. им. п. *āsthi* ‘кость’ и род. п. *asthnāh* [6, с. 208–209].

Наиболее полно прослеживаются чередования *r/n*, *i/n* и основы (чистого корня) с сонантом у Э. Бенвениста. Он указывает, что такие чередования наблюдаются не только в архаичном склонении, но и в словообразовании, и у прилагательных, производных от существительных [1, с. 47]. Этому вопросу Э. Бенвенист уделяет большое внимание в своей книге «Индоевропейское именное словообразование» (1955). Все факты гетероклизма в склонении Э. Бенвенист подразделяет на три группы: чередование чистой основы (корня) в им., вин. п. ед. ч. с основой на *-n* в косвенных падежах; аналогичным образом построено чередование *r/n* и *i/n* [1, с. 47]. К первой категории он относит такие примеры, как скр. *yūṣ* (ср. п.) ‘похлебка’ и *yūṣān* [там же], где мы находим чередование между прямым падежом (без окончания) и косвенными падежами, в которых выступает формант *-n-*. Чередование в одной парадигме *r/n* Э. Бенвенистом приводится из хеттского языка по Стертеванту. К параллельному чередованию, кроме *r/n*, Бенвенист относит также *l/n*, формы которого засвидетельствованы в разных древних и.-е. языках, например: авест. *zətan* ‘земля’, двн. *himil* – гот. *himins* (род. п. ед. ч.) ‘небо’. Кроме того, Э. Бенвенист указывает, что формант *-en-*

встречается не только среди форм одного и того же слова, но и в словообразовании [там же, с. 47]. К сказанному добавим, что во многих наших работах показано, что одни и те же консонантные основообразующие форманты способны выступать в качестве первичных падежных показателей, суффиксов прилагательных, а также в словообразовании [7, с. 159–169; 8, с. 150–156 и др.]. Мы объясняем такие широкие функции одних и тех же консонантных формантов их местоименным происхождением [там же; 9–11]. Э. Бенвенист не стремится проникнуть в природу данных суффиксов, как это делает Шпехт [12, с. 293, 303–315, 353–386]. В его задачи входит показать, что когда-то данные форманты могли чередоваться в одной парадигме. По мнению Э. Бенвениста, большинство исследуемых им слов относится к среднему роду. Мы же считаем, что отнесение таких слов к ср. р. произошло на более позднем этапе развития древних и.-е. языков и, видимо, по чисто формальному признаку, т.е. корреляцией между прямыми падежами (им., вин. без окончания) и косвенными, в которых консонантные основообразующие форманты когда-то выступали в качестве показателя единственного активного падежа, а позже употреблялись перед окончанием. Чрезвычайно важно отметить, что Э. Бенвенист, описывая употребление форманта *-en-*, подчеркивает, что этот формант образует основу косвенных падежей или производных слов и противоплагается самому корню, образующему им.-вин. п. без какого-либо распространения [1, с. 49]. Далее он приходит к выводу, что элемент **-er* в им.-вин. п. имеет привходящий характер, т.е. он появился позже и не распространяется на всю парадигму [там же]. По нашему же мнению, большинство приводимых слов, когда-то относящихся к гетероклитическому склонению, можно трактовать в качестве слов с одушевленной семантикой. Конечно, к одушевленным они относятся не в современном понимании, а в восприятии древними мира, что и маркировалось соответствующими показателями одушевленности/активности, которые в свою очередь использовались в качестве показателя первичного активного падежа [см. наши работы: 7, 11, 8 и др.], т.е. падежа деятеля. Это явление, как остаточное, сохранилось в некоторых косвенных падежах, которые способны передавать функцию агенса. М.М. Гухман посвятила специальную статью, в которой она рассматривает дат.-вин. п., способный обладать такой функцией [13, с. 58–73]. В другой своей работе М.М. Гухман не обходит вниманием гетероклитическое склонение и пытается объяснить его тем, что «в развитии отдельных и.-е. языков чередование суффиксов внутри парадигмы исчезло, причем для всех падежных форм обобщается один из указанных суффиксов: так, в греческом

этим суффиксом в слове *πυρ* оказалось *-r-*, в готск. – *-n-* и т.д.» [14, с. 273]. Скорее, это констатация факта, а объяснение чередования в одной парадигме разных основообразующих формантов до сих пор не найдено. Однако в другом М.М. Гухман права, когда высказывает предположение, что в и.-е. языках «склонение имен существительных осуществлялось путем изменения характера самой основы, причем базой этого склонения являлась двухпадежная система: прямой – косвенный падеж» [14, с. 274; 15, с. 202, 207]. По ее мнению, это может быть подтверждено склонением местоимений, в котором выступает противопоставление двух основ [там же]. После работ И.М. Тронского, А.Н. Савченко, Т.Г. Гамкрелидзе и В.В. Иванова не приходится сомневаться в отношении двухпадежной системы для очень древнего периода и.-е. языков, но поскольку такая корреляция была прежде всего свойственна активному классу [16, с. 61, 132], то прямой падеж без окончания и косвенный, оформленный консонантными формантами, как раз и представляли наиболее древнюю систему склонения активных имен. Языки активного класса, к каковым в глубокой древности принадлежали и и.-е. языки, обладали, по мнению Г.А. Климова, весьма бедной системой склонения [16, с.131]. Далее он пишет: «Активный падеж ввиду своей специфической падежной характеристики противопоставляется в плане выражения неактивному как маркированный член оппозиции немаркированному» [16, с.159]. В силу того, что и.-е. имена в косвенных падежах содержали консонантный формант, а прямой не имел окончания, они, возможно, по чисто формальным причинам были причислены к ср. р. На самом же деле корреляция между падежом без окончания и косвенным маркированным падежом свойственна именам активного класса, да и само склонение зародилось, по мнению И.М. Тронского, у имен именно этого класса. «Существовал, стало быть, период, когда имена инертного класса имели единую парадигму, в то время как в противостоящем активном классе уже развилась падежная дифференциация» [17, с. 92]. Ученый также считает, что «и для именного строя и.-е. языков, и для глагольного можно реконструировать некие ступени развития, предшествующие статусу, известному в исторически засвидетельствованных языках» [там же]. Архаичность парадигмы ср. р., в которой им. п. не маркирован, отмечает и М.М. Гухман [15, с. 201–202]. Не случайно А.Н. Савченко придает огромное значение древнему и.-е. генитиву на *-s*, который так же, как и им. п., мог служить падежом агенса [18, с. 74–90]. Широкие функции за генитивом усматривают Э. Бенвенист и Леви-Брюль [19, с. 156–164; 20, с. 102]. Все сказанное лишь подтверждает, что в древности консонантные основообразующие фор-

манты выполняли очень широкие функции. Однако если мы в состоянии благодаря типологическим параллелям с финно-угорскими языками трактовать древние и.-е. склонения с консонантными основообразующими формантами в качестве бывших посессивных склонений [см. 8, 21, 22], то остается большим вопросом, как с ними соотносится и.-е. гетероклитическое склонение. Одно очевидно: гетероклитическое склонение связано с консонантными склонениями, сущность которых хорошо раскрывается из финно-угорских языков.

В отдельных финно-угорских языках кроме посессивных склонений имеются еще определенные склонения, которые как бы отпочковались от посессивных, поскольку в них обобщены один или два местоименных форманта. Чаще всего таким формантом является местоименная основа, восходящая к 3-му л. ед. ч. Так, например, в мордовских языках кроме посессивного склонения развилось указательное или определенное склонение. В эрзянском языке в ед. ч. к имени прибавляются указательные частицы (в ед. ч. только две): к им. п. ед. ч. — частица *сь*, образованная от *се* 'тот', к окончаниям остальных падежей — *нть* или *сть*, которая содержит элемент *ть-* от *те* со значением 'этот' [23, с. 45–46]. Такую же корреляцию между им. п. и косвенными падежами можно наблюдать и в мокшанском языке, в котором в им. п. ед. ч. выступает частица *сь*, а в косвенных — *ть* [24, с. 204]. В тех финно-угорских языках, где не имеется отдельного указательно-определенного склонения, местоименные показатели посессивных склонений чаще всего 3-го л. ед. ч., а иногда и 2-го л. ед. ч. выполняют функцию передачи определенности, поскольку и то, и другое сформировалось на основе указательных местоимений. Именно поэтому 2-е и 3-е л. ед. ч. сохраняют функцию определенности даже в тех случаях, когда не сложилось специальное указательно-определенное склонение. В коми-пермяцком эту функцию выполняет 3-е л. ед. ч., в коми-зырянском — 2-е и 3-е л. ед. ч.; в пермском наречии языка коми это относится также ко 2-му и 3-му л. ед. ч.; в пресыктывкарском диалекте коми языка функцию определенности берут на себя аффиксы 2-го (*-ыд/-ид*) и 3-го л. (*-ыс/-ис*) ед. ч. [25, с. 304, 286; 26, с. 33; 27, с. 59–61]. В одной из своих работ я показываю, что в хантыйском языке употребление имени в 3 л. ед. ч. в посессивном склонении, как правило, передает определенность [28, с. 10]. Первоначальное нахождение посессивных (местоименных) формантов в финно-угорских посессивных склонениях, как это отмечает Д. Дечи, было между основой имени и окончанием. Посессивные форманты указывали на обладателя или лицо и определенность, или посессивные отношения [29, с. 66]. Сами же посессивные форманты Д. Дечи, так же как и Б.А. Сереб-

ренников, считает более древними по сравнению с падежными показателями [29, с. 70; 30, с. 347]. Б.А. Серебренников очень глубоко анализирует появление посессивных формантов. Он пишет: «Притяжательные суффиксы образовались в тот период исторической жизни уральских и тюркских языков, когда личных местоимений еще не было, а было нечто совершенно другое. Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений. Это может быть доказано тем, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы» [31, с. 279].

В древних и.-е. консонантных склонениях мы застаем лишь второй уровень, сопоставимый с финно-угорскими указательно-определенными склонениями, где обобщаются один или два дейктических формантов. Еще раз подчеркнем, что чередование двух основообразующих формантов в и.-е. гетероклитическом склонении очень напоминает подобное же чередование, сохранившееся в эрзянском языке, где в прямом падеже употребляется один дейктический элемент, а во всех косвенных падежах — другой [см. 23]. Употребление же в финно-угорских языках двух посессивных формантов со значением определенности подводит нас к иному осмыслению и.-е. гетероклитического склонения. В последнем, видимо, чередовались две дейктические частицы с указанием на ближний и дальний предмет. Ближнее маркировало им. п., а дальнее — косвенные падежи. Однако более ранний этап формирования древних и.-е. склонений нигде не зафиксирован. Мы можем лишь предполагать, что гетероклитическому склонению предшествовали посессивные склонения с местоименными формантами для всех трех лиц. Сохранение же пространственных значений у и.-е. консонантных основообразующих формантов в локативных падежах, равно как и развитие генитива на основе этих пространственных отношений, может свидетельствовать о том, что развитие склонений в и.-е. языках шло по той же схеме, которую мы обнаруживаем в уральских языках, т.е. генитивная форма падежа в и.-е. языках возникла на основе первичных формантов местных падежей, что мы пытались показать в своих статьях [см. 8 и др.]. Мы уже приводили возможные генитивные форманты по В.В. Шеворошкину, в которых явно проступает локативный характер [32, с. 90]. Поэтому можно с уверенностью сказать, что и.-е. консонантные основообразующие суффиксы использовались очень широко — от словообразования до формообразования. Их былая полисемантность с течением времени начала утрачиваться, поскольку, по мнению М.М. Гухман, в и.-е. языках

произошел глубокий *типологический* сдвиг [15, с. 239]. Только этим можно объяснить, что и.-е. языки пошли иным путем развития нежели уральские языки, в которых в большинстве своем сохранился агглютинативный строй. Сравнение финно-угорских языков с и.-е. в этом плане вполне обосновано, ибо, ссылаясь на мнение Петерсена, Г.Б. Джаукян пишет, что «...если бы исчезли все финно-угорские языки и мы открыли бы один из них, то не преминули бы назвать его индоевропейским» [33, с. 49]. Вслед за Джаукяном можно предположить, что в далеком прошлом и.-е. языки могли быть агглютинативного строя. Об этом свидетельствуют некоторые глагольные формы отдельных и.-е. языков. Например, в следующей готской глагольной форме без труда можно выделить показатели, каждый из которых, как это имеет место в агглютинативных языках, передает только одно значение: *sandidēdeina* (*sand-i-dēd-ei-na*) – претерит опатива от гл. *sandjan* ‘посылать’. В этой глагольной форме можно расшифровать почти все элементы: *sand-* – основа глагола, *-i-* – формант глаголов первого класса, *-dēd-* – показатель прошедшего времени (развившийся из самостоятельного глагола со значением ‘делать’), *-ei-* – показатель опатива пр. вр. (употребляется так же самостоятельно, как относительная частица), *-na-* – окончание глагола 3-го л. мн. ч. В имени же основообразующий формант очень рано начинает сливаться с окончанием. И все-таки даже скудные остатки, где можно выделить основообразующий формант, говорят о том, что и имени в глубокой древности была свойственна агглютинация. Такой подход к древним и.-е. языкам позволяет трактовать и.-е. гетероклитическое склонение в качестве промежуточного этапа в развитии склонений от посессивных (в чистом виде не засвидетельствованных в и.-е. языках) к указательно-определенным склонениям и далее к так называемым консонантным склонениям, в которых обобщался только какой-то один дейктический элемент.

Выскажем также свои соображения в отношении корреляции двух основообразующих формантов в одной и той же парадигме в праиндоевропейском, которая еще встречается в хеттском. Видимо, из самых древних чередований было чередование между чистой основой и косвенной с консонантным основообразующим формантом (как это приводит Э. Бенвенист). Консонантный формант в косвенных падежах нами трактуется как первичный падежный показатель с широкими функциями, в том числе и функцией агенса [8, с. 150–156 и др.]. Появление же в прямом падеже (им. п.) форманта *-r-*, который, по мнению Э. Бенвениста, носит более поздний характер, может быть объяснено только тем, что с развитием склонения (видимо, прошедшего в глубокой древности путь посессивного склонения) еще до

обобщения какого-либо одного консонантного форманта чередовались разные местоименные частицы как остаточное явление от посессивных склонений (ср. с эрзянским языком). С перенесением функций агенса на прямой падеж, скорее всего, стала употребляться клитика, которая начала восприниматься как падеж субъекта, т.е. именительный падеж (падеж производителя действия). Видимо, эта клитика когда-то могла быть связана с номинативом. В косвенных же падежах употреблялся другой формант (чаще всего *-n-*), который передавал большую удаленность, поскольку имел связь с третьим лицом, исторически же восходя к указательному местоимению. Приведем трактовку К. Бруганом этого элемента, восходящего к и.-е. **-eno-*, **-enā-*, **-ono-*, **-onā-*, который представлен в арм. как *ana-* ‘этот, он’ (*dieser, der, er*), ав. *ana*, лит. *anā-s, aĩs* ‘тот’, ж. р. *anā*, ст.-сл. *onŭ* ‘тот, он’, ж. р. *ona* [34, с. 769]. Формант *-r-* в качестве самостоятельной указательной частицы не приводится. Однако если исходить из того положения, что в древних и.-е. языках дейктических частиц существовало гораздо больше, чем это зафиксировано у А. Мейе, то формант *-r-*, возможно, где-то сохранился с указательной функцией. Нам удалось установить, что в одном из древних и.-е. языков – древневаллийском (кельтская группа языков) – сохранился определенный артикль *ir*, например: *ir anamou* ‘пятна’, *yr eiry* ‘снег’, *yr heul* ‘солнце’ [35, с. 268]. Как известно, артикли восходят к указательным местоимениям, и факт существования элемента *-r-* в артиклекобразной форме говорит о том, что такой элемент должен был существовать в протоиндоевропейском. Так или иначе, но обе дейктические частицы в склонении *r-/n-* основ имеют местоименное происхождение. Подчеркнем, что более позднее появление *-r-* (по Э. Бенвенисту) связано с перестройкой индоевропейской падежной системы, направленной на передачу субъектно-объектных отношений.

Подводя итоги, можно предполагать существование в древнейший период и.-е. языков посессивных склонений для всех трех лиц, как это имеет место быть в уральских языках. Гетероклитическое же склонение в древних и.-е. языках и его отголоски в виде склонений родственных слов в одних языках с основой на *-r*, а в других – на *-n* (то же самое относится и к чередованию других консонантных основ), по всей видимости, отпочковались от когда-то существовавших и.-е. посессивных склонений. В свою очередь, и.-е. консонантные склонения, обобщившие дейктический элемент, связанный, как в финно-угорских, со 2-м или 3-м лицом, могли выполнять роль определенно-указательных склонений. Эта черта частично сохраняется за формантом *-n-* и *-in/-ein* в качестве постпозитивного суффиксированного артикля в готском [7, с. 163] и древнескандинавских языках [36, с. 190–193].

Литература

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
2. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3, М., 1963.
3. Whitney W.D. A Sanskrit grammar. Leipzig, 1889, XXVI.
4. Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971.
5. Sturtevant E.H. A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933.
6. Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.–Л., 1955.
7. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
8. Осипова О.А. О возможном формировании индоевропейской падежной системы // Язык: теория, история, типология. М., 2000.
9. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
10. Осипова О.А. О двойственной природе индоевропейских основообразующих формантов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1988.
11. Осипова О.А. Одно из обоснований местоименных истоков индоевропейской падежной системы // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики. Тюмень, 1997.
12. Specht F. Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
13. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
14. Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.
15. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
16. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
17. Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
18. Савченко А.Н. Эргативная конструкция в предложениях в праиндоевропейском языке // Там же.
19. Бенвенист Э. К анализу падежных функций: Латинский генитив // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
20. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930, XXVIII.
21. Осипова О.А. Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Тез. 36 Междунар. конф. Лингвистического общества Европы, 2003.
22. Ossipova Olga. The Possibility of the Existence of Possessive Declensions in Ancient Indo-European // Lingua Posnaniensis, v. XLIV, 2002.
23. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики. Эрзянь грамматика. М., 1931.
24. Феоктистов А.П. Мокшанский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М., 1966.
25. Лыткин В.И. Коми-пермяцкий язык // Там же.
26. Зубов А. Основы грамматики пермского наречия языка коми. М., 1931.
27. Жилина Т.И., Бараканов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
28. Осипова О. А. Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Т. 2, Томск, 2004.
29. Decsy Gyula. The Uralic Protolanguage: A Comparative Reconstruction. Eurolingua, Dloomington, Indiana, 1990.
30. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1979.
31. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.
32. Шеворошкин В.В. К истории индоевропейского генитива // Вопросы языкознания, № 6, 1957.
33. Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
34. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892, Bd. 2, XIV, 1438 S.
35. Льюис Г., Педерсен Х. Сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
36. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955.

Принятые сокращения

Языки: и.-е. – индоевропейские, гот. – готский, тельный, дат. – дательный, им. – именительный, греч. – греческий, др.-инд. – древнеиндийский, двн. мн. ч. – множественное число, л. – лицо, п. – падеж, – древневерхнегерманский, лат. – латинский, скр. – род. – родительный, пр. вр. – прошедшее время, санскрит; **грамматические пометы:** вин. – винительный, ср. р. – средний род.

Н.С. Жукова

ГЛАГОЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Томский государственный педагогический университет

Любая единица языковой системы взаимодействует как с единицами своего уровня, так и с единицами других уровней. Применительно к словоформам следует отметить, что они вступают во взаимоотношения как с единицами своего, морфологического уровня, так и с единицами синтаксического и лексического уровней. Грамматические категории также вступают в определенные отношения, взаимодействуют друг с другом. Как отмечает А.В. Бондарко, грамматические категории в системе языка (как в его современном состоянии, так и в его развитии) выступают не изолированно, а в составе своего рода блоков, категориальных комплексов. При явно выраженных взаимных связях грамматических категорий, входящих в такие группировки, эти поликатегориальные единства представляют собой особого рода системы, имеющие свою *структуру*, элементами которой являются отдельные категории и отношения между ними [1, с. 88].

Представляется, что эта «особого рода» система должна рассматриваться конкретно-исторически, так как ее элементы (грамматические категории) есть исторически изменяющиеся категории. «Значение форм той или иной грамматической категории и ее состав не остаются неизменными» [2, с. 26], а следовательно, не остаются без изменения и отношения между категориями.

В отношении синхронного состояния глагольной системы современного немецкого языка правомерно говорить об иерархических отношениях между категориями. В этой связи представляется возможным использование явления синкретизма¹ в морфологических категориях как одного из критериев при установлении их иерархии.

Среди лингвистов нет единства мнений относительно состава морфологических категорий и их членения в современном немецком языке. В этой связи следует отметить, что автор данной статьи разделяет точку зрения Л.С. Ермолаевой, согласно которой категория наклонения в современном немецком языке представлена двумя наклонениями: наклонением реальности – «реалис» и наклоне-

нием ирреальности – «ирреалис». Реалис образуют три компонента: индикатив, субъюнктив (конъюнктив косвенной речи по традиционной терминологии) и императив [4]. Индикатив и императив противопоставлены друг другу по своей соотносительности с предложениями с различной целеустановкой и образуют категорию волеизъявления/неволеизъявления [5]. Субъюнктив и комментатив, и индикатив противопоставлены по признаку вида речи (прямая/косвенная речь) и образуют морфологическую категорию вида речи (подробно см. [6])². Формы субъюнктива (комментатива), так же как и формы категории волеизъявления (по традиционной терминологии формы императива), входят в состав сложного синтаксического маркера и в составе этого сложного синтаксического маркера³ служат для выражения значений соответствующих синтаксических категорий, для выражения значений косвенности и побуждения.

Как показал анализ грамматических категорий, не все граммы глагола сочетаются одна с другой в конкретной форме. Так, например, во множественном числе во всех временах и наклонениях не выражается первое и третье лицо, а выражается второе лицо, ср. (wir, sie) loben, werden loben, haben gelobt и т.д., в то время как в единственном числе первое и третье лицо выражены. Граммема множественного числа глагола не сочетается в современном немецком языке с граммеммами первого и третьего лица. Подобное сочетание имеет место в единственном числе в презенце (ich) lobe, (er) lobt, перфекте habe gelobt, hat gelobt, футуруме I werde loben, wird loben. Однако в претерите (ich, er) lobt, плюсквамперфекте (ich, er) hatte gelobt первое и третье лицо единственного числа не выражено. Аналогично противопоставление между первым и третьим лицом единственного числа не выражено во всех временах ирреалиса и субъюнктива, т.е. граммема претерита и плюсквамперфекта индикатива, а также субъюнктива и ирреалиса в сочетании с граммемой единственного числа не совместима с граммемой первого и третьего лица. Таким образом, выражение

¹ «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различия соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [3, с. 39].

² Об остальных категориях глагола в современном немецком языке см. [7, с. 13–14].

³ О сложном синтаксическом маркере в современном немецком языке см. [8, с. 59].

категории лица зависит от категории наклонения, вида речи, числа и времени. Так, например, в реалисе (индикативе) выражено шесть граммем времени: презенс (*lobe*), претерит (*lobte*), перфект (*habe gelobt*), плюсквамперфект (*hatte gelobt*), футурум I (*werde loben*) и футурум II (*werde gelobt haben*), в ирреалисе – только две граммемы: граммема не прошедшего (*lobte ~ würde loben*) и граммема прошедшего (*hätte gelobt ~ würde gelobt haben*).

Следовательно, когда противопоставление в какой-либо категории не выражено (например, противопоставление «настоящее/будущее» в ирреалисе), наблюдается отсутствие соответствующих самостоятельных граммем, которые характерны для другой части системы (например, для реалиса). Именно присутствие граммемы ирреалиса делает невозможным наличие самостоятельных граммем настоящего и будущего. В данном случае имеет место синкретичная форма, представляющая собой укрупненную граммему не прошедшего, именно с этой граммемой и сочетается граммема ирреалиса. Тогда синкретичная форма показывает, что выраженность (или степень детализации) определенного грамматического значения зависит от другой категории, так как в одном случае имеет место противопоставленность граммем, например: настоящее/будущее (*lobe/werde loben* – две граммемы), а в другом – нет, например: не прошедшее (*lobte ~ würde loben* – одна граммема).

Таким образом, явление синкретизма в морфологической категории может служить одним из показателей зависимости категорий. Так, категория наклонения не имеет синкретичных форм. Это значит, что обе граммемы наклонения (реалис/ирреалис) выражены в обоих залогах: в активе и пассиве, в любом времени, числе, лице, т.е. данное противопоставление не ограничивается никакими другими категориями. Согласно мнению А.В. Бондарко об актуализационных функциях основной из них следует признать ту, которая занимает наиболее независимое положение и оказывает наибольшее влияние на другие функции. Этот вопрос, очевидно, нужно решать в зависимости от соотношения актуализационных функций в каждом конкретном языке [9, с. 58]. Тогда, учитывая процент выраженности той или иной морфологической категории, которая в свою очередь зависит от наличия синкретичных форм в категории, будем иметь следующую картину иерархии¹ категорий глагола в современном немецком языке (рис. 1).

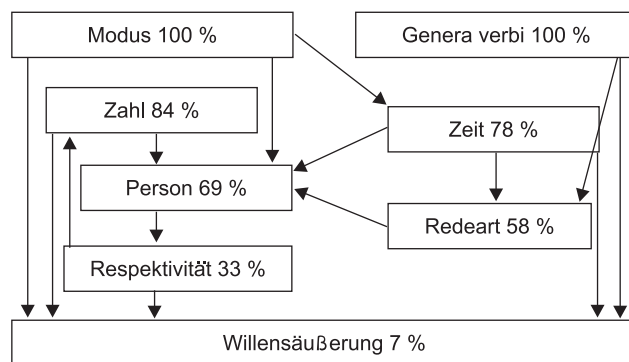

Рис. 1.

Подсчет морфологической выраженности значений по категориям в процентах производился следующим образом:

Выраженное в категории противопоставление принималось за 100 %, а отсутствие противопоставленности соответствующих значений в микропарадигме (синкретизм) – за 0 %. Рассмотрим, например, категорию лица.

	Реалис, актив, презенс	
ед. число	первое/второе <i>lobe/lobst</i>	-100 %
	первое/третье <i>lobe/lobt</i>	-100 %
	второе/третье <i>lobst/lobt</i>	-100 %
мн. число	первое/второе <i>loben/lobt</i>	-100 %
	первое/третье <i>loben</i> невторое лицо	-0 %
	и т.д.	

Так была просчитана противопоставленность по лицу в единственном и множественном числе во всех временах, в обоих залогах и наклонениях (в системе реалиса, также в субъюнктиве и императиве). Затем было подсчитано среднее арифметическое.

Зависимыми категориями в современном немецком языке являются все категории глагола, кроме категории залога и наклонения.

Категория числа (84 %) зависит от категории респективности/ареспективности². Последняя снижает процент морфологической выраженности категории числа. Так, например, вежливая форма *loben* (*Sie*) синкретична в отношении числа и употребляется как в единственном, так и во множественном числе.

Категория времени (78 %) зависит только от категории наклонения. В реалисе, где имеется развитая временная система, все временные противопоставления морфологически маркированы. Указанный процент объясняется тем, что в системе ирреалиса форма не прошедшего времени (*lobte ~ würde loben*)

¹ Иерархия грамматических категорий представляет собой синхронно-статический показатель продуктивности. Так первая (иерархия) показывает степень зависимости категорий друг от друга на синхронном срезе, а вторая (продуктивность) дает возможность определить перспективу развития и внести тем самым «элемент движения» в синхронное описание языковой системы. О продуктивности морфологических категорий глагола в современном немецком языке см. [7].

² О выделении категории респективности/ареспективности см. [10].

синкретична в отношении будущего, настоящего и одновременности. Синкретичные формы прошедшего (*hätte gelobt ~ würde gelobt haben*) объединяют граммемы предшествования в настоящем, прошедшем и будущем (относительное употребление), так как в реалисе в аналогичной функции употребляются перфект (*habe gelobt*), плюсквамперфект (*hatte gelobt*) и футурум II (*werde gelobt haben*).

Морфологическая выраженность категории лица, о синкретичных формах которой речь шла выше, составляет 69 %.

Категория вида речи (58 %) зависит от категорий залога, времени и числа. Например, в активе в настоящем и прошедшем времени (перфекте) во втором лице множественного числа субъюнктив четко противопоставлен форме индикатива (*ihr lobet/lobt*), а в будущем времени в активе (*werdet loben*) и в настоящем и будущем времени в пассиве (*werdet gelobt, werdet gelobt werden*) форма второго лица множественного числа нейтральна в отношении косвенности и является синкретичной формой. Она может употребляться в синтаксических конструкциях, оформляющих как косвенное, так и некосвенное высказывание. Ср., например, в единственном числе будущего времени форма субъюнктива противопоставлена форме индикатива, а во множественном числе соответствующая форма реалиса является синкретичной.

(du) wirst loben / werdest loben

(ihr) werdet loben

Значение категории респективности/ареспективности («вежливости/невежливости») выражается морфологически только во втором лице единственного и множественного числа.

Ср.: *Невежливость* *Вежливость*
ед. ч. (du) lobst Loben (Sie)
мн. ч. (ihr) lobt

Остальные формы синкретичны в отношении вежливости/невежливости. Это объясняет 33 % морфологической выраженности у этой категории.

Примерно 7 % морфологической выраженности имеет категория волеизъявления/неволеизъявления. Она представлена двумя формами второго и третьего лица реалиса (индикативом и императивом).

Неволеизъявление *Волеизъявление*
ед. ч. 2 лицо (du) lobst / lob!
3 лицо (er) lobt / lobe (er)

Остальные формы реалиса презенса актива и ирреалиса синкретичны в отношении волеизъявления и могут выражать как волеизъявление (*Käme bald der Frühling!*), так и неволеизъявление.

Независимыми от других категорий в современном немецком языке являются категории залога и наклонения. Обе категории не имеют синкретичных форм и характеризуются, соответственно, стопроцентной морфологической выраженностью всех противопоставлений, свойственных данным категориям, что свидетельствует о симметрии данных категорий, об их устойчивости и стабильности. Как уже отмечалось выше, иерархия грамматических категорий может рассматриваться как синхронно-статистический показатель их продуктивности¹. Очевидно, что более продуктивные категории, являясь более устойчивыми и стабильными, играют большую роль в языковой системе, так как они меньше дублируются средствами других уровней. Наименьшая продуктивность категорий, их периферийный характер говорят об ослаблении позиции соответствующих категорий в системе языка.

Категории наклонения посвящен целый ряд работ, объясняющих ее статус в глагольной подсистеме с позиции продуктивности категорий и общей тенденции развития всей системы немецкого языка [4; 7; 11]. Категория залога с таких позиций не рассматривалась, поэтому в данной статье будет уделено больше внимания объяснению центральной роли категории залога в глагольной подсистеме современного немецкого языка.

Иерархия грамматических категорий не является постоянной. Для каждого периода развития языковой системы характерны свой набор и состав морфологических категорий и определенные отношения между ними. Для понимания отношений между глагольными категориями современного немецкого языка и объяснения их системного статуса на синхронном срезе необходимо рассмотреть глагольную подсистему немецкого языка в развитии, т.е. с позиций принципа историзма, согласно которому «...необходимо все время иметь в виду историческую перспективу – как в отношении предшествующих периодов развития <...>, так и в отношении тенденций <...> последующего развития» [12, с. 22)].

Исходной моделью сопоставления современных германских языков с предшествующими периодами развития является готская модель как единственная из всех древних германских языков сохранившаяся в письменном виде. Использование яв-

¹ Продуктивными звеньями той или иной микросистемы на определенном этапе ее развития считаются такие категории, которые получают в рамках данной микросистемы последовательное выражение и не дублируются средствами какой-либо другой микросистемы. Применительно к морфологической подсистеме можно заключить, что продуктивными являются те морфологические категории, которым в языковой системе принадлежит ведущая роль в выражении соответствующей семантики (по сравнению с лексическими и синтаксическими средствами).

ления синкретизма как показателя зависимости категорий дает возможность получить следующую иерархическую систему глагольных категорий в готском языке (рис. 2.).

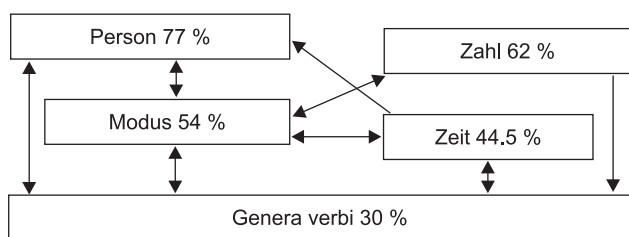

Рис. 2.

Независимых категорий со стопроцентной морфологической выраженностью в готском языке не было. Категории наклонения и залога зависели от ряда категорий.

Категорию залога в готском языке образует двучленная оппозиция: актив/медиопассив, которая является асимметричной, так как актив имеет две временные формы (презенс и претерит) и полную модальную парадигму (индикатив/оптатив/императив), а его противочлен медиопассив – только форму презенса и два наклонения: индикатив и оптатив. Категория залога в готском языке зависит от категорий лица, числа, времени и наклонения. Наличие синкретичных форм в составе категории залога в готском языке говорит об асимметрии ее парадигмы и отражает изменения, которыми она охвачена. Периферийное положение категории залога в глагольной подсистеме является показателем ее преобразования в плане перспективы развития или свидетельствует об отмирании данной категории.

Дальнейшее развитие истории показало, что медиопассив, относящийся в готском языке к периферии системы, полностью вымирает уже к древневерхнемецкому периоду.

Ср. картину иерархии морфологических категорий глагола в древневерхнемецком языке (рис. 3.).

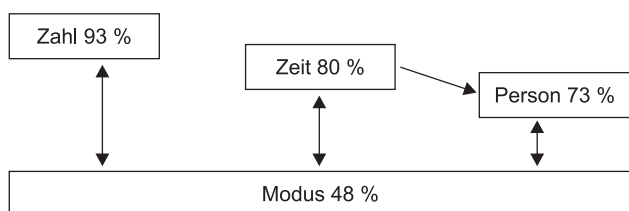

Рис. 3.

В древневерхнемецком период еще нет категории залога, так как пассив как противочлен актива еще не сложился, что в свою очередь обусловлено недостаточным развитием соответствующих синтаксических средств, необходимых для оформ-

ления категории залога как морфолого-синтаксической категории.

Конструкции с *wesan*, которые часто встречаются в древних памятниках, представляют собой, как правило, предикативное употребление партиципа в функции определения со значением состояния как результата какого-либо действия. Например, *dhiu chiholan ist...joh ...giborgan* (Is. II, 15) «Weisheit ist verschlossen und verborgen». Даже если эти конструкции обозначали действие, направленное на субъект, они все равно не могли быть противопоставлены активу как члены одной оппозиции, так как были еще не морфологизованы, т.е. пассив был еще в стадии становления.

В древневерхнемецком языке можно выделить категории числа, лица, времени и наклонения. В отличие от современного немецкого языка категория наклонения зависела от категорий времени, числа и лица. В категории наклонения в древневерхнемецком периоде происходили значительные изменения, что выражалось в существовании наряду с четырехчленной оппозицией индикатив/субъюнктив/императив/ирреалис редуцированных оппозиций (двух- и трехчленной). Например, индикатив/ирреалис (*machōt/ machōtīt*), индикатив/ирреалис/императив (*machōs/machōtīs/macho*), индикатив/ирреалис/субъюнктив (*ziohet/zugit/ziohēt*) [4, с. 36].

Категория лица уже в этот период зависела от категорий времени, наклонения и числа, что отражало наметившийся процесс свертывания оппозиции по лицу, который наблюдается и в последующие периоды языкового развития. Однако морфологическая выраженность этой категории была выше, чем в современном немецком языке. Например, в современном немецком языке во множественном числе в презенсе и претерите индикатива второму лицу противостоит синкретичная форма невторого лица. Ср.: (*ihr*) *teilt/teilen* (*wir, sie*).

В древневерхнемецком языке во множественном числе существовали формы первого и третьего лица презенса *teil-e-mēs* /*teil-e-nt* и претерита *teil-t-um* /*teil-t-un* (аналогично в претерите ирреалиса *teil-t-îm*/*teil-t-în*), т.е. противопоставление между первым и вторым лицом было выражено на уровне морфологии.

Ср.: древневерхнемецкий *teil-e-mēs* /*teil-e-nt*

современный немецкий *teilen* (*wir, sie*)

В средневерхнемецком период заканчивается процесс грамматикализации пассива. Это в свою очередь связано с тем, что именно в данный исторический период развиваются синтаксические средства, участвующие в организации плана выражения категории залога, а именно: двусоставность предложения (выражение субъекта становится обязательным), твердый порядок слов (фиксированная

позиция сказуемого), необходимые для оформления агенса в пассивном предложении предлоги. Указанные синтаксические средства развивались параллельно с процессом становления категории залога, так как без них невозможно было бы появление данной категории морфолого-синтаксического характера.

Таким образом, в средневерхненемецком языке существует уже оппозиция актив/пассив. Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева считают, что в этот период пассив имеет полную временную парадигму [13, с. 174]. Автор данной статьи придерживается представленной и в отечественной, и в зарубежной германистике точки зрения, согласно которой пассив в рассматриваемый период не имел аналитических форм перфекта, плюсквамперфекта и конъюнктива, поэтому степень морфологической выраженности категории залога составляла в средневерхненемецком языке 33 % (рис. 4).

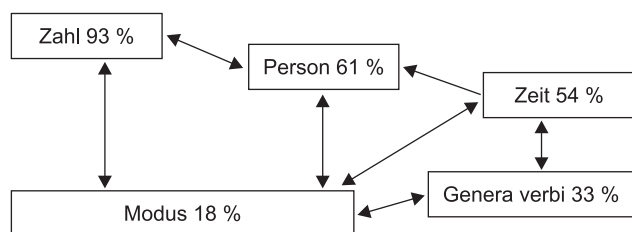

Рис. 4.

В этот период исторического развития немецкого языка складываются пассивные формы перфекта и плюсквамперфекта (подробно см., например, [14]), однако рассматривать соответствующие конструкции как окончательно грамматикализованные в данный период было бы неправомерно. Удаленность данной категории от центра глагольной системы и асимметричный характер ее парадигмы подтверждают целесообразность такого подхода, так как свидетельствуют о «неразвернутости» категории залога и тем самым характеризуют ее как находящуюся в стадии становления.

Периферийное положение категории наклонения в глагольной подсистеме средневерхненемецкого языка объясняется незаконченным еще процессом перестройки данной категории, который начался в предшествующие периоды исторического развития немецкого языка.

Грамматикализация перфекта и плюсквамперфекта пассива завершается в ранненоверхненемецкий период параллельно с завершением развития соответствующих синтаксических средств. К этому времени заканчиваются преобразования и в категории наклонений (рис. 5).

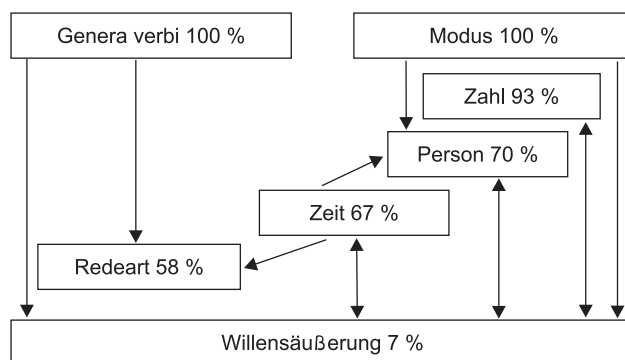

Рис. 5.

Картина иерархии глагольных категорий в ранненоверхненемецкий период показывает, что пассив имеет полную парадигму и свидетельствует о завершении процесса становления категории залога, парадигма которой является симметричной, т.е. характеризуется отсутствием синкретичных форм и, следовательно, 100 % морфологической выраженностью. В ранненоверхненемецкий период категории залога и наклонения занимают ведущее и центральное положение в глагольной подсистеме немецкого языка, которое они сохраняют и в современном немецком языке.

В отличие от других глагольных категорий, которые в процессе развития немецкого языка меняли свой статус и постепенно передавали свои функции от морфологических средств к синтаксическим по мере становления в системе языка соответствующих синтаксических категорий (например, категории лица, числа (см. [10]), категории волеизъявления/неволеизъявления, вида речи (см. [5, 6])¹, выражение соответствующих значений категории залога с момента ее становления осуществлялось через непосредственное взаимодействие морфологических средств с синтаксическими.

Сопоставительный анализ грамматической системы немецкого языка в различные периоды его развития показал, что процесс становления категории залога шел параллельно с развитием синтаксической структуры предложения, так как категория залога с самого начала складывалась как синтаксико-морфологическая категория. «Морфологическая ее сторона заключается в том, что форма отдельно взятого глагольного слова <...> предопределяет <...> возможность образования обоих залогов <...>. Синтаксическая сторона рассматриваемой оппозиции заключается в том, что актив и пассив представлены и выражены не только в формах глагола, но и за его пределами – в соотношении глагола-сказуемого с подлежащим и дополнением. По существу речь идет об активной и пассивной конструкциях,

¹ Ср. категория времени в сфере ирреальности, которая сформировалась позднее, чем аналогичная морфологическая категория в сфере реальности, и является в отличие от последней синтаксической категорией [15].

об активном и пассивном оборотах, где глагол – лишь один из участников выражения залоговых отношений» [16, с. 28].

Как показал проведенный сравнительно-сопоставительный анализ глагольной подсистемы немецкого языка в различные периоды его развития, иерархическая зависимость категорий является своего рода показателем процесса перестройки самих категорий, в ходе которого морфологические категории меняют свой статус, что отражается в изменении иерархической зависимости между категориями. Как отмечается в работах по типологии, для типологической характеристики языка важно не только, какие грамматические значения выражаются категориально, но важна и детализация, и иерархия грамматических категорий [17].

Тогда синкретизм, выступая одним из показателей зависимости категорий и их иерархии, является в свою очередь одной из типологических характеристик языка. Явление синкретизма, как и саму иерархию категорий, следует отнести к параметрам не только внутриуровневой, но межуровневой типологии, так как они «отражают» отношения между уровнями языковой системы. Ведь зависимые категории, не обладающие стопроцентной морфологической выраженностью, свидетельствуют о том, что соответствующие значения выражаются в данной языковой системе средствами других уровней языка, т.е. иерархия категорий в известной степени показывает характер «распределения» понятийного содержания между уровнями языковой системы.

Литература

1. Бондарко А.В. Диахронические аспекты взаимодействия уровней языка // Тезисы докладов II Всесоюзной научной конференции по вопросам языкознания. Диалектика развития языка. М., 1980.
2. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
3. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
4. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1978.
5. Жукова Н.С. О статусе императива в системе современного немецкого языка // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. Т. 2. Вып. 1.
6. Жукова Н.С. О статусе конъюнктива косвенной речи в современном немецком языке // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: Мат-лы Междунар. конф. Томск, 1997. Ч. 2.
7. Жукова Н.С. Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
8. Ермолаева Л.С., Сабанеева М.К. К проблеме морфосинтаксиса // Вопр. языкознания. 1986. № 6.
9. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
10. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.
11. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (парадигма реальности): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.
12. Десницкая А.В. Об историзме в трактовке элементов структуры слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
13. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка. М.–Л., 1968.
14. Гухман М.М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
15. Жукова Н.С. Межуровневый аспект темпоральной семантики форм ирреалиса в современном немецком языке // Вопросы лексической и грамматической типологии. Проблемы преподавания иностранных языков в высшей и средней школе: Мат-лы XXI Междунар. конф., посвященной памяти А.П. Дульзона. Томск, 1998. Ч. 2.
16. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3.
17. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). М., 1975.

Т.Н. Федуленкова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова

К 100-летию со дня рождения В.Д. Аракина
К 95-летию со дня рождения А.В. Кунина
Великим Учителям моим посвящаю

На протяжении недолгой истории такой молодой науки, как фразеология, оформившейся около четырех десятилетий назад, не ослабевает дискуссия о природе компонента фразеологической единицы (ФЕ). Теоретическая позиция сторонников несловной трактовки компонентов ФЕ (В.П. Жуков, Э.Х. Ротт, А.И. Молотков и др.) отличается как своей противоречивостью, так и отсутствием достаточно убедительной аргументации в защиту выдвигаемых положений. Анализ различных воззрений сторонников несловной трактовки на характер компонентов ФЕ объединяют следующие исходные положения в исследовании фразеологии:

1. Гиперболизация идеи семантической целостности ФЕ, то есть чрезмерное сближение семантики ФЕ и слова, приписывание фразеологической единице статуса эквивалента слову.

2. Сведение к нулю семантической роли компонентов ФЕ вследствие гипертрофии семантического фактора ФЕ.

3. Изоляция компонентов ФЕ от смысловой структуры слов.

4. Абсолютизация фактов сокращения объема парадигматических и синтагматических отношений компонентов ФЕ.

5. Недооценка структурных характеристик ФЕ как раздельнооформленных единиц.

6. Ограниченное понимание теории устойчивости ФЕ.

7. Сужение границ фразеологии до ФЕ среднего и верхнего порогов устойчивости.

Обратимся к истокам фразеологии и узнаем, что, предостерегая от сведения вопроса о «фразе» целиком к проблеме слова, В.В. Виноградов пишет, что соотносительные и взаимосвязанные компоненты сложного фразеологического целого, выступающего в речевой деятельности как особая семантическая категория, являются элементами словными, которые в живом словесном единстве высказывания объединены «в новом категориальном синтезе». Более того, В.В. Виноградов ставит перед исследователями фразеологии задачу «изучения структуры разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразеобразования» [1, с. 119].

Отмечая наличие основанной на идиоматичности семантической цельности у фразеологических оборотов, А.И. Смирницкий утверждает, что они имеют «строение свободного, собственно грамматического сочетания слов», то есть компоненты фразеологических единиц рассматриваются как слова, причем достаточным основанием для этого считается совпадение компонентов ФЕ со словами, входящими в свободные словосочетания, хотя бы по оформлению [2, с. 206–207].

Обращая внимание на специфику семантического взаимодействия сочетающихся в фразеологизмах элементов и настаивая на изучении интралингвистических факторов семантического изменения слов в составе ФЕ, Н.Н. Амосова подчеркивает, что новый аспект проблемы переосмысления слов открывается перед исследователями наблюдениями над «формами функционирования фразеологических единиц, над семантическими связями между их компонентами, над случаями вычленения одного из компонентов фразеологической единицы с возникающим в результате такого вычленения сдвигом его семантики под воздействием целостного значения исходного *словесного* комплекса» [3, с. 8] (выделено мною. – Т.Ф.).

Более твердую позицию обнаруживают труды В.Л. Архангельского, который, доказывая, что ФЕ обладает всеми свойствами лингвистического знака и указывая на его асимметричность как единицы глобального десигната, с одной стороны, и раздельно-составного десигнатора, с другой, отмечает: «Фразеологическая единица в качестве интегрантов десигнатора имеет ограниченное число строго определенных слов, каждое из которых вне данной фразеологической единицы также является знаком» [4, с. 25].

«Фразеология – это наука о фразеологических единицах,» – пишет А.В. Кунин, – «т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой» [5, с. 5]. Если автор указывает при этом на факт словности фразеологической единицы, означающий, что она является раздельнооформленным образованием, то этим самым подчеркивается также опосредованность значения ФЕ словами, ее составляющими.

Подвергая анализу вторичные семантические процессы, И.И. Чернышева показывает их связь с

диалектикой фразеобразования, которая, по убеждению автора, и проявляется в том, «что слова-компоненты фразеологической единицы, утрачивающие свое лексическое значение, присущее им в лексико-семантической системе данного языка, и образующие в устойчивом комплексе за счет перераспределения сем новое, фразеологическое, значение, могут в дальнейшем приобрести семантическую отдельность» [6, с. 259–260]. Наблюдаемые тенденции образования семантической отдельности компонентов ФЕ, которые являются результатом закрепления за ними значения всего фразеологического оборота или его части, регулярность приобретения компонентами ФЕ отфразеологического значения являются неоспоримым доказательством их словного характера [7, с. 2].

Современный уровень семантического анализа фразеологии показывает, что, как правило, фразеологическая абстракция бывает неполной [8, с. 18] и, демонстрируя тем самым неспособность слова достичь абсолютной абстракции от самого себя, почти полностью ликвидирует возможность констатации семантической опустошенности компонента фразеологической единицы.

Утверждая, что именно слова служат составными частями фразеологических единиц, Ю.А. Гвоздарев уделяет большое внимание изучению взаимоотношений между компонентами ФЕ с целью показать, как от комбинации различных видов компонентов зависит степень аналитичности/синтетичности ФЕ, наиболее важными при этом считая следующие отношения между составляющими фразеологизмов: а) отношения между компонентами определенной ФЕ; б) отношения между компонентами ФЕ и ее общим значением; в) отношения между компонентами разных фразеологических единиц как в плане выражения, так и в плане содержания; г) отношения между компонентами фразеологических единиц и отдельными словами языка; д) отношения между отдельными фразеологическими единицами, взятыми как определенные фразеологические структуры.

Автор показывает, что элементы, составляющие фразеологические обороты разных типов, ничем особенно не отличаются от обычных слов со свободными значениями в фонетико-акцентологическом плане и сохраняют к тому же некоторые парадигматические формы. Он приходит к выводу, что «даже компоненты неразложимых фразеологических единиц выделены в потоке речи, имеют определенную грамматическую оформленность, поскольку сами фразеологические единицы в своей основе имеют грамматические образцы, действующие или действовавшие в языке» [9, с. 20].

На признании словной природы компонентов фразеологических единиц основаны также иссле-

дования таких специалистов в области фразеологии, как Ю.Ю. Авалиани, А.И. Алехина, С.Б. Берлизон, Ф.А. Литвин, А.Д. Райхштейн и др. Указывая на тот факт, что фразеология как уровень языка не обладает своим особым репертуаром средств, отличных от других уровней, Ю.Ю. Авалиани утверждает, что логико-семантическая основа и коннотативно-стилистическая специфика ФЕ определяются не только валентностью ФЕ в целом по отношению к ее внешнему контексту, а прежде всего особой внутренней валентностью слов-компонентов, составляющих ту или иную ФЕ [10, с. 126].

Присоединяясь к данной точке зрения, С.Б. Берлизон понимает под комбинаторикой компонентов, или внутренней валентностью фразеологической единицы, не только их формальные связи, но и ассоциативно-семантические, застывшие в замкнутом микроконтексте фразеологизма, хотя и не всегда логические связи. Несоответствие плана содержания плану выражения, создающее специфику ФЕ, емкость ее значения и способность обозначать сложнейшие явления действительности, находит свою основу в словном характере компонентов, с одной стороны, и в их функционально-семантическом преобразовании в составе ФЕ, с другой стороны [11, с. 15].

Именно слово, как справедливо утверждает А.И. Алехина, является образующим элементом ФЕ, и именно в нем следует искать природу значения и структуру образования ФЕ: «Взаимоотношения ФЕ и слова в общей системе языка необходимо рассматривать прежде всего через призму характера интралингвистических связей их компонентов, организующих их семантику и структуру» [12, с. 81; 111].

Мнение о том, что компоненты ФЕ теряют основные структурные различия и становятся все «на одно лицо», в корне неверно, поскольку именно их своеобразие как раз и дает возможность структурной классификации фразеологизмов. Именно на собственной языковой форме основано восприятие компонентов фразеологизма как структурно оформленных единиц потока речи: «Тезис об утере компонентами грамматических категорий не может относиться к общим категориям, определяющим класс, к которому относится компонент, независимо от нашего понимания их лексической самостоятельности» [13, с. 159]. Сохранение компонентами ФЕ своих общекатегориальных грамматических значений обоснованно интерпретируется как сохранение ими своих словесных качеств, обуславливающих возможность использования их в трансформациях той модели, по которой построен фразеологизм.

Компоненты фразеологической единицы, несомненно, претерпевают определенные ограниче-

ния как в реализации значений слова, так и в формах словоизменения. Эти ограничения проявляются не только в «потускнении» значений у компонентов ФЕ, в их связанности и поглощенности целостным значением фразеологизма, но и в развитии новых значений у компонентов на базе прежних значений, подвергающихся ослаблению. Если бы компоненты ФЕ были лишены какой бы то ни было семантической содержательности и являлись лишь «фонетическими словами», то образование новых слов на фразеологической основе путем вычленения из состава ФЕ отдельных компонентов было бы невозможным.

Наиболее убедительные доказательства словного характера компонентов фразеологических единиц представляют нам окказиональные авторские употребления ФЕ в тех или иных стилистических и коммуникативно-прагматических целях. Являясь одним из наиболее распространенных приемов окказионального преобразования ФЕ, вклинивание немисливо вне словности составных элементов фразеологизма:

англ. «Hold your *silly* tongue, you conceited humbug.» (B. Shaw, «Back to Methuselah», p. 221);

нем. «Aber was soll ich sagen, der Teufel mochte seine *schwarze* Hand im Spiel haben, es kann keine rechte Stimmung auf.» (B. Brecht, «Geschichten», S. 190);

швед. «Du har lagt din *tunga* hand på de fortryckta, du har trampat på de sårade, du har hanat de elanda!» (A. Strindberg, «Roda rummet», s. 234–235).

Как показывают примеры, вклиниваемые элементы англ. *silly*, нем. *schwarze*, швед. *tunga*, хотя и относятся к субстантивному компоненту ФЕ, но увеличивают информативность всего оборота, придавая ему в рассматриваемых случаях общую негативную эмоциональную окраску, соответственно: англ. – презрение, нем. – опасение, швед. – негодование.

Определяя тот или иной компонент фразеологической единицы, вклинивания могут также усиливать значение ФЕ в целом:

англ. «...and he had to keep a *sharp* eye on his followers...» (W.S. Maugham, «The Explorer», p. 51);

нем. «Wir behalten ihn *natürlich* im Auge, er arbeitet weiter bei uns...» (H. Fallada, «Wer einmal aus dem Blechnapf frißt», S. 148);

швед. «...vid namnandet av “diskonten” spetsade *alla extra ordinarierna* oronen...» (A. Strindberg, «Roda rummet», s. 17–18).

Разрыв фразеологической единицы [14, с. 107] как стилистический прием окказионального использования ФЕ не был бы возможен вне словного характера компонентов ФЕ:

нем. «...da schlagt sie ihm – *plauz!* – die Tur vor der Nase zu.» (W. Bredel, «Dein unbekannter Bruder», S. 169).

Возможность авторского распространения фразеологической единицы различного рода добавлениями также подтверждает мнение о словной природе компонентов ФЕ:

англ. «Oh, my eyes *and limbs*, bring the jacket out!» (Ch. Dickens, «David Copperfield», p. 187);

швед. «Hon ville inte tro sina *ogons vittnesbord.*» (S. Lagerlof, «Anna Svard», s. 224).

Ярким свидетельством словного характера составных элементов фразеологических оборотов является перифраз:

англ. «Soames doggedly let the spring come – no easy task for one conscious that time was flying, *his birds in the bush no nearer the hand*, no issue from the web anywhere visible.» (J. Galsworthy, «In Chancery», p. 213);

нем. «Wehner fuhr in sein Haus am Havelsee. Ihm stiegen doch leise Zweifel auf, ob *die Trumpfe, die er in der Hand hatte*, genugten.» (W. Bredel, «Die Enkel», S. 566).

В первом случае перифраз известной английской пословицы (A bird in the hand is worth two in the bush) используется автором с целью не только показать всю тщетность попыток Сомса приобрести желаемое, но и вызвать сочувствие у читателя к своему герою: даже синицы в руки не получил, не говоря уже о журавле.

Во втором примере перифраз немецкого фразеологического оборота *die Trumpfe in der Hand haben*, нацеленный на живописную обрисовку деловых качеств Винера, основан на обособлении слова-компонента *die Trumpfe* и противопоставлении его другим словам-компонентам фразеологизма, организованным в данном случае в придаточное определительное предложение.

На словном характере компонентов ФЕ базируется стилистический прием буквализации, или двойной актуализации [15, с. 15] компонентов, освежающих стертую образность фразеологических оборотов:

англ. «So you deal in tallow and wine as well as coals,» said Charles. «*A Jack-of-all-trades.*» «*I've many trades,*» Gotesworth agreed blandly. «But ye may tell your noble brother white roses aren't one of 'em.» (E. Seton-Thompson, «Lobo: The King of Currumpaw and Other Stories», p. 17);

швед. «*Tiden rann henne mellan fingrarna* lik *soltorkad sand*: långsamt, oavlätligt: i dodande enformighet.» (E. Ahlgren, «Fru Marianne», s. 153).

Разнообразные синтаксические деформации фразеологических оборотов, например, такие, как эллипсис ФЕ, также вскрывают словную природу их компонентов, доказывая тот факт, что редуцированные компоненты представляют собой значащее отсутствие, а не манифестацию их семантической избыточности:

нем. «Paris in unserer Hand! Man kann es kaum fassen!» (W. Bredel, «Die Enkel», S. 340);

швед. «Din hand på att du hjälper mig!» (A. Strindberg, «Master Olof», s. 110).

Одним из существенных аргументов доказательства словности фразеологизма может служить конвергентное использование ФЕ, ведущее к их буквализации [16, с.185].

Всю сложность лингвистического статуса слова во фразеологии неправомерно было бы объяснять лишь явлением десемантизации, или утратой значения, равно как и присваивать ему другие подобные термины (например: *диверсификация* [17, с. 8])¹, поскольку среди фразеологических оборотов нельзя найти такие единицы, которые бы в качестве своих компонентов имели никогда не существовавшие в языке слова, хотя вполне допустимо, что в данный момент мы можем иногда ничего не знать о природе тех или иных компонентов фразеологических единиц, входящих в состав современных языков.

Правильнее, на наш взгляд, было бы говорить не о нечленимости слитного, выражаемого фразеологизмом значения, а о стремлении этого значения к неразложимости на отдельные слагаемые. Вполне своевременным в этом смысле является замечание Д.Н. Шмелева, который пишет: «Можно было бы, по-видимому, не считаться с тем, что фразеологические словосочетания мы интуитивно воспринимаем как именно словосочетания со связанным («опосредствованно мотивированным») значением (можно было бы думать, что интуиция нас обманывает и как раз «отделавшись» от нее, мы подходим к пониманию существа фразеологизмов), если бы не то немаловажное обстоятельство, что, сколь бы ни была затемнена «мотивированность» фразеологизма (мотивированность именно через исходное словосочетание), она никогда не стирается на столько, чтобы последний превратился в полностью «внесловное» образование» [19, с. 26]. Таким образом, автор справедливо отмечает, что дело не доходит до абсолютной несопоставимости компонентов ФЕ с «обычными» словами, поскольку даже архаизмы «отсвечивают для нас отраженным значением целого – именно как определенные формы слов».

В самом деле, фразеологическая единица есть раздельнооформленное образование, и как бы мы ни рассматривали ее составляющие элементы – в качестве слов или несловных структур, – природа их такова, что, соотносясь в парадигматическом ряду с понятием, они в составе ФЕ обладают способностью функционировать именно как слова. Поэтому основу фразеологизации составляет именно слово как ось пересечения его парадигматичес-

ких и синтагматических отношений. Не случайно Е.Д. Поливанов, предсказывая неизбежность возникновения новой лингвистической дисциплины – фразеологии, писал, что эта наука в качестве единицы-максимум будет иметь фразу, а в качестве единицы-минимум – слово и, будучи соизмеримой с синтаксисом, станет изучать «не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями слов» [20, с. 207].

Итак, слово, становясь компонентом фразеологической единицы, не утрачивает своей словесной природы. Оно не растворяется в ФЕ, в этом новом единстве, в которое оно внесло свой существенный вклад, а приобретает двойственную сущность: с одной стороны, слово является интегральной частью структурно и семантически сложного целого, с другой стороны, оно продолжает свою потенциальную до определенных условий семантическую жизнь в рамках этого целого. Это означает, что фразеологическая единица как результат фразеобразования «не порывает со своим прошлым, и в этом смысле ее синхронный аспект не отрывается от диахронного, скорее – наоборот – продолжает питаться им» [21, с. 4]. Интересны в этом смысле результаты эксперимента [22, с. 566], которые показали, что слова в идиоматическом контексте узнаются скорее, чем в неидиоматическом, и что буквальное и фигуральное значения компонентов ФЕ воспринимаются одновременно.

Подтверждение нашей аргументации находим также в современных лингвокультурологических студиях по фразеологии, где утверждается, что, даже если «фразеологические единицы отражают специфику национальной культуры нерасчлененно, в комплексе, то есть своими идиоматическими значениями», то комплекс этот – словесный [23, с. 9]. Кроме того, наряду с понятием синтаксической парадигмы в лингвистической науке утвердилось понятие фразеопарадигмы, под которым понимается: «... совокупность изменений главенствующего слова (выделено мною. – Т. Ф.) в составе фразеологической единицы» [24, с. 4].

Анализ различных воззрений на характер компонентов фразеологических единиц, а также изучение окказиональных стилистических употреблений ФЕ и тенденций фразеологической деривации [25, с. 14–17] позволяют выделить следующие особенности подхода к исследованию ФЕ, которые объединяют сторонников словной трактовки компонентов:

1. Фразеологическая единица представляет собой составной лингвистический знак, конституен-

¹ Примечательно, что в своей последней монографии, посвященной семантическим, прагматическим и лингвокультурологическим аспектам русской фразеологии, В.Н. Телия приходит к признанию словности компонентов всех типов фразеологических единиц [18, с. 58].

тами которого являются специфически употребленные словесные знаки.

2. Идея семантической неразложимости фразеологической единицы ставится под сомнение: глобальное значение ФЕ в ее идиоматичности опирается на полностью или частично переосмысленное значение ее компонентов.

3. Семантическая цельность фразеологической единицы и ее потенциальная структурно-семантическая членимость рассматриваются как нерасторжимые противоположности диалектического единства.

4. Концепции десемантизации противопоставляется концепция ослабления лексических значений

слов-компонентов, то есть признается наличие фразеологически связанных значений компонентов ФЕ как эксплицитного, так и имплицитного характера.

5. Утверждается относительная самостоятельность компонента ФЕ как занимающего собственное место в схеме денотации.

6. Основу фразеологизации составляет слово как ось пересечения его парадигматических и синтагматических отношений.

7. Признание гетерогенности фразеологических образований основывается на учете различной степени семантической связи компонентов и градации ослабления значения этих компонентов.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
2. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
3. Амосова Н.Н. Значение фразеологии как особой отрасли языкознания // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
4. Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Мат-лы межвузовского симпозиума. Тула, 1968.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М., Дубна, 1996.
6. Чернышева И.И. Текстобразующие потенции фразеологических единиц (на материале немецкой фразеологии) // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. 1976. Вып. 103.
7. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English // Lexical Creativity as a Feature of Textuality / ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15 / Ed. J. Munat & T. Fedulenkova. Zaragoza, 2004.
8. Сумин С.А. Национальное и универсальное в образности фразеологических единиц: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
9. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеологического образования. Ростов н/Д, 1977.
10. Авалиани Ю.Ю. О фразеологических потенциях слова (внутренняя и внешняя валентность фразеологических единиц) // Словообразование и фразеологическое образование: Тез. докл. науч. конф. М., 1979.
11. Берлизон С.Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // Семантическая структура слова и фразеологизма. Рязань, 1980.
12. Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово: К исследованию фразеологической системы. Минск, 1979.
13. Литвин Ф.А. Отношение слова и компонента фразеологизма к структурно-семантической модели // Вопр. фразеологии V: Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Самарканд, 1972. Вып. 219. Ч. I.
14. Naciscione A.S. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga, 2001.
15. Болдырева Л.М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
16. Халатникова Э.И. Структурно-семантические особенности конвергентных преобразований в английской фразеологии // Проблемы лексической номинации в английском языке. М., 1981.
17. Телия В.Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
18. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
19. Шмелев Д.Н. О понятии «фразеологическая связанность» // Иностранные языки в школе. 1970. № 1.
20. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Л., 1968.
21. Авалиани Ю.Ю. Сравнительно-сопоставительные аспекты валентности и сочетаемости в разносистемных языках: (К проблеме фразеологического образования) // Вопр. фразеологии XV: Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Самарканд, 1980.
22. Estill R.B., Kemper S. Interpreting Idioms // Journal of psycholinguistic research. New York; London, 1982. Vol. 11. № 6.
23. Вернер А.В. Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
24. Семенова Н.А. Параметризация глагольных фразеологических единиц в современном русском языке (функционально-синтаксический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
25. Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg, 2003. Vol. 36.

Т.Ю. Казанцева

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Северский государственный технологический институт

Учитывая особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков, А. Мейе предположил, что трехчленной родовой системе классификации предшествовала двухчленная. По его мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода [1, с. 1–28]. В соответствии с теорией А. Мейе одушевленные существительные стали отделяться от неодушевленных, и только позднее класс одушевленных делился на два рода: мужской и женский. Многие исследователи согласились с такой реконструкцией происхождения индоевропейской родовой системы. Т. Барроу путем сравнительных исследований проникает в истоки этой системы. На ранней стадии он выделяет «два класса имен: с одной стороны, “общий род”, позднее разделившийся на мужской и женский, с другой стороны – “средний род”». «На следующей стадии начинается развитие женского рода» [2, с. 191].

Итак, более ранняя форма выражения грамматического рода связана с двухчленной классификацией, которая, по мнению А.В. Десницкой, основана на оценке всех предметов и явлений по той роли, какую они играют в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Именно такое деление выразилось в создании категории «так называемого среднего рода» [3, с. 67].

Однако У. Уитни изменил схему А. Мейе отделения родов. Он полагал, что женский род первым отделялся от мужского. «Отделение же среднего рода от мужского было позже по происхождению и в значительной степени менее маркировано...» [4, с. 273–274]. В свою очередь Е. Курилович, исследуя славянские языки, полностью подтвердил идеи А. Мейе [5, с. 255].

В. Леман заключил, что «средний род в индоевропейских языках проявился позже, только после появления мужского и женского родов» [6, с. 197]. Следует отметить, что данной точки зрения придерживались и У. Уитни, и Г. Гюнтер.

Немаловажное значение имеет мнение А. Мартине, которое заключается в том, что женский род впервые появился в согласовании указательных местоимений с группой имен. Местоименное противопоставление могло служить для выражения половых различий.

Действительно, были проведены различные исследования, но только работы таких ученых, как Э. Бенвениста и Е. Куриловича, касались происхождения основ существительных [7, с. 5].

Дальнейшее обсуждение основывается на теории В. Лемана. Он утверждал, что «новое фонологическое описание протоиндоевропейского должно придерживаться новых морфологических исследований» [6, с. 181].

По мнению В. Лемана, возникновение системы согласования было вопросом времени: «Сходство в функции, ведущей к сходству в окончаниях многих существительных, прилагательных и указательных местоимений, привело к родовому согласованию между существительными и их определяющими... Благодаря установлению согласования между формами со сходным окончанием возникло тройное согласование, хотя без какого-либо упоминания о поле или естественном роде» [6, с. 196].

И. Фодор согласился с теорией А. Мейе, который разделил существительные на одушевленные и неодушевленные, что явилось, по его мнению, первой стадией развития индоевропейского рода [8, с. 32]. Кроме того, И. Фодор относит происхождение грамматического рода к протоиндоевропейскому периоду, в отличие от В. Лемана, который относит его к праиндоевропейскому периоду.

В результате принятия одушевленной/неодушевленной дихотомии И. Фодор приходит к выводу, что средний и несредний роды разделялись по синтаксическим причинам, тогда как мужской и женский роды стали различаться благодаря семантическим и морфологическим причинам.

С точки зрения В. Лемана, «три согласованных класса возникли одновременно» [6, с. 199], потому что эти родовые классы являлись результатом одинаковых фонологических и морфологических изменений. Исходя из вышеуказанного, можно заключить, что пока нет единого взгляда на категорию рода. Как многие ученые отмечали, некоторые проблемы исследования данной категории продолжают оставаться предметом дискуссии, в том числе такие важные, как соотношение категории рода с дифференциацией по полу, одушевленности и неодушевленности, с категориями лица и нелица, «активных» и «пассивных» предметов; двоичная и троичная системы родовой оппозиции, содержание родовых форм в различных лексико-грамматичес-

ких разрядах существительных; проблема соотношения морфологии и синтаксиса в выражении категории рода [9, с. 205–207; 10, с. 53–61].

Трехродовой системе классификации существительных в индоевропейских языках предшествовала двухродовая, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности [11, с. 57, 163]. Категория одушевленности/неодушевленности привлекала внимание многих лингвистов [12, с. 345–346; 13, с. 59–65].

В данной работе особое внимание мы акцентируем на более ранней форме выражения рода, которая связана с категорией одушевленности/неодушевленности, поскольку консонантные форманты в древнегерманских языках служили маркерами одушевленности [14, с. 153].

В настоящее время высказывается мнение, что деление существительных на «одушевленные» и «неодушевленные» классы характерно для языков классной типологии [11, с. 281]. Разделение существительных на эти два класса было свойственно не только языкам классного типа, но и языкам активного строя на начальном этапе [11, с. 173–174, 268–269]. Г. Климов отмечает, что «... эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного (“одушевленного”) и инактивного (“неодушевленного”) классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков» [11, с. 270].

Сравнение с кетским языком в какой-то степени может помочь восстановить картину праиндоевропейского языка, так как в кетском, наряду с зачатками деления по родам, сохранилось более древнее деление существительных на классы: одушевленный/неодушевленный или вещный/невещный [15, с. 63, 64].

К одушевленным именам в кетском относятся названия не только живых существ, некоторых частей тела и всего растущего, но и названия социально значимых предметов [16, с. 36]. В кетском языке выделяются и показатели одушевленности для множественного числа и рода (для единственного числа мужского рода – -а-, для женского рода – -i-) [15, с. 70, 71]. Что касается праиндоевропейского языка, то такую четкую градацию невозможно восстановить. Можно лишь наблюдать, что в одних основах группируется больше слов мужского рода, например, индоевропейские о-основы (германские а-основы), в других – женского рода, например, индоевропейские ā-основы (германские ð-основы), некоторые основы содержат все три рода.

М.М. Гухман в отношении праиндоевропейского допускает существование в системе существительных «...бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотнесенной и частично пере-

крываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленности/неодушевленности» [17, с. 229].

Даже в тех языках, в которых категория рода сохранилась, и сейчас можно наблюдать очень сложные переплетения этой категории с выражением в имени противопоставления по полу, личности–неличности, одушевленности/неодушевленности. Кроме выражения одушевленности Т.В. Гамкрелдзе и В.В. Иванов указывают на сочетание различных признаков у активных существительных [18, с. 428].

По мнению А.Н. Савченко, для праиндоевропейского «термины “одушевленный” и “неодушевленный” не точны, потому что к активному классу принадлежали также многие имена, обозначающие неодушевленные предметы» [19, с. 74–90].

А.В. Десницкая считает неверным подходить к семантике двухчленной классификации в каждом отдельном языке с единой формулой: «одушевленные–неодушевленные», «активные–пассивные», «разумные–неразумные» [3, с. 67].

В данной работе термин «категория одушевленности/неодушевленности» используется не случайно. Во-первых, это наиболее употребительный и традиционный термин, а во-вторых, в древнегерманских, как и в древних индоевропейских языках, сохранились остатки деления существительных на одушевленные и неодушевленные. Поэтому будем рассматривать одушевленные классы имен в более широком смысле, то есть имена, включающие также признаки активности.

К «одушевленному» классу можно отнести такие имена, которые А. Мейе характеризует следующим образом: «В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие “одушевленного”» [12, с. 345]. Интересна мысль А. Мейе о том, что “если исходить из мышления полудивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или иное другое слово относится к «одушевленному» или «неодушевленному» роду [12, с. 346], такой же точки зрения придерживается Г. Корбетт [20, с. 317]. К «одушевленному» роду А. Мейе также относит и «... имена, обозначающие активные силы» [12, с. 346]. Поскольку деление на одушевленные и неодушевленные предметы в силу различных культурных и религиозных представлений у индоевропейца могло быть иным, поэтому, по мнению К. Шилдз, некоторые имена (ветер, солнце, мороз и т.д.), обозначающие неодушевленные предметы, «могут выступать в функции агенса» [21, с. 226–227].

Дж. О'Кёрм также высказывался об одушевленном классе и утверждал, что древние индоевропейцы персонифицировали гораздо больше неодуше-

ленных вещей, например, таких, как солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т.д. Отличались же одушевленные имена от неодушевленных по форме и тем, что не различали естественного пола. Можно предположить, что имена одушевленного класса отличались от неодушевленного не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Поэтому, обращая особое внимание на группы существительных, обозначающих одушевленные денотаты, считаем важным их маркированность как один из признаков, по которому древние относили их к классу одушевленных. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К этим именам принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [18, с. 274].

С именами одушевленного класса также будем связывать социальную значимость соответствующих денотатов. В этом нас убеждает особое отношение аборигенного населения Сибири ко многим вещам, играющим важную роль в их жизни. Кроме того, как показали исследования Г.К. Вернера, в кетском языке к одушевленному классу относятся имена, обозначающие социально значимые вещи [16, с. 34–45]. Что же касается языков активной типологии, то в них происходит постепенная перестройка оппозиции по признаку общественно активных денотатов общественно неактивным [11, с. 211–212].

Существительные, относящиеся к одушевленному классу, как правило, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. А. Мейе называет следующие группы этой лексики: а) названия родства; б) названия животных и растений; в) названия некоторых вещей (топор, сосуд, названия металлов и т.д.); г) части тела [12, с. 391–408]. Более детальная группировка имен семантического словаря индоевропейцев дана в книге Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [18].

Такие существительные во многих уральских языках наделены лично-притяжательными суффиксами, т.е. присоединяют посессивные фор-

манты. В тех финно-угорских языках, где категория посессивности (принадлежности) имеет материальное выражение, она, как правило, связана с существительными только определенной семантики.

В одном из уральских языков, селькупском, лично-притяжательные суффиксы способны принимать субстантивы, обозначающие родственные или близкие к ним отношения, части тела человека или животного, предметы домашнего обихода [22, с. 74–81].

Эти группы существительных обладают поразительным сходством с группами существительных в древнегерманских языках, относящихся к склонениям с консонантными элементами. Более того, они во многом напоминают существительные, способные принимать формы органической (неотторжимой) принадлежности в языках активной типологии [11, с. 149, 153].

Отражение категории одушевленности/неодушевленности в склонении древнегерманских существительных будем связывать с употреблением в них основообразующих формантов, то есть с наиболее древними маркерами именных классов.

Поскольку консонантные основообразующие форманты сохранились во всех ветвях индоевропейских языков, постольку «действия» данной маркировки должны были относиться к прошлому, видимо, к индоевропейской языковой общности. Период же отделения общегерманского языка от западной группы древних индоевропейских языков до сих пор является спорным вопросом [23, с. 114–119; 24, с. 44–67].

Действительно, древнегерманские языки в исторический период сохраняют лишь следы некогда существовавшей бинарной оппозиции в делении существительных на одушевленные и неодушевленные при помощи отнесения их к соответствующему склонению. Поэтому в данной работе именами, выражающими одушевленность, будут считаться существительные, относящиеся к общеиндоевропейскому слою германской лексики и имеющие маркер одушевленности.

Р.З. Мурясов на материале современного немецкого языка показал связь типа склонения с проявлением категории одушевленности/неодушевленности [25, с. 353–368].

Отголоском древней индоевропейской категории одушевленности/неодушевленности является на более позднем этапе развития индоевропейских языков существование склонений существительных на определенные основы. Хотя каждый из основообразующих формантов с консонантными элементами обладает своей спецификой и, возможно, в своих истоках выражал более конкретное лексическое значение, впоследствии все эти

форманты были объединены одним семантическим стержнем – служить для обозначения одушевленности.

Многие лингвисты высказывали мнение по поводу семантического принципа группировки существительных по основам [26, с. 165; 27, с. 4–12]. Данное утверждение было достигнуто на основании значения суффикса *-g-*. А.В. Десницкая обнаруживает семантическое единство слов, оформленных данным формантом (суффиксом), который объединяет имена родства; названия частей тела человека и животного; термины, связанные так или иначе с областью культа, поскольку род, по ее мнению, «являлся основной единицей культа в древнем обществе» [3, с. 61–62].

Семантика одушевленности проявляется у существительных с суффиксами *-an-*, *-jan-* в древнегерманских языках, которые обозначают имя действующего лица [28, с. 9; 29, с. 79–80].

К. Бругман пытался обнаружить семантическое единство в отдельных суффиксах имен в древних индоевропейских языках, некоторые из которых являлись в то же самое время и основообразующими формантами. По его мнению, значение родства передавали суффиксы *-eg-*, *-teg-*. Существительные, обозначающие названия животных, К. Бругман объединял индоевропейским суффиксом *-bho-*, который обнаруживался в отдельных словах, где его уже было трудно распознать. Названия частей тела К. Бругман связывал с индоевропейским суффиксом *-ep-*, который, по его мнению, в более раннее время не имел ничего общего с этими названиями [30, с. 430].

В языках других семей, например в кетском языке, показатель одушевленности в имени хорошо выделяется и занимает такое же положение в структуре имени, как и консонантные основообразующие форманты в древних индоевропейских языках [15, с. 70–71; 31, с. 16].

Ф. Шпехт пытался установить связь между категорией одушевленности/неодушевленности и основами существительных в древних индоевропейских языках. В своем труде, посвященном возникновению индоевропейского склонения, он высказывает мысль о том, что родовые различия в существительных не связаны с основами, а представляют лишь вторичные явления по отношению к основам [32, с. 112, 117]. Идею Ф. Шпехта поддерживают и развивают такие ученые, как К.Е. Майтинская, Л.П. Якубинский и Г. Дечи. Так, Г. Дечи утверждает, что «род играет второстепенную роль в системе парадигм склонения существительных» [33, с. 44].

Интересна мысль Ф. Шпехта о том, что в разнообразии индоевропейских основ можно обнаружить различие по признаку одушевленности/неодушевленности. Ф. Шпехт выделяет несколько

групп существительных, обозначающих предметы, которые были в поле зрения индоевропейцев. Эти предметы не были многочисленны, но тесно связаны с человеком и его жизнедеятельностью. К ним относятся следующие группы: 1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и др.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т.д. [32, с. 5]. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, очень редко относились к индоевропейским *o-* или *ā-* основам. Как правило, они принадлежали к консонантным или гетероклитическим основам, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря [32, с. 6–7, 301–302, 306–307, 385–386]. Все эти реалии древние индоевропейцы или одушевляли, или персонифицировали. Ф. Шпехт выдвигает идею о том, что индоевропейские основообразующие показатели характеризуются местоименным происхождением [32, с. 293, 303, 307, 310–315, 353], но он не дифференцирует их появление от падежных показателей, возникших, по его мнению, также от различных корней указательных местоимений [32, с. 353, 354, 382]. Считая вполне правдоподобным появление основообразующих формантов из указательных местоимений, мы присоединяемся к мнению И. Фодора о том, что многое в теории Ф. Шпехта не получило достаточного обоснования, в особенности его чересчур прямолинейное объяснение превращения указательных местоимений в основообразующие форманты [8, с. 27].

Конечно же, становление основообразующих формантов относится к очень отдаленному прошлому индоевропейской языковой общности и представляло собой длительный и постепенный процесс. Этот процесс во временном плане должен был предшествовать образованию падежных окончаний, а не как у Ф. Шпехта – почти одновременно, из которых не все можно объяснить местоименным происхождением, за исключением именительного и родительного падежей на *-s*, а также винительного на *-m* [34, с. 94; 18, с. 278, 285–286]. Необходимо отметить, что Ф. Шпехт недостаточно последователен. С одной стороны, он постулирует, что основообразующие форманты не имели отношение к роду, а с другой стороны, он связывает отдельные индоевропейские суффиксы с грамматической категорией рода, хотя и признает, что это уже вторичное явление [32, с. 112, 117]. Поэтому неудивительно, что Ф. Шпехт подвергался неоднократно критике со стороны других лингвистов [6, с. 186; 8, с. 27–28; 35, с. 182–213]. И все-таки мы придаем большое значение работе Ф. Шпехта, так как в ней обращается внимание на связь основообразующих фор-

мантов с определенными пластами древней индоевропейской лексики и делаются попытки объяснить происхождение этих формантов.

Поскольку в склонении германских языков сохранилось более древнее отражение именной системы, то современные германские языки могут быть полезны при рассмотрении древней именной классификации. Если категория одушевленности/неодушевленности в русском языке охватывает все типы склонения существительных и находит свое выражение в падежном оформлении, то в современном немецком языке для выражения одушевленности используется слабое склонение. Оно является морфологическим средством выражения одушевленности, поскольку в нем сосредоточены имена мужского рода, обозначающие живые существа [25, с. 360].

Итак, в современных германских языках обнаруживаются формальные признаки некогда существующего деления имен на одушевленные и неодушевленные в виде специального склонения, где основная маркирующая роль принадлежит консонантному форманту.

Описывая общеславянскую систему склонения, Л.П. Якубинский отмечает сохранение «старого индоевропейского характера». К таким пережиткам относится деление существительных на деklinационные группы вне зависимости от их деления по родам [26, с. 164, 167], хотя сам принцип классификации существительных по деklinационным моделям Л.П. Якубинскому неясен. «Принципы классификации понятий и их названий, легшие в основу образования индоевропейских деklinационных групп имен, нам сейчас совершенно неизвестны. Для нас ясно только то, что в основе первоначального деления имен на деklinационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения» [26, с. 165].

Вышеупомянутые данные об отражении категории одушевленности/неодушевленности в склонении существительных позволяют заключить, что они в основном касались более позднего проявления этой категории, то есть когда она была связана с оформлением субъектно-объектных отношений. Вопрос же об отношении категории одушевленности/неодушевленности к основообразующим формантам в древнегерманских языках еще не исчерпан. Он связан не только с возникновением и употреблением основообразующих формантов, но и с возникновением первых падежных показателей. В некоторых случаях в древнегерманских языках можно обнаружить следы более раннего индоевропейского состояния [36; 37, с. 58–73; 38, с. 72].

Л.П. Якубинский высказывался о том, что деление существительных на одушевленные и неоду-

шевленные в древнейшем индоевропейском состоянии не имело сложившегося выражения [26, с. 168]. Полностью согласиться с этим нельзя, если связывать выражение одушевленности в существительном не с падежными показателями и согласованием, а с основообразующими формантами, содержащими консонантные элементы, которые в какой-то период праиндоевропейского языка имели большой смысл и могли использоваться, очевидно, для противопоставления одушевленного класса имен неодушевленному. Становление таких основообразующих формантов, как индоевропейские *-o-*, *-ā-*, связывается в настоящее время с распределением существительных по родам [39, с. 175, 198].

Поскольку первичным выделением мужского и женского родов могли быть не только согласовательные отношения, но и чисто морфологические показатели, наподобие того, как в кетском языке показатель *-a-* маркирует мужской род, а *-i-* – женский род, то, пожалуй, гласная маркировка германских *a-*, *ō-* основ как раз и подтверждает точки зрения лингвистов, выделяющих мужской и женский роды раньше среднего.

Присоединяясь к данному мнению, мы полагаем, что средний род знаменует собой последний этап в развитии именной системы, то есть он выделяется при помощи вторичных флексий, если считать консонантные основообразующие форманты первичными.

О.А. Осипова высказывается о том, что древнегерманские консонантные основообразующие форманты были способны служить не только формативами определенных склонений, но также выполнять функцию маркеров одушевленности и, по всей вероятности, древнего активного падежа, принадлежности и определенности [14, с. 153].

Возможность подобных явлений в индоевропейских языках отмечает М.М. Гухман: «Для древних индоевропейских языков типичным было совмещение в одном маркере нескольких граммем» [17, с. 107].

Способность древнегерманских существительных на консонантные основы иметь показатели одушевленности и выражать в большинстве случаев определенную семантику позволяет говорить о том, что категория одушевленности/неодушевленности может быть охарактеризована как лексико-грамматическая, если следовать определению А.И. Смирницкого: «...собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному признаку – значению данной категории. Лексико-грамматические же категории конституируются подобным же объединением и противопоставлением различных грамматических классов и рядов слов: грам-

матический момент имеется здесь потому, что эти классы и разряды являются грамматическими, то есть характеризуются определенными грамматическими формами (и определенной грамматической сочетаемостью). Лексический же момент определяется тем, что соответствующие грамматические признаки характеризуют и различают здесь именно слова, а не отдельные их формы» [40, с. 47].

Очень большое значение в данной работе имеет тот факт, что активные имена составляли подавляющее большинство в склонениях на консонантные основы. Поэтому естественно предположить, что консонантные основы, а также основы, содержащие консонантные элементы, представляют собой остатки наиболее древнего склонения. Данное мнение согласуется с точкой зрения Т. Барроу о том, что «порядок рассмотрения склонений в индоевропейских языках неправильный: следовало бы начать знакомство с падежной системой, прежде всего консонантных основ, ибо они дают наиболее устойчивую систему окончаний, которая в значитель-

ной степени затемнена у гласных основ» [2, с. 227–228]. Предположение на этот счет высказывает также П. Шантрен: «Тематическая флексия составляет одну из существенных частей именной системы в греческом языке. Возможно, она возникла в индоевропейском языке позже, чем другие типы» [41, с. 22–23]. И Ф. Шпехт считает консонантные склонения наиболее древними, в особенности гетероклитические склонения; гласные же склонения, по его мнению, пополнялись именами из других склонений [32, с. 7, 9, 353]. К более поздним склонениям, по сравнению с консонантными склонениями, Г. Хирт и В. Леман относят индоевропейские *o-* и *ā-*основы. [42, с. 266; 6, с. 188, 193, 201].

Таким образом, консонантные основообразующие форманты в индоевропейских языках характерны для существительных всех трех родов, поэтому они не имели отношения к категории грамматического рода, которая сформировалась позже. Их первоначальное значение связано с более ранней категорией – категорией одушевленности/неодушевленности.

Литература

1. Meillet A. Essai de Chronologie des Langues Indo-Européennes // BSL, 1931. Vol. 32.
2. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
3. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
4. Whitney W.D. Language and the Study of Language / Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science. 5th ed. New York, 1873.
5. Kuryłowicz J. Studes Indoeuropéennes. Krakow, 1935.
6. Lehmann W. P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // Language, 1958. Vol. 34. № 2.
7. Benveniste E. Origines de la Formation des Noms en Indo-Européen. Paris, 1935.
8. Fodor I. The Origin of Grammatical Gender // Lingua, 1959.
9. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
10. Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1973.
11. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
12. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л., 1938.
13. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967а.
14. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
15. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
16. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопр. языкознания. 1974. № 1.
17. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
18. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1. Тбилиси, 1984.
19. Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
20. Corbett G.G. Gender. Cambridge, 1991.
21. Шилдз К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
22. Ким А.А. Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981.
23. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 1. М., 1962.
24. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

25. Мурясов Р.З. Слабое склонение имен существительных как морфологическое средство выражения одушевленности // Уч. зап. / 1-й Моск. пед. инст. ин. яз. им. Мореса Тореза, 1969. Т. 52.
26. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
27. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
28. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
29. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 3. М., 1963.
30. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. XIV.
31. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
32. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
33. Décsy G. The Indo-European Protolanguage: A Computational Reconstruction. Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1991.
34. Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967б.
35. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
36. Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола. М., Л., 1940.
37. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
38. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М., Л., 1949.
39. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
40. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя. М., 1955.
41. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
42. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1927. Bd. III.

И.В. Новицкая

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОКОРЕННЫХ РАЗНОСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный университет

Одной из особенностей готского языка, которая, несмотря на достаточно пристальное к ней внимание, не получила однозначного и всеобъемлющего объяснения, является наличие в нем однокоренных существительных, отличающихся парадигматически.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы определить масштабы распространения однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке, рассмотреть существующие теории их интерпретации и наметить основное направление исследования подобных минимальных пар.

Первоначально исследователи этого древнегерманского языка ограничивались лишь указаниями на факт существования ряда однокоренных существительных со сходными или слегка отличающимися значениями, но относящихся к различным типам именного склонения [1, с. 320; 2, с. 154; 3, с. 65; 4, с. 125 и др.]. Данное замечание почти всегда касалось исключительно существительных женского рода (ж. р.) основ на *-eip* и *-i* и сопровождалось перечислением засвидетельствованных пар. В даль-

нейшем в круг подобных пар были включены и существительные *ō*-основ с суффиксом *-īra-*, которые, с точки зрения У. Мейда, семантически были противопоставлены существительным *eip*-основ как имена с более конкретным значением [5, с. 145]. Подробный анализ однокоренных *ei-* и *īra*-существительных ж. р. натолкнул Э. Бенвениста на предположение о том, что *ei*-образования в готском использовались для обозначения качества как такового, в то время как *īra*-производные выражали конкретную реализацию этого качества [6, с. 21–45].

Несколько десятилетий спустя О.А. Осипова предложила свою интерпретацию закономерного употребления однокоренных разносклоняемых существительных с одним предметным значением. Прежде всего, О.А. Осипова квалифицировала подобные пары существительных как *грамматические синонимы*, под которыми понимались «различные формы, употребляемые в близком грамматическом значении, совпадающие в своем основном значении и различающиеся в дополнительном» [7, с. 14]. Далее на примерах употребления параллель-

ных форм в готских текстах она показала, что отнесение существительного к определенному парадигматическому ряду было обусловлено не только семантикой самого слова (одушевленной/неодушевленной), но и необходимостью выразить значение определенности/неопределенности. По мнению О.А. Осиповой, хорошо сохранившиеся готские основообразующие суффиксы предоставляют уникальную возможность подтвердить точку зрения об активном прошлом и.-е. языков, поскольку они были задействованы в былом распределении всех существительных на классы одушевленных/активных и неодушевленных/инактивных имен, что соответственно маркировалось консонантными и гласными основообразующими суффиксами. Более того, анализ употребления разносклоняемых однокоренных пар позволил выявить и более позднюю функцию консонантных основообразующих формантов, а точнее суффиксов с элементом *-n-*, – служить маркером определенного по контексту существительного. Способность основообразующих формантов с элементом *-n-* являться показателями определенности, т.е. выполнять функцию, типичную для определенного артикля, была обусловлена их генетической связью с и.-е. указательным местоимением дальней семантики и свойственным ему значением «отношения к чему-то» [8].

Для иллюстрации сопоставим примеры употребления готских существительных *daubei* (F *ein*) ~ *daubiþa* (F *ō*) «ожесточение».

R 11.25 «*nī auk wiljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei nī sijaiþ in izwis silbam froðai, unte daubei <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo inngaleiþai*» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». В данном примере слово *ein*-основ *daubei* не сопровождается указательным или посессивным местоимением и обозначает ожесточение, на которое говорящий ссылается как на уже известный слушателю случай [7, с. 17].

Mk 3.5 «*jah ussaihvands ins miþ moda, gauris in daubipos hairtins ize qarþ du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastof aftra so handus is*» «И, глядя на них с гневом, омраченный *ожесточением* сердец их, сказал тому человеку: “Протяни руку твою!” Он протянул, и стала его рука здорова». Слово *daubiþa* (F *ō*) в приведенном предложении употребляется в атрибутивной конструкции с существительным в род. п. и притяжательным местоимением, что подчеркивает неопределенность самого имени [7, с. 17]. Кроме того, подобная атрибутивная конструкция может рассматриваться как указание на опредмеченность качества, выраженного существительным.

Иной семантико-синтаксический подход к анализу однокоренных разносклоняемых пар в двух древнегерманских языках (готском и древневерхненемецком) был представлен в серии работ Н.Б. Пименовой, которая исследовала словообразовательные значения отдельных суффиксов древнегерманских существительных, а именно: двн. *-nessi-*, *-unga-*, *-ida-*, *-îp-*, *-ō-*, гот. *-ein-* и *-iþa-* [9–12]. По мнению исследовательницы, все древнегерманские продуктивные словообразовательные модели были семантически дифференцированы и ориентированы на выражение некоего логического понятия, которое регулировало образование и дистрибуцию параллельных форм однокоренных существительных. При анализе древневерхненемецких и готских отглагольных и отадективных имен существительных, образованных при помощи как основообразующих, так и собственно суффиксов, Н.Б. Пименова пришла к выводу о том, что в области словообразования противопоставление существительных опиралось на выражение значения «соотнесенность признака (действия) с носителем признака (исполнителем действия)». Иными словами, выраженные именем существительным признак или действие содержат в своей семантике компонент значения, который отражает соотнесенность (отношение) этого признака или действия с носителем этого признака / исполнителем этого действия. Данное значение маркируется словообразовательными средствами и обуславливает тяготение существительного к определенным семантико-синтаксическим позициям в предложении.

Несмотря на то, что данное значение имеет в готском и древневерхненемецком регулярное выражение, каждый язык обнаруживает собственные предпочтения в использовании имеющихся словообразовательных средств. Так, по мнению Н.Б. Пименовой, значение «отвлечение от носителя признака», т.е. максимальное абстрагирование признака, маркируется в готском при помощи основообразующего суффикса *-ein-*, а в древневерхненемецком – при помощи суффикса *-ida-*. С другой стороны, «соотнесение признака с носителем» передается двн. суф. *-îp-*, но гот. суф. *-iþa-*.

Соотнесение с носителем гот. *-iþa-*, двн. *-îp-*
Носитель признака

Отвлечение от носителя гот. *-ein-*, двн. *-ida-*

В области отглагольных имен значение инактивного «действия, замкнутого в себе» выражается в готском при помощи суффикса *-ein-*, а в древневерхненемецком – при помощи суффикса *-ida-* и противопоставляется активному «действию, исходящему от исполнителя», что маркируется в готском суффиксом *-iþa-*, а в древневерхненемецком – суффиксом *-îp-*.

Соотнесение с исполнителем гот. -īra-, двн. -īn-
Исполнитель действия

Отвлечение от исполнителя гот. -ein-, двн. -ida-

С точки зрения синтаксиса, полюс «соотнесение с ...» характеризуется функцией адъективного приписывания признака/действия, а полюс «отвлечение от...» – функцией предикативного приписывания [см. указ. работы Пименовой].

Для иллюстрации вновь рассмотрим примеры употребления готских существительных *daubei* (F ein) ~ *daubiþa* (F ð) «ожесточение».

R 11.25 «ni auk wiljau izwis unweisans, broþrjus, þizos runos, ei ni sijaiþ in izwis silbam froðai, unte *daubei* <bi> sumata Israela warþ, und þatei fullo þiudo inngaleiþai» «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что *ожесточение* произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». Здесь существительное ein-основ, несмотря на общие временные данные, не соотносится с определенной ситуацией проявления этого качества [11, с. 11].

Mk 3.5 «jah ussaihvands ins miþ moda, gauris in *daubipos* hairtins ize qarþ du þamma mann: ufrakei þo handu þeina! Jah ufrakida, jah gastorþ aftra so handus is» «И, возрев на них с гневом, скорбя об *ожесточении* сердец их, говорит тому человеку: “Протяни руку твою!”. Он протянул, и стала его рука здорова». В данном предложении проявляется адъективная функция производного с суффиксом -īra-, которая позволяет изменить конструкцию «скорбя об *ожесточении* сердец их» на «скорбя об их *ожесточенных* сердцах». Кроме того, семантика слова *daubiþa* предполагает соотнесенность с носителем этого качества [10, с. 8].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на различные подходы к выявлению семантического стержня парадигматического противопоставления однокоренных существительных и полученные результаты, исследователи единогласно признают существование семантических оппозиций в системе именного склонения и подтверждают тезис о возможности и необходимости реконструкции семантики не только каждой словообразовательной модели, но и, возможно, типов склонения.

Далее в статье представлены результаты сплошной выборки однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке. При их отборе были приняты во внимание следующие факторы.

Прежде всего, однокоренные существительные должны были относиться к различным типам склонения и не являться обозначениями одушевленных лиц мужского и женского рода по типу *ga-gazno* «сосед» (M n) ~ *ga-gazna* «соседка» (F n), *un-hulþo* (M n) ~ *un-hulþa* (F n), *niþjis* «родственник» (M ja) ~

niþjo «родственница» (F ðn). Отнесение существительных к различным типам склонения позволяло исключить синонимичные образования типа *ga-niþjis* (M ja) ~ *niþjis* (M ja) «родственник». Кроме того, параллельные разносклоняемые образования должны были иметь идентичные или отличающиеся, но соотносимые определения значений, что позволяло предположить наличие и реализацию семантического противопоставления подобных имен, например: **ga-binda* (F ð) ~ *ga-bindi* (F jð) ~ **ga-bundi* (F jð) «связь», *hrainei* (F ein) «чистота» ~ *hrainiþa* (F ð) «чистота» ~ **hraineins* (F i) «очищение». Не менее важным условием был и отбор только таких разносклоняемых существительных, которые были образованы от одного и того же корня при помощи различных словообразовательных средств, то есть структурно отличались лишь словообразовательным элементом, например: *hlutrei* (F ein) ~ *hlutriþa* (F ð) «чистота, искренность». Тем не менее, не все существительные из нижеприведенной таблицы отвечают данному условию. Дело в том, что часть подобных отглагольных имен обнаруживала формальные расхождения в связи с тем, что они были образованы от различных основ одного и того же глагола, например: *wrekei* (F ein) ~ **wreka* (F ð) «преследование» от **wrikan* (сн. гл. 5), *siukei* (F ein) ~ *sauhts* (F i) «болезнь» от основы в *siukan* (сн. гл. 2), **aihts* (F i) ~ *aigin* (N a) «собственность, владение» от *aigan* (прет.-през.), **sokns* (F i) ~ **sakjo* (F jð) «споры, словопрения, ссора», *winna* (F ð) ~ **winno* (F ðn) ~ **wunns* (F i) «страдание» от *winnan* (сн. гл. 3), **ga-binda* (F ð) ~ *ga-bindi* (F jð) ~ **ga-bundi* (F jð) «связь» от *bindan* (сн. гл. 3). У некоторых других существительных отличие заключалось в использовании префикса в одном имени, например: *bairhtei* (F ein) «свет, ясность» ~ *ga-bairhteins* «явление, богоявление» (F i), *fraþi* (N ja) «ум, разум» ~ *ga-fraþjei* (F ein) «ум», *wahstus* (M u) «рост» ~ *us-wahsts* (F i) «рост». При этом было замечено, что появление префикса не всегда сопровождалось изменением значения существительного, что соответствует мнению об их незначительной роли в именном словообразовании [13, с. 64]. Готские префиксы *ga-* и *us-* соотносились с и.-е. префиксами (ср. лат. *co-*, *com-* со значением общности, совместности с кем-то, и.-е. **oz-* с усилительным значением [14, с. 237, 239]) и в языке не функционировали в качестве наречий и предлогов. Более того, они перешли к имени от производящей глагольной основы, поэтому можно предположить, что в исследуемых готских словах их былая семантика не столь отчетлива. Наконец, в двух случаях у сложных слов имелись параллельные образования с простой морфологической структурой, например: *dwala-waurdei* (F ein) «глупость» ~ *dwaliþa* (F ð) «глупость» и *balwa-wesei* (F ein) «злоба» ~ *balweins* (F i) «наказа-

ние, пытка», которые также были включены в таблицу благодаря их значениям, приведенным в словарях У. Лемана [15] и З. Файста [16].

Итак, обобщим полученные данные. Разносклоняемые существительные были сгруппированы по

типам склонения и родам, что позволило выделить 23 типа параллельных образований (табл. 1). При дальнейшем изложении параллельные образования для простоты будут называться «минимальными параметрами».

Таблица 1

Типы параллельных форм существительных

I.	F ein	Fō (с суф -iḡa-)
L-19	*Airzei «ересь»	Airziḡa «ересь»
II.	F ein	F i (с суф. -eini-)
L-58	Bairhteī «свет, ясность»	*Ga-bairhteins «явление, богоявление»
III.	F ein	F i (с друг. суф.)
L-143	*Ga-mainēi «общность, товарищество»	Gamainduḡs «общность, товарищество»
IV.	F ein	N ja
L-10	Aḡlaitei «распутство»	*Aḡlaiti «разврат, распутство»
V.	Fi	N a
L-14	*Aihts «собственность»	Aiḡin «собственность, имущество»
VI.	Fi	Nja
L-145, 260	*Ga-munds «память»	Ga-minḡi «воспоминание»
VII.	Fi	Fō
L-87	*Dails «часть»	*Daila «участие, общность»
VIII.	Fi	Fōn
L-285	*Ga-runs «улица, рынок»	*ga-runjo (Fn) «наводнение» +*Rinno «поток»
IX.	Fi	Fi (-ti-)
L-146	Naseins «спасение»	Ga-nists «спасение»
X.	Fi	M u
L-387	*Us-wahsts «рост»	*Wahstus «рост»
XI.	Fi	Mi
L-314	*Slauhts «убийство, битва, сражение»	Slahs «мучение»
XII.	F jōn	N ja
L-21	Aiwaggeljo «Евангелие»	Aiwaggeli «Евангелие»
XIII.	Fjōn	F корн
L-257	*Mitadjo «мера»	*Mitapḡs «мера»
XIV.	F ḡ	F ḡn
L-61	*Bandwa (F wḡ) «знак»	Bandwo «знак»
XV.	F ḡ	F jō
L-71	*Ga-binda «связь» C 2.19 B	*Ga-bundi «связь» + ga-bindi (F jo) «связь» + bandi (Fjo) «связь, оковы»
XVI.	F ḡ	M n
L-324	Staua «приговор, предмет суда»	Staua «судья»
XVII.	M in/an	M jin/jan
L-138	*Faura-gagga «управитель дома»	*Faura-gaggja «управитель» +faura-gaggi (Nja) «управление»
XVIII.	M in/an	N ja
L-379	Un-wita «невежда»	Un-witi «глупость, невежественность»
XIX.	M jin/jan	N a
L-69	Bi-haitja «хвастун»	*Bi-hait «сплетня, плохая слава»
XX.	M a	N a
L-133	*Ga-baug «банкет, торжественный обед»	Ga-baug «пожертвование, взнос»
XXI.	M i	M in/an
L-147	Gards «дом, семья, двор»	Garda «скотный двор»
XXII.	N a	N u
L-216	Kaurn «зерно, пшеница» Used in collective meaning	Kaurno single grain of wheat «зерно»
XXIII.	Неясные случаи	
L-68	*Bi-faih (Na) «взыскание, принуждение»	Bi-faiho (Fn or i) «взыскание, принуждение»

Ряды параллельных разносклоняемых форм

Ga-raihteī (F ein)	Ga-raihtīþa (Fō)	*Ga-raihtēins (F i)	
Hauhei (F ein)	Hauhiþa (Fō)	Hauheins (F i)	Hauhisti (N ja)
Hrainei (F ein)	Hrainiþa (Fō)	*Hraineins (F i)	
*Kaurei (F ein)	*Kauriþa (Fō)	*Unkaureins (F i)	
Swiknei (F ein)	*Swikniþa (Fō)	*Swikneins (F i)	
Weitwodei (F ein)	Weitwodiþa (Fō)	Weitwodeins (F i)	*Weitwodi (N ja)
*Wrekei (Fein)	Wraka (Fō)	*Wrakja (Fōn)	
*Liuhadei(n) (F ein)	*Liuhadeins (F i)	Liuhaps (Ma)	
Wanains (F i)	Wan (N a)	Waninassus (Mu)	
Ga-runs (F i)	Ga-runjo (F jōn)	Rinno (F ōn)	
Ga-timreins (F i)	Ga-timrjo (Fōn)	*Timreins (F i)	
*Tews (F i)	*Tewa (F ō)	Tauī (N ja)	
*Ga-binda (Fō)	Ga-bindi (Fjō)	*Ga-bundi (Fjō)	
Ga-juko (Fōn)	Ga-juk (N a)	*Ga-juka (M in/an)	
*Faura-gagga (M in)	*Faura-gaggja (M jin)	Faura-gaggi (Nja)	
Waurstwa (M in)	Waurstwja (M jin)	Ga-waurstwa (M in)	

Из приведенных данных следует, что чаще всего минимальные пары встречаются у существительных женского рода (всего 65 слов), которые относятся к типам склонения на -ein (39 слов), -i (19 слов), -ō (5 слов) и -jōn (2 слова). Среди существительных мужского и среднего рода минимальные пары обнаруживаются у 14 слов м. р. основ на -n (7), -a (5), -ja (1), -i (1) и у 1 слова ср. р. на -a. При этом хорошо прослеживается тесное взаимодействие некоторых типов склонения в области образования параллельных форм, например, в таких группах, как F ein ~ F ō ~ F i // F ein ~ F i ~ N ja // F i ~ F ō ~ F ōn.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в некоторых случаях однокоренные существительные образуют целый ряд разносклоняемых форм, что проиллюстрировано в сводной таблице (табл. 2).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в готском языке семантико-парадигматическое противопоставление однокоренных существительных было представлено гораздо шире,

чем это описывалось ранее. Уже не существует сомнения в том, что подобное противопоставление имело семантическую основу, которая поддается дешифровке. Начало данной работе уже положено в трудах О.А. Осиповой и Н.Б. Пименовой, которые представили результаты анализа семантического противопоставления в типах минимальных пар 1 и 14. Показательно, что обе исследовательницы не отрицают возможности существования синонимии в использовании словообразовательных средств для маркирования выделяемых ими значений определенности и соотнесенности с носителем. Каким образом коррелирует установленная семантика словообразовательных элементов между собой, в каком направлении происходил семантический сдвиг в остальных типах минимальных пар, организуются ли семантические различия в остальных парах в единую систему – это вопросы, на которые поможет ответить дальнейшее исследование употребления данных лексических единиц в готских текстах.

Литература

1. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2.
2. Krause W. Handbuch des Gotischen. München: Beck, 1953.
3. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
4. Ahlsson L.-E. Die Altfriesischen Abstraktbildungen. Uppsala, 1960.
5. Meid W. Germanische Sprachwissenschaft. Teil III. Wortbildungslehre. Berlin, 1967.
6. Benveniste E. Fonctions suffixales en gotique // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1961. 56/1.
7. Осипова О.А. Синонимия парадигматики существительного у древних германцев // Грамматическая и лексическая синонимия, антонимия, омонимия. Томск, 1988а.
8. Ossipova O. The Mystery of Consonantal Nominal Stem-Building Markers in Ancient Germanic // Language and Parole in Synchronic and Diachronic Perspective. Beetham, 1999.
9. Пименова Н.Б. Семантическая роль ō-основ в древнегерманском именном словообразовании // Вестн. Моск. ун-та, 1998. № 1. Сер. 9. Филология.
10. Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe -ī(n)-, -ō- in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen // Sprachwissenschaft. Heidelberg, 2000a. Band 25. Heft 3.

11. Pimenova N.B. Die semantische Distribution der Gotischen Abstrakta auf -ei und -ipa // Beitrage zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, 20006. Band 122.
12. Pimenova N.B. Die Funktional-Semantische Verteilung der Eigenschaftsnomina auf -ī(n)- und -ida- im Althochdeutschen und die Subjekt-objekt Relation // Zeitschrift für Deutsche Philologie, 2002. Band 121. Heft 1.
13. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. М., 1963.
14. Kluge F. Urgermanisch. Vorgeschichte der Altgermanischen Dialekte. Dritte Verbesserte und Vermehrte Aufl. Strassburg, 1913.
15. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.
16. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920.

Список принятых сокращений

Ж. р. – женский род; и.-е. – индоевропейский; основа на -n; N a – существительное среднего рода
двн. – древневерхненемецкий; гот. – готский; суф. – основа на -a; F ein – существительное женского
суффикс; M n – существительное мужского рода рода основа на -ein.

Л.П. Дронова

РАННИЙ ЭТАП ИСТОРИИ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный университет

Семантическое пространство оценочных значений, структурируемое с помощью тезауруса, мы, вслед за другими исследователями этой проблемы, рассматриваем как реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире, в котором сконцентрирован национально-культурный опыт языковой общности. Динамический характер семантической структуры естественного языка позволяет делать предположение о том, что оценочные значения могут быть объектом гибкого моделирования. Следовательно, важен и исторический подход к оценочному значению, находящемуся в неразрывной связи с дескриптивными компонентами семантики слов, значимо выявление содержательной динамики в дескрипции разного типа оценок и их соотносимость с различными историко-культурными моделями. Лексико-семантическая группа слов, сформировавших и выражающих общеоценочное значение, рассматривается нами как мировоззренческий конструкт естественного языка, специфицирующий национальные культуры на фоне мировой культуры.

Оценка как ценностный аспект значения универсальна. Субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки («нравится/не нравится»), а с другой стороны – на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. В то же время в оценочном объекте сочетаются субъективные (отношение «субъект – объект») и объективные признаки (свойства объекта). Субъективное и объективное неразрывно связаны, образуя континуум, где та и другая сторона нарастают/убывают обрат-

но пропорционально друг другу. Выделяемое дескриптивное значение диагностично как коррелят «вызова» определенного этапа историко-культурного процесса (какой признак, свойство и в какое время был маркирован как социально значимый и обобщен до общеоценочного). Именно лексика с общеоценочным значением, фиксирующая выбор, предпочтения определенного времени через обобщение конкретного признака до максимально значимого и мотивирующего общую оценку, особенно интересна в лингвокогнитивном аспекте.

Архаичный способ выражения общей положительной оценки в германских языках являют производные прагерманского корня *bat-: *bōt-, представлявшие собой прилагательное со значением 'хороший' и наречие 'хорошо'. Со временем образования от этого корня со значением общей оценки были вытеснены со своих позиций продолжениями общегерманского *gōd- и *wal- [1, с. 61; 2, с. 63, 389; 3, т. 1, с. 103] и, получив соответствующие суффиксы-маркеры, выступают в германских языках в роли компаративов (гот. batiza, batista, др.-исл. betre, beztr, др.-англ. bet(e)ra, betst и т.д. – сравнительная и превосходная степени прилагательного, др.-исл. betr, др.-англ., др.-фриз., др.-сакс. bet (из *batiz), нем. baß 'чрезвычайно, очень' (из *bataz) и др. – сравнительная степень к наречию wohl, well). Исходность значения общей оценки подтверждает не только их дальнейшая функция, но и семантика однокорневой лексики: гот. ga-batnan 'получить преимущество перед кем-л.', bota 'польза', botjan 'иметь выгоду, пользу; улучшать', нем. Buße 'покаяние, наказание' и др. (исходное дескриптивное значение определить не представляется возмож-

ным: отсутствуют внегерманские соответствия) [2, с. 63; 3, т. 1, с. 103].

Общегерманское наречие *wala со значением ‘хорошо’ обобщает как оценку субъективный признак ‘желаемое’ (гот. waila, др.-англ. wēl(l), др.-в.-нем. wola, wala, wela и др. < и.-е. *uel-: *uol- ‘хотеть, желать’), ср. подобные однокорневые образования в кельтских языках: ирл. feg, вал. gwell, корн. guel, брет. gwell ‘лучше’ (первоначально это, видимо, существительные со значением ‘предпочтение, выбор’ [4, с. 229]). Это наречие широко представлено в германских языках в качестве первой части сложных слов с общим мелиоративным значением (ср. англ. wellbeing ‘благополучие’, wellbred ‘благовоспитанный’, well-to-do ‘состоятельный, зажиточный’, нем. Wohlsein ‘здоровье, благополучие’, Wohlstand ‘благосостояние, зажиточность’, wohltun ‘быть приятным, приносить пользу, делать добро’, Wohlwollen ‘благосклонность’ и т.п.), с ним конкурирует и частично его вытесняет наречие от *gōd- (good, gut) [5, с. 750].

Общая положительная оценка в германских языках широко представлена продолжениями прагерм. *gōd- (гот. gōps ‘хороший’, англ. good, нем. gut и т.п.). Генетически им близки др.-в.-нем. gi-gat ‘подходящий’, англос. ge-gada ‘супруг; товарищ’, нем. Gatte ‘супруг’, гот. gadiliggs, др.-сакс. gaduling ‘родственник, свояк’, англос. gædeling ‘товарищ’, ср.-в.-нем. ergetzen ‘радовать, ублажать’, gaten, gegaten ‘подходить друг другу’, ср.-н.-нем. gaden ‘подходить, нравиться’, англ. together ‘вместе, друг с другом’, ср.-в.-нем. vergatern ‘объединяться’ и др. Семантическая линия развития исходного ‘подходящий’ как ‘*нравящийся, близкий*’ и ‘*подходить (друг другу), нравиться*’, ‘*договариваться, объединяться*’ сближает германские рефлексy и.-е. корня *ghadh- со славянскими (в отличие от семантики однокорневых слов в албанском и балтийских – алб. ngē (ngeh) ‘удобный случай’, литов. tagad ‘теперь, в данное время’, лтш. gadīt ‘попадать, приобретать, находить’, gaditiēs ‘случаться, появляться’, gadīgs ‘способный, почтенный’ – и, возможно, тохар. А, В kātĕ ‘радоваться’), ср. слав. *god-, *godъпъ(jъ) в ст.-слав. *годити* ‘угождать, удовлетворять’, макед. *годува* ‘заключать (сделку и т.п.)’, ‘договариваться’, ‘угадывать’, (диал.) ‘обручать’, польск. godzić ‘приводить к соглашению, мирить’, ‘соединять’, рус. *годиться* (в отцы, дочери и т.п.), *годный, гожий* и др., а также слав. *nevъzgoda, *nevъzgodje (словен. *nezgōda* ‘несчастье’, др.-рус. *невъзгода, незгода* ‘неурядица’, ‘беда, несчастье’, блр. *невзгода* ‘ссора, несогласие’ и т.п.) [6, с. 423–424; 3, с. 488–489; 7, вып. 6, с. 188–190, вып. 25, с. 88].

Семантика германских соответствий более однородна, акцентирует внимание на межличностных отношениях. Это говорит о важности такого рода

отношений для древних германцев, основным занятием которых, по свидетельству античных авторов, были военные походы (как и наличие такого социального института, как *hansa*) тех древних германцев, которые стали основной движущей силой (массой) в Великом переселении народов в Европе в IV–VI вв. н.э. (но начальный этап этого переселения, его подготовка практически начались еще во II–I вв. до н.э. с переселения из Скандинавии на континент части северных германцев, названных позднее восточными германцами).

Особую значимость (на определенном этапе ранней истории) добрых межличностных отношений, обеспечивающих безопасность в сообществе, подчеркивает и другое языковое средство выражения общей положительной оценки в древнегерманских языках – др.-англ. ge-þēfe ‘хороший, добродетельный’ при ge-þēdan ‘присоединяться к кому-либо, участвовать в’, þēaw ‘обычай, привычка, (мн. ч.) хорошие качества, добродетель’, гот. (сущ.) þiuf ‘хорошее’, (прилаг.) þiufēigs ‘хороший, похвальный’ и þiufjan ‘благословлять’, þiuf-spillon ‘сообщить радостное известие’, ср. еще др.-исл. þudr ‘мягкий, дружелюбный’, др.-сакс. gi-thiudo ‘подобающий, должный’, др.-в.-нем. thau ‘обычай, привычка’ [1, с. 377].

Этимологическое истолкование этой группы лексикy затруднено из-за омонимичных отношений (формального тождества) с þiuda ‘народ, people’. Возможно, и то, и другое есть продолжение и.-е. *tew- ‘смотреть, присматривать, оберегать (как проявление дружеских чувств)’, сравни лат. tueor ‘смотреть, наблюдать; заботиться, оберегать; содержать в хорошем состоянии; кормить’, от него прич. tutus ‘не подвергающийся опасности, обеспеченный, защищенный’, др.-ирл. ban-tuath ‘чародейка’ [2, с. 362–363]. В таком случае þiuda ‘people’ можно истолковать как ‘(люди) оберегающие друг друга, обеспечивающие безопасность друг друга’. В любом случае этот древнегерманский способ выражения общей оценки был утрачен, вытеснен *gōd и интересен тем, что семантическая модель þiuf- и good сформирована похожим образом – мотивировочный признак, видимо, также связан с выделением значимости добрых (обеспечивающих безопасность) межличностных отношений в сообществе.

Таким образом, можно выделить два слоя наиболее ранних лексических средств выражения общей мелиоративной оценки в прагерманском. В первом из них выделяются образования от герм. *bat-, определяемые как непроизводные, не имеющие генетических внегерманских связей, сформировавшие значение общей оценки, вероятно, на основе утилитарной (рациональной) оценки (судя по корреляции значений ‘хорошее’ ~ ‘полезное, выгодное; нужное’ у производных) и принявшие учас-

тие в оформлении далее категории компаратива. Второй лексический маркер общей оценки на этом архаическом уровне оказывается по происхождению, вероятно, связан с интеллектуально-психологической оценкой (*riuf*). Со временем пришедшие им на смену новые лексемы (от **gōd-* и **wal-*) сформировали свое общеоценочное значение, как оказывается, по сходной семантической модели, в похожей «системе координат»: с одной стороны, ‘подходящий, соответствующий (в межличностных отношениях)’ → ‘хороший’ – интеллектуально-психологическая оценка, с другой стороны, ‘желаемый, предпочитаемый’ → ‘хороший’ – эмоционально-психологическая оценка (субъект обобщил, обозначил значимость своего выбора, предпочтения).

Значения частной и общей оценки у производных **god-*:**gōd-* следует квалифицировать как славяно-германскую семантическую инновацию. Другая культура, образ жизни, ориентированность сознания славян на мирные, бытовые ситуации определили для слав. **godъ*, **godьнь(ъ)* широкий спектр референции и функцию общей мелиоративной оценки, которая в конкретной реализации, видимо, преимущественно выступала как утилитарная оценка (ср. *удодный, выгодный, погода*).

Какие же отрицательные признаки были маркированы древними германцами и обобщены до общеотрицательных?

Ранний способ выражения общей отрицательной оценки со значением ‘хуже’ (‘хуже, чем принято, требуется’) – антонимичный производным корня **bat-* – представлен в гот. *wairs* (срав. ст. нареч.), *wairsiza* (срав. ст. прилаг.), др.-исл. *vegr*, *verri* (срав. ст. нареч., прилаг.), *verstr* (превосх. ст.), др.-англ. *wiers*, *wiersa*, *wierrest*, др.-сакс. *wirs*, *wirsa*, *wirrista*, др.-фриз. *wirra*, *wersta*, др.-в.-нем. *wirs*, *wirsiro*, *wirsisto* ‘хуже, худший’ [2, с. 391]. И в целом ряде современных германских языков эти языковые единицы сохраняют функции компаратива и суперлатива (ср. англ. *worse*, *worst*, исл. *verri*, *verstur*), но в немецком языке, например, значение общей оценки у продолжений др.-в.-нем. *wirs* утрачено (ср. *wirg* ‘растрепанный, спутанный, неясный’, *Wirren* ‘неурядицы, волнения’, *unwirsch* ‘грубый, неприветливый’), это значение просматривается лишь в устойчивом словосочетании, употребляющемся в юго-западных диалектах немецкого языка (*Es macht sehr wirsch* ‘очень плохая погода’) [5, с. 747].

Этимология вышеприведенной лексики со значением общей оценки спорна: ее возводят к прагерм. **wers-*, **werz-*, но генетические связи в других индоевропейских языках не столь явны. Ю. Покорный относит данную германскую лексику к производным и.-е. **wer-* ‘высокий’, ставя в ряд с скр. *várstiyas* ‘выше’, *vársisthas* ‘высший’, лат. *vertūca* ‘нарост’, литов. *viršùs* ‘верх, вершина’; однокорне-

вое др.-ирл. *fert*, подобно германским соответствиям, выражает общую оценку, но с противоположным знаком ‘лучший, лучше, better’ (<**werso-* ‘верхний, высший, upper’) [6, с. 1151–1152]. Очевидно, что превышение как отклонение от общепринятого (нормы) может расцениваться и положительно, и отрицательно.

Общегерманским языковым средством выражения общей отрицательной оценки являются и продолжения индоевропейской основы **upélo-s* ‘плохой, дурной, злой, bad’, представленной в прагерманском как **ubila-*, имеющей продолжение в гот. *ubils* (нареч. *ubilaba*), др.-англ. *yfel*, др.-фриз. *evel*, др.-сакс. др.-в.-нем. *ubil*, ср.-н.-нем. *ovel*, англ. *evil*, нем. *übel* и т.п., с ними сближается др.-ирл. *fel* ‘bad’ [2, с. 371]. Общеоценочное значение производных основы **upélo-* можно, видимо, рассматривать как региональную семантическую инновацию, учитывая формально близкое скр. *úpala-* ‘камень, мельничный жернов’, *úpala-* ‘верхний камень жерновов’. Но скорее всего это не инновация, а вариативная (региональная) реализация семантической универсалии, представляющей в общей оценке базовую оппозицию «верх – низ». На эту мысль наводит как сопоставление с хетт. *ur-* ‘восход (солнца)’ и хетт. *huuap(p)-* ~ *hup(p)* ‘treat badly’, *huuappa-* ‘bad’ (об этом Леман со ссылкой на Уоткинса и Тышлера [2, с. 371]), так и разорванный ареал представления общей оценки производными от и.-е. **ur-*, **uró-*.

Особенностью этого индоевропейского корня является его формальная вариативность (модификации, видимо, поздне- и послеиндоевропейского времени, см. [2, с. 209]) и энантиосемичная реализация плана содержания. Вероятно, и.-е. **uró-*, **ur-* есть вариант к корню **eur-*, представленному в гот. *iur* ‘вверх, наверх’, *iurana* ‘сверху’, и.-е. **(e)ur-s-* в кельтских *ōs*, *ūas* (ирл. *ōs*: *uas* ‘над, сверху’, *uasal* ‘высокий’ и др.), слав. **vysokъ* (из **ūps-o-* с *v-* протетическим), греч. *ὑψι* ‘вверх’, *ὑψηλός* ‘высокий’ [4, с. 45; 8, т. I, с. 173–174; 2, с. 209]. Удлинение гласного отмечается в германских рефlekсах: др.-англ. *ūr*, *urr* ‘вверх по течению, наверх, сверху’, др.-в.-нем. *ūf* (нем. *auf*), др.-сакс., др.-фриз., др.-исл. *ūr*, англ. *ur* ‘вверх, наверх’. В готском *uf* имеет противоположное значение ‘под’, как и др.-ирл. *fo*, греч. *ὑπό*, *ὑπο*, лат. *s-ub* < **s-ur* ‘под, ниже, низкий’ [3, т. I, с. 74].

Та же противопоставленность значений наблюдается и у других производных рассматриваемого и.-е. корня: **urag-*, **ureg-* продолжено в гот. *ufar*, ирл. *for* ‘над’, лат. *super*, греч. *ὑτέρ*, скр. *urāgi* ‘вверху, над; высоко над’, при этом скр. *urāga* – это 1) ‘нижний’, ‘задний’, ‘более поздний’, ‘более близкий’ и 2) ‘нижний камень пресса (для выжимания сомы)’, ‘нижняя часть жертвенного алтаря’. Энантиосемия отмечается и в пределах семанти-

ческой структуры одного слова, ср. исл. ofan ‘сверху, на поверхности’ и ‘вниз по (с)’ или нем. üppig ‘пышный, роскошный, избыливающий’ и др.-в.-нем. urrīg ‘ничтожный, незначительный, пустой, напрасный’. Противоречивость семантики находит объяснение в предполагаемых особенностях семантической деривации: либо исходное значение ‘прилежать снизу к чему-л.’ (‘быть под чем-л.’) получило развитие как ‘(снизу) вверх, сверху’ (‘*unten an etw. heran*, dann (von unten) *hinauf, über*’), либо исходным определяется значение ‘превышать норму, быть чрезмерным’, а далее отсюда ‘излишний, незначительный, пустой’ и ‘чрезвычайно богатый, избыливающий’ (‘*über das Maß hinausgehend*, die sich zu *überflüssig, unnütz, leer, eitel*’ und zu *strotzend, überreich weiterentwickelt*’) [3, т. I, с.74; II, с. 1480, 1490].

Как представляется, семантические отношения в этимологическом гнезде производных и.-е. *urb-, *ur- допускают и другую интерпретацию и оказываются весьма интересны в когнитивном аспекте. Дело в том, что в ряде случаев в семантике этих производных пересекаются (сталкиваются) значения ‘под; снизу’, ‘над; сверху’ и ‘быть близким, прилежать’: скр. ura – это предлог со значением ‘близость, примыкание или приближение’, ‘помощь’, úra ‘вверх, наверх; к...’, urás-thā- ‘идти к<...>, подходить’, úraga – это ‘нижний’, ‘задний’, ‘более поздний’ и ‘более близкий’, авест. ura, др.-перс. urā- ‘к<...>; близкий; приближаться’. В германских языках такое сочетание значений не столь явно просматривается, ср. нем. auf обозначает движение вверх и открывание чего-л.: *aufmachen*, *aufklinken* ‘открыть (дверь *нажимом на ручку, отщелкнуть*)’. Индо-иранские соответствия важны для интерпретации анализируемых германских тем, что сохраняют в своей семантике значение,

выступающее синкретично производящим для обоих членов оппозиции верх/сверху – низ, снизу: ‘близкий’ как ‘прилегающий сверху/снизу’.

При таком определении направления семантической деривации получает объяснение возникающая «противоречивость», энантиосемичность в отношениях производных и.-е. *urb-, *ur- и – что самое важное – их семантическая история наглядно демонстрирует истоки становления, языкового выражения базовой (в последующем) оппозиции «верх – низ» как производной (ср. оппозицию «близкий/свой ↔ посторонний/чужой»).

Дескриптивный признак как основание общей оценки в германских языках можно определить предположительно как ‘низкий’ → ‘плохой’ или ‘превышающий норму, чрезмерный’ → ‘плохой’. Скорее предпочтителен второй вариант, ср. исл. of ‘слишком, чересчур’, др.-в.-нем. urra ‘напрасно, тщетно’, urri ‘злой, злобный, wickend’ (<*‘чрезмерный’?).

С другой стороны, в пересечении значений выше и ниже можно увидеть семантический процесс, аналогичный происходящему в современном русском языке изменению значения слова *супер* (ср. широкое употребление в рекламе слова *суперцены* как низкие, сниженные цены: ‘сверх, свыше’ → ‘хорошо, лучше’ → ‘ниже’).

Как видим, только определенный признак, отмеченный в культуре (сознании этноса) определенно-го времени, способен через устойчивую маркированность в социуме стать знаком частной и/или общей оценки. Поэтому столь диагностичны в историко-культурном отношении семантические модели, по которым возникли общеоценочные значения.

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
грант 05-04-04141а.

Литература

1. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
2. Lehmann W.P. A gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
3. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen / W. Pfeifer etc. Bd. 1–2. Berlin, 1993.
4. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. / Ред., предисл. и примеч. В.Н. Ярцевой. М., 1954.
5. Paul H. Deutsches Wörterbuch. 9., vollst. neu bearb. Aufl. Tübingen, 1992.
6. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–30. М., 1974–2003.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.

Л.А. Назорная

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

Картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие. Под картиной мира понимается некоторая модель действительности, сформированная в результате обобщенного постижения того, что окружает людей и оказывается включенным тем или иным способом в процесс их жизнедеятельности. «Постижение бытия, сущего невозможно без самосознания» [1, с. 5].

Одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики является проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком.

«Человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Это объясняется таким свойством концепта, как способность к *изменчивости* в сознании. Изменяется со временем и число концептов, и объем их содержания» [2, с. 48].

Исследователи обращают внимание на то, что «анализ любого концепта позволяет не только выстроить соответствующую концептуальную модель, но также выявить механизм метафорического know-how архаического мышления. В этом смысле можно говорить о философии концепта, а значит, о наличии оснований для сопоставления наивных представлений с научными» [3, с. 321].

В данной работе делается попытка рассмотреть психологические, практические и исторические предпосылки возникновения способов измерения, а также проанализировать их антропоцентрический характер и описать некоторые языковые средства их выражения в английском языке.

Концепт «мера» имеет большое значение для формирования целостной картины мира, так как лежит в основе математической модели действительности. «Создание математической модели – важный этап познания, поскольку, когда она создана, нам известно, из каких предпосылок мы выводим следствия. В ходе опытной проверки у нас появляется возможность исследовать соответствие каждой из предпосылок реальности» [4, с. 16]. Д.И. Менделеев не раз подчеркивал, что наука начинается с тех пор, как начинают измерять [5, с. 219].

Термин «антропоцентрические способы измерения» широко используется в научной литературе, но смысловое наполнение этого термина различно

у разных авторов, нет четкой установки, какие же меры можно считать антропоцентрическими, а какие – нет. По-видимому, это связано с тем, что само содержание принципа антропоцентризма исторически менялось.

Согласно словарной статье, помещенной в философском энциклопедическом словаре, антропоцентризм (от греч. ‘anthropos’ – человек и ‘kentrom’ /лат. ‘centrum’/ – центр) – точка зрения, согласно которой человек есть центр Вселенной и конечная цель мироздания [6].

Уже Протогором (VI в. до н.э.) было провозглашено положение: «Человек есть мера всех вещей». Оно было уточнено Сократом (V в. до н.э.) в плане того, что только «человек мыслящий есть мера всех вещей». Аристотель (IV в. до н.э.) и Демокрит (IV в. до н.э.) заложили установки в истолковании мира в связи с его соизмеримостью с человеком. Аристотель ввел в психологию категорию понятия [7, с. 10].

В связи с вышесказанным считаем целесообразным отнести к антропоцентрическим измерениям не только единицы измерения, непосредственно связанные с частями человеческого тела и органами чувственного восприятия, но и единицы, отражающие наличие у него представлений об объектах реального мира. В современной лингвистике, стоящей на антропологической основе, исследование языковых процессов предполагает учет человеческого фактора. «В описании и интерпретации в качестве одной из важнейших составляющих должно учитываться и антропометрическое основание речемыслительной деятельности, т.е. соизмеримость отражения и оязыкования действительности с масштабами **знания и мировидения** человека» [8, с. 36].

Предлагаемая трактовка термина «антропоцентрические измерения» точно вписывается в мифологическую модель бытия [2, с. 81–84]. Эта модель носит, по сути, ярко выраженный антропоцентрический характер, так как в центре ее находится человек. Согласно этой модели границы Вселенной расходятся «от человека» концентрически и все большими и большими кругами, и через все из них проходит мотив Единого устройства мира.

Самый ближний круг, микрокосм – это сам человек. Его граница – тело и одежда. Части человеческого тела послужили эталонами для создания неоспоримых антропоцентрических единиц измерения. Эти меры были первичными и самыми ес-

тественными в складывающейся системе измерений, так как базировались на том, что дала человеку природа, – на частях его тела. Первым счетным прибором для человека были пальцы рук и ног. Те же руки, ноги и размеры некоторых других частей тела (ладони, ступни, суставы и фаланги пальцев, расстояния от локтевого сгиба до кончиков пальцев, ширина плеч, высота колена, человеческий рост) и их движений – шаг, пядь, размах рук и обхват руками – послужили образцами первых мер длины.

Необходимо отметить, что данные способы измерений, ввиду своей простоты и доступности, были присущи всем народам на всех континентах в период зарождения человеческого общества. «Тело – великий немой цивилизации, неяркий участник всех рассуждений о человеке наряду с явными: религией, наукой, литературой» [9, с. 368].

Следующий круг – дом человека, его ближайшее окружение. Дом – связующее звено в общей картине мира. «Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» [2, с. 82]. Основная функция дома – защита. Масштабы этого сакрального круга невелики. Способы измерения, основанные на частях человеческого тела, исправно функционируют в этом круге. В то же время усложнение хозяйственной деятельности требует большей точности измерений и вызывает к жизни новые меры. Использование домашней утвари в качестве единиц измерений имело революционное значение для развития математических представлений. Предметы домашнего обихода: чашки, ведра, бочки – являются более точными мерами, так как обладают более постоянным объемом по сравнению с пригоршней или охапкой. Эти элементы культуры или артефакты символизировали тесную связь между понятиями «количество», «вес», «объем». Во всех естественных языках подобные измерения находят свое языковое выражение. Английский язык не является исключением в этом отношении – такие словосочетания, как: *a bowl of fruit, a spoonful of soup, a bucket of water, a plate of porridge, a basket of apples* – несут измерительную нагрузку.

Последняя граница вокруг человека – это граница «своей» земли, родины. Первоначально это была граница «малой» родины, заданная самой природой. Ввиду больших пространственных масштабов этого круга бытия в мифологическом мире, меры, в основе которых лежат части тела, становятся мало пригодными. Расширяется способность человека творчески взаимодействовать с окружающим миром. Появляются новые меры, связанные с перемещением человека в пространстве и его хозяйственной деятельностью, такие как: русская «верста» – расстояние от одного до другого оборота плуга во время пахоты; «миля» – от лат. *‘millia passum’* тыся-

ча шагов; в прибалтийских государствах «трубка» – расстояние, проходимое судном при нормальной скорости за время, когда курится набитая табакотом трубка, которую моряк не выпускает изо рта, и т.д. У многих народов существовала мера расстояния «стрела» – время полета стрелы, позже – время полета пули. До сих пор в естественных языках сохранились выражения, воплощающие подобный способ измерения, как, например, в английском: *within/in shot; out of shot*.

It would be wise, John, to advise the colonel to keep at long shot (Cooper. The Spy).

Итак, архаическая модель пространства осваивается, обживается человеком. Каждый концентрический круг обладает своей сакральной и функциональной значимостью для человека и отличается наличием специфических единиц измерения.

Рассматривая вопрос о генезисе меры в человеческом сознании, необходимо отметить, что понимание меры постепенно формируется в процессе когнитивного развития человека, когда человек начинает осознавать, что мир состоит из объектов, которые допускают дальнейшее членение на какие-то меньшие составные части. Разнообразие объектов реального и духовного мира предполагает и большое разнообразие возможных способов их членения и, соответственно, измерения.

Ранний этап развития человечества характеризовался свободным выбором единиц измерения. Эталоны не были строго мотивированы и, с точки зрения современной науки, эталонами не являлись. Проводимые измерения носили довольно субъективный и бессистемный характер. Но эти «бессистемные» единицы вполне удовлетворяли потребности человека в измерении до появления стройной унифицированной системы мер. «Из самой природы заимствовал человек геометрические формы. Практическая деятельность служила основой для выработки отвлеченных понятий геометрии» [4, с. 35].

Авторы книги «Математика и научная картина мира» отмечают, что способность ставить вопрос о мире в целом появилась у людей сравнительно недавно – около 7–8 тысяч лет тому назад. Из собирателя и охотника человек к этому времени стал земледельцем и ремесленником. Если вначале люди не выделяли себя из окружающей среды, считали, что их предками являются звери и птицы, растения и даже камни, то теперь, наоборот, человек стал сравнивать окружающую природу с самим собой, со своим внутренним миром, он одушевил природу, стал верить, что существуют души деревьев и ручьев, гор и морей, растений и животных.

«Сравнение явлений природы со свойствами и деятельностью человека имело далеко идущие последствия» [4, с. 5].

По мере того как человек начал осознавать свое «Я», выделять понятия «единичность–множественность», он приобрел способность сравнивать. «Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету» (Э. Сепир) (цит. по [2, с. 60]). Человек пытался дать характеристику предметам окружающей действительности. И, соответственно, эти попытки нашли свое отражение в языке, хотя и носили достаточно абстрактный и неопределенный характер.

Важным является то, что человек уже мог дифференцировать предметы, видеть их неоднородность и несхожесть, и в языке начали появляться слова, различающие и описывающие предметы, например: длинный – короткий, широкий – узкий; высокий – низкий; толстый – тонкий, глубокий – мелкий; тяжелый – легкий и т.д., которые также можно отнести к словам-измерителям.

Человек измерял то, что видел, а так как пространство было трехмерным (Евклидово пространство), появилась необходимость вычислять все характеристики предмета – длину, высоту, ширину. Важно подчеркнуть, что специфической особенностью антропоцентризма является пространственный параметризм, другими словами, антропоцентрические способы измерения преимущественно являются линейными мерами и служат для определения длины, высоты, ширины, толщины. Не вызывает сомнения факт, что концепт «мера» неразрывно связан с концептом «пространство». Слова «высокий, низкий, верх, низ, подниматься, падать, вставать» становятся понятными лишь в рамках концепта «пространство» [11, с. 59].

Первый период истории измерений, в течение которого человек не нуждался в других материальных образцах, кроме частей своего тела, продолжался довольно долго. До настоящего времени в языковой картине мира сохранились многие фразеологические и метафорические выражения, антропоцентрические по сути и уходящие своими корнями вглубь веков.

Однако часто устойчивые выражения, носящие антропоцентрический характер, не выполняют измерительную функцию, а просто определяют положение объекта в пространстве. В английском языке таковыми являются: *at one's side; close at hand; at one's elbow; (right) under one's (very) nose* и т.д.

Только часть подобных устойчивых сочетаний напрямую выражает меру или может быть использована для ее выражения в определенных ситуациях: *from head to foot; at arm's length; within one's reach/within easy reach; within/out of one's grasp, (a few) steps from* и т.д.

He surveyed Dolph from head to foot, above and under, and through his spectacles (Irving. Dolph Heiliger). Head down, he... was only a few steps from

the darkened doorway (Ballard. Zone of Terror). Donald's extended hand was within reach of his (Murdoch. The Sandcastle). Sister Martha... held Sister Elizabeth at arm's length (Eidson. St. Agnes' Stand).

С развитием мышления, аналитических способностей человека появилось стремление освоить окружающий мир. Вполне естественно, что первые данные о мире у человека основывались на сенсорном уровне восприятия – что он видел, слышал, ощущал и т.д.

Л.Б. Лебедева отмечает: «Информация о внешнем мире и о своем месте в нем приходит к нам по нескольким каналам, которым соответствуют способы чувственного восприятия. Наиболее важные для человека каналы – это зрительный (визуальный) и слуховой (аудиальный), а также кинетический, несущий информацию о положении собственного тела в пространстве... Удельный вес информации, воспринимаемой другими органами чувств, незначителен» [10, с. 349]. Фразеологизмы, участвующие в репрезентации концепта «мера» в английском языке и отражающие уровень чувственного (зрительного и слухового) восприятия, не столь многочисленны: *within/out of one's sight; within/out of earshot; within/out of hearing*. Особенность использования этих фразеологизмов в качестве «единиц измерения» состоит в том, что в основе этого использования лежат функции органов зрения и слуха и пределы выполнения ими этих функций.

They were sitting on the bench under the cedar within earshot of other people (Swift. Shuttlecock). He had his pistol, but if he used it, there might be other Apaches within hearing (Eidson. St. Agnes' Stand). She could not think of letting Dolph go out of her sight (Irving. Dolph Heiliger). Mor stepped back a little, so that he could observe the newcomers without being anywhere in Nan's field of vision (Murdoch. The Sandcastle).

Измерения, основанные на сенсорном уровне восприятия действительности, находят свое выражение в английском языке и при помощи придаточных предложений.

...when Twala the king calls up his regiments their plumes cover the plain as far as the eye of man can reach (Haggard. King Solomon's Mines). See you not that broad sheet of water which the eye cannot compass (Cooper. The Spy). Behold, the land is yours as far as ye can see (Haggard. King Solomon's Mines).

Как видно из приведенных выше примеров, антропоцентрические способы измерения служили и до сих пор часто служат главным образом для определения расстояний. Но они могли, как указывает С.Ю. Семёнова, применяться для определения объема и менее широко – веса. Так у многих народов масса предмета определялась по сравнению с час-

тями тела человека – голова, кулак, пригоршня [12, с. 118]. В современном английском языке подобные меры объема и массы часто выражаются конструкцией ‘N + ful’: *a handful of stones (Golding); fistful of rocks (Ellis); the great armful of clippings (Rendell); a headful of carnival spangles (Bradbury)*.

Однако сфера применения антропоцентрических мер не ограничивается измерением расстояния, объема и веса. Антропометрические показатели с успехом могут служить для определения температуры и даже ритма.

So taking each of us a little drink from our fast diminishing supply of water, now warmed to about the same temperature as a man's blood, we staggered on (Haggard. King Solomon's Mines). But there were no faucets. Only the baptismal font itself, into which, drop by drop, a slow liquid was falling, with three heartbeats between each sound (Bradbury. The Messiah).

Во всех естественных языках концепт «мера» объективируется достаточно большим количеством языковых средств, «которые способны представить точные, приблизительные и неопределенные характеристики меры» [13, с. 139]. Н.Н. Болдырев указывает на то, что в действительности физические параметры длины, высоты, ширины, цветовые и температурные характеристики четко не определены, «поскольку мы не в состоянии провести четкую грань между холодным, теплым и горячим или распределить все возможные цветовые оттенки. Следовательно, классификация физических параметров является скорее мыслительным процессом, чем проявлением свойств самой природы» [10, с. 74].

В английском языке существует целый ряд сложных прилагательных, составным компонентом которых являются слова: *thin, deep, high*. Как отмечалось выше, сами по себе эти слова уже являются словами-измерителями, но, обладая довольно широким значением, они допускают определенную степень субъективности в качественной и количественной оценке. В составе сложных прилагательных, типа: *skin-deep, leaf-thin, paper-thin, waist-high, waist-deep* и т.д. – они получают дополнительное уточнение, что переводит их из разряда слов с неопределенными характеристиками меры в разряд слов с практически точным значением меры, поскольку человек имеет представление о параметрических характеристиках окружающего мира. Этимологически эти сложные прилагательные содержат в себе сравнение с хорошо известными носителям языка предметами.

She gave them ... wafer-thin bread and butter with home-made apple-jelly (Miss Reed. Fresh from the country). I had walked my shoes down until the soles were paper-thin (Pinto. V.I.P.). His leaf-thin reputation could not withstand (Eidson. St. Agnes' Stand).

В последнем примере прилагательное ‘*leaf-thin*’ является метафорическим эпитетом, что в принципе не снижает его значения как слова-измерителя.

Как указывает В.А. Маслова, «культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия» [2, с. 60]. Мышление человека хранит представление о стандарте (прототипе) употребляемых в качестве уточнителей предметов. В данном случае на передний план выдвигается только одно из качеств типичного образа конкретного предмета, а именно – его ширина.

Слова ‘*deep*’ и ‘*high*’, подобным же образом соединяясь со словами, обозначающими части человеческого тела (высота колена и другие уровни человеческого тела по вертикали), образуют не только сложные прилагательные, но и наречия, которые по праву можно назвать измерителями.

...mud as black as tar and about a foot-deep in some places (Twain. Huckleberry Finn). Miss Carter was standing knee-deep in the water (Murdoch. The Sandcastle). And they were all in, waist-deep in the water (Steinbeck. Grapes of Wrath). Grandmother would look down at her hands which some glorious instinct sent on journeys to plumb a disencumbered turkey, wrist-deep in search for their animal souls (Bradbury. Dandelion Wine). Then... he rose slowly over waist-high boulders (Eidson. St. Agnes' Stand).

Подобные слова-измерители возвращают нас к идее антропоцентрических измерений, являющихся первичными и самыми естественными в системе складывающихся мер. Хотя описанные меры находятся в прямой зависимости от роста и возраста человека, членам одного языкового и культурного общества нетрудно представить высоту и глубину, выражаемую при помощи таких языковых средств, поэтому их следует отнести к языковым выражениям с приблизительной характеристикой меры.

Стоит отметить, что составное слово ‘*skin-deep*’ имеет только фигуральное значение. Словарь современного английского языка А.С. Хорнби и др. [14, с. 931] дает следующие пояснения: *skin-deep (of beauty, feelings, etc.) only on the surface, not deep or lasting*. Метафорическое значение слова репрезентируется самой внутренней формой слова и указывает на поверхностный характер определяемых им абстрактных понятий, тем самым выполняя измерительную функцию.

Рассмотренная языковая модель позволяет производить количественную оценку ширины, глубины и высоты без привлечения общепринятых систем мер, она вполне отвечает требованиям, предъявляемым к измерениям на бытовом уровне.

Концепт «мера» может репрезентироваться и через внешний размер или габарит предмета или

объекта (*size*). По определению, данному вышеназванным словарем, *size – degree of largeness or smallness* [14]. Понятие *size* – трехмерно, т.е. обладает длиной, шириной и высотой, а следовательно, и объемом. Внешний размер неразрывно связан с представлением человека о норме, стандарте. С течением времени стандарты неизбежно меняются, что приводит к корректировке понятия размер в сознании носителей языка. В различные исторические эпохи представления человека о стандартах объектов окружающего мира и самого человека отличались друг от друга в значительной степени, но все же они позволяли судить о размерах, тем самым выполняя измерительную функцию.

In stature he was above the size of ordinary man (Cooper. The Spy). His arms were too short for his torso (Burke. Cimarron Rose).

Стандартные показатели роста человека варьируются в различных регионах земного шара, но люди, объединенные общими культурными и национальными представлениями, не испытывают трудности в оценке роста человека. Сравнения и метафоры, являющиеся скрытыми сравнениями, имеют непосредственное отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям, традициям.

She was so tall that made Mother look child-size (Rendell. The Crocodile Bird).

Рост и другие антропометрические показатели ребенка находятся в прямой зависимости от его возраста, но в целом метафора дает представление соотношения размеров двух женщин.

Сравнение играет огромную роль в процессе познания. «Самый процесс сравнения есть процесс познания» (А.А. Потебня) (цит. по [2, с. 61]). Хорошо известно, что можно ошибиться в оценке размеров, если рядом с оцениваемым объектом нет других предметов, с которыми можно произвести сравнение.

She seemed less tiny now that there were no objects with which to compare her (Murdoch. The Sandcastle).

В английском языке можно найти ряд сложных прилагательных, вторым составным компонентом которых является семема *size*. Большая часть этих прилагательных передает неопределенные характеристики меры и указывает на наличие некоего стандарта в сознании носителей языка.

She found a couple of good-sized rocks with points at the ends (Ellis. Parvana's Journey). The mass was of the width of a good-sized door, about ten feet high and not less than five thick (Haggard. King Solomon's Mines). It was a fair-sized animal. (Eidson. St. Agnes' Stand). ... a tiny stream can grow into a fierce full-sized river (Durrell. The Whispering Land).

Во всех приведенных примерах прилагательные передают значение больших, внушительных разме-

ров. Прилагательное *sizeable* обладает той же неопределенной характеристикой, выражающей большую меру.

They were in a sizeable town with parking in the market place (Rendell. Crocodile Bird).

Параметры самого человека могут быть использованы в той же модели 'N + sized'.

«Shake, doc. A man-sized atomic shield is all the proof I need», and he held out his large hand (Asimov. Foundation and Empire). Minutes later the Apaches were tossing fist-sized rocks (Eidson. St Agnes' Stand).

Как уже отмечалось выше, определение размера может быть произведено посредством сравнения с хорошо знакомыми предметами и объектами действительности как природного происхождения, так и артефактами. Довольно часто размеры описываемых предметов соотносятся с размерами представителей животного мира.

It was about the size of a donkey (Haggard. King Solomon's Mines). Beside him ...stood his three wives and three babies, each about the size of terrier (Durrell. The Whispering Land). No idea, darling, something's always coming these days... – an economy twelve-pounder, the size of a turkey (Ballard. Subliminal Man).

Так как размеры животных могут варьироваться в значительной степени, возникает необходимость ввести дополнительные характеристики, уточняющие их. В качестве таких уточнителей могут выступать прилагательные, являющиеся лексическими измерителями (*large, small, long, short* и т.д.):

He led us to a large cage in the corner of which crouched a beautiful young puma, about the size of a large dog (Durrell. The Whispering Land). The thing was about the size, shall I say, of a small horse (Dahl. Neck).

Стоит заметить, что модель 'the size of + N' используется как мера и для живых существ, и неодушевленных предметов. В качестве второго компонента этой модели могут выступать существительные, обозначающие природные объекты.

There were arrowheads ranging from a delicate fragile-looking ones the size of your little fingernail, to ones the size of an egg (Durrell. The Whispering Land). Smaller yet it grew, till it was only a size of a large fox's earth (Haggard. King Solomon's Mines).

Довольно часто эта структура содержит в качестве составного компонента слова, обозначающие артефакты цивилизации.

There were boulders the size of a large barn (Eidson. St Agnes' Stand). From somewhere under the seat she hoicked out a handbag the size of a small cabin-trunk (Durrell. The Whispering Land). On the back of it were two or three faint scars, each about a size and a shape of a sixpence (Pinto. Infernal Triangle).

Проанализировав примеры, можно сделать вывод, что структура 'a (the) size of + N' широко ис-

пользуется в английском языке для репрезентации концепта «мера». Эту модель, благодаря наличию уточняющих характеристик размера, можно отнести к разряду измерителей с приблизительными характеристиками меры.

Рассмотренные в работе языковые модели представляют собой единицы «неточного или неопределенного измерения», не входящие в общепризнанные национальные и международные системы мер. Единицы «неточного или неопределенного измерения», имеющие лингвистическое выражение, находятся на периферии метрических систем, исторически сложившихся в языке, но играют большую роль в оперативном членении и измере-

нии объектов различного рода в повседневной жизни людей.

Таким образом, концепт «мера» имеет многокомпонентную организацию, и для его языкового выражения в английском языке существует довольно большой выбор различных лексических, фразеологических и стилистических средств, уходящих своими корнями в прошлое и сохраняющих за человеком статус «меры всех вещей», помещающих его в центр мироздания. При помощи этих средств можно представить в речи различные признаки концепта. Актуальность рассматриваемой темы объясняется, в частности, удивительной «живучестью» антропоцентрических измерений.

Литература

1. Основы философии: Учеб. пос. для вузов / Отв. ред. Е.И. Попов. М., 1997.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пос. Минск, 2004.
3. Земскова И.П. Концептуальное поле порядка // Логический анализ языков: Языки динамического мира. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
4. Клейнер Г.М., Клейнер Л.М. Математика и научная картина мира. Киев, 1984.
5. БСЭ, том 10, М., 1972.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
7. Основы современной философии: Учеб. для вузов / Отв. ред. М.Н. Росенко. СПб, 2002.
8. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности // Ин-т языкознания / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991.
9. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.
10. Лебедева Л.Б. Модальность восприятия и его отражение в языке // Логический анализ языков: Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.
12. Семёнова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных объектов // Логический анализ языков: Языки пространств // Языки русской культуры, М., 2001.
13. Петроченко Л.А. О языковой репрезентации концепта *мера* в современном английском языке // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: Проблемы и перспективы // Сб. науч. тр. и мат.-лов. Томск, 2002.
14. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. L., 1973.

Н.С. Коваленко

ОТРАЖЕНИЕ ПРИЗНАКА ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИМ ФОРМАНТОМ -S-

Томский государственный педагогический университет

Одной из очевидных и известнейших особенностей мышления древних людей является то, что многие явления природы, космические объекты, стихии, окружающие человека, воспринимались им как живые личности, наделенные волей, способные принимать участие в его жизни. Считается, что эта черта мировоззрения древних находит отражение в первую очередь в мифах и народных преданиях, сохранивших сведения об обожест-

влении сил природы. Не только мифы и сказки, но и грамматические явления индоевропейских языков сохраняют информацию о том, какие явления и предметы древние считали живыми существами, а какие – вещами. Именно в силу своей консервативности морфологический уровень может сохранять такие реликтовые явления, которые уже невозможно обнаружить на других языковых уровнях.

Труды многих ученых (Г.А. Климова, М.Н. Палмайтиса, О.А. Осиповой и других) подтверждают, что в период общинноевропейского языкового состояния все существительные подразделялись на два основных класса: активные – те, которые воспринимались людьми как живые существа, и инактивные – те, которые воспринимались как вещи. Г.А. Климов относит протоиндоевропейское состояние к активному строю языка, где структурные компоненты ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным участниками пропозиции таким образом, что глаголы лексикализованы по признаку активности–стативности, а субстантивы разделены на активные и инактивные [1, с. 4, 152, 164]. В свою очередь оппозиция по признаку активности–инактивности была преемственно связана с еще более древней оппозицией существительных по признаку одушевленности–неодушевленности [1, с. 442–443]. Данная оппозиция была, по-видимому, связана с зависимостью древнего человека от природы, с необходимостью делить все окружающие объекты на «живое» и «неживое». Позднее, с выделением человека из мира природы и с появлением организованного общества, оппозиция «одушевленное–неодушевленное» превратилась в оппозицию социальной актуальности или неактуальности. То есть то, что было актуально, значимо для человека и общества (даже если фактически принадлежало к миру неживых вещей), мыслилось действующим (т.е. «живым») – например, *яйцо*, *лучина*, *хлебные крошки* [2, 3]. То, что было неактуально, то есть «инертно» по социальной значимости (даже если в реальности было живым существом), понималось как неактивное [4, с. 39–40]. Такое разделение было одним из важнейших, и для его выражения требовалось применение языковых средств. Как социальная актуальность или неактуальность, так и одушевленность–неодушевленность находили отражение в грамматическом строе языка. Определенные грамматические признаки служили маркерами одушевленности/неодушевленности.

Согласно исследованиям О.А. Осиповой, в древнегерманских языках на древнейшем этапе их существования таким признаком служили в первую очередь консонантные основообразующие суффиксы, которые проявлялись в парадигме склонения существительного [5, 6]. В склонении существительных на консонантные основы в древнегерманских языках наблюдается концентрация существительных с одушевленной семантикой. Существительные с основообразующим формантом *-s-* в древнегерманских языках относятся к консонантным и являются реликтовыми – сохранились лишь остатки существительных парадигмы *s-*основ

[7, с. 223–226]. Основы данного типа представлены очень небольшим количеством существительных только среднего рода, в основном обозначающих детенышей. В склонении на *-s* выделяют существительные, которые исконно относятся к данному типу основ и составляют его основной стержень: *lamb* «ягненок», *sealf* «теленок», *cīld* «ребенок», *æg* «яйцо», *speld*, «лучина, факел», *breadru* (мн. ч.) «крошки (хлебные)». Кроме того, существует группа слов, которые когда-то относились к данному склонению, например: *hlæw / hlāw* «холм», *ēar* «колос зерна» и др. [8, с. 212–214]. То, что существительные этой основы относятся к среднему роду, еще не является признаком их неодушевленности, так как разделение по родам сформировалось у существительных гораздо позже разделения их по основам [1, с. 242]. На основании этого при анализе существительных, с точки зрения одушевленности/неодушевленности, мы будем ориентироваться в первую очередь не на род, а на основообразующий суффикс, который передает более древнее состояние.

Анализ лексико-семантической сочетаемости древнеанглийских *s-*основ позволит определить, к какой категории действительности относили то или иное существительное носители языка, а именно: воспринималось ли оно как одушевленное или неодушевленное.

Одушевленность древнеанглийских существительных *s-*основы проявляется в их сочетаемости с другими лексемами, а именно – с глаголами, обозначающими активное действие. Это показывают следующие примеры:

- *Swā plegende lamb* – *резвиться* как ягненок;
- *Heald mīne lamb* – *пасу* агнцев моих;
- *Abram gesette seofon lamb on sundron* – *Абрам приводит* по отдельности семь ягнят [9, с. 616];
- *Me umbhringdon mænige calfru* – *много телят окружили* меня;
- *He ofslōh ān fæt celf* – *он убил* откормленного теленка [9, с. 148];
- *Ēalā cīld, hū ēow līcap dēos spæc* – *О ребенок, как тебе нравится* эта беседа;
- *Ðæt cīld wixþ and gewurþ eft snara and eft syððan cnih* – *ребенок растет* и *становится* мальчиком, а потом мужчиной [9, с. 154];
- *Biernende speld* – *горящая* лучина [9, с. 900];
- *Him þuhte, ðæt he gesāwe seofon ear weaxan on ānum healme fulle and fægre* – *семь колосьев дают* побеги одному полному и крепкому стеблю [9, с. 154].

Употребление эпитетов показывает, что существительные с основой на *-s* были очень тесно связаны с религиозно-культурной сферой. Об этом свидетельствует сочетаемость существительных *s-*основы с определениями, относящимися к религиозной сфере:

– *Hēr is Godes lamb* – вот агнец *божий* (вот божественный ягненок);

– *Godes lombes folgian* – следовать за агнцем *божьим* [9, с. 616];

– *Ðæt hālige sealf* – *священный* теляенок [9, с. 148].

Кроме того, принадлежность существительных s-основы к области культа подтверждают и другие примеры:

– *Nyme ælc mann ān lamb* – возносить (возвеличивать) каждого ягненка [9, с. 616];

– *On-settaþ ofer wi-bed ðin calfur* – возложи на алтарь (жертвенник) своего телянка (или: принеси в жертву над алтарем своего телянка) [9, с. 148];

– *Ðæt æg getācnaþ ðone hālgan hiht* – яйцо означает/предвещает святую надежду [9, с. 11–12].

Согласно исследованиям А.В. Десницкой те существительные, которые были связаны с областью культа и ритуально-религиозной сферой, относились к одушевленному классу [10, с. 61–63].

Восприятие объектов, обозначаемых существительными s-основы как одушевленных, выразилось

в языке в том, что эти существительные сочетаются с глаголами активного действия, а также с лексикой, относящейся к области культа, что свидетельствует об особом отношении древних людей к данным реалиям. На грамматическом уровне это выразилось посредством оформления этой группы слов основообразующим суффиксом -s-. Последующее маркирование образований на -s средним родом, по-видимому, связано с изменениями в мировоззрении древнего человека, а именно – с отходом от мифологического восприятия действительности. То есть как мифологическая, так и реальная, жизненная значимость данных объектов стала не так велика, как в древние времена, в силу чего изменилось и отношение к этим объектам действительности.

Таким образом, исследование лексико-семантической сочетаемости древнеанглийских образований на -s показывает, что основообразующий формант -s- первоначально выполнял классифицирующую роль, выделяя определенную группу существительных, которые можно отнести к одушевленному классу.

Литература

1. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
2. Коваленко Н.С. О семантическом принципе, объединяющем древнеанглийские существительные s-основы // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Т. 2. Томск, 2004.
3. Коваленко Н.С. Отражение признака одушевленности в древнеанглийских существительных, объединенных основообразующим формантом -s-. Н. Новгород, 2005 (в печати).
4. Палмайтис М.Л. Индоевропейская апофония и развитие деклинационных моделей в диахронически-типологическом аспекте. Тбилиси, 1979.
5. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
6. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: проблема языковой вариативности. М., 1990.
7. Гухман М.М. и др. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3. М., 1963.
8. Wright J., Wright E.M. Old English Grammar. London, 1925.
9. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections. Oxford, 1954.
10. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.

Л.А. Петроченко, Е.О. Мерзлякова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ ИКОНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

Томский государственный педагогический университет

Современная лингвистика проявляет особый интерес к сущности человека, его духовному миру и культуре и, соответственно, к смысловой стороне языка, что способствует формированию новой научной парадигмы, которую принято называть антропоцентрической или иногда гуманистической. В семиотическом выражении это означает «обра-

щение к символической стороне языка, переход от знака к символу» [1, с. 7].

В лингвистике уже сложилось понимание того, что изучение языкового знака только как «единства определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)» [2, с. 167] без учета особен-

ностей внешнего мира и системы культурных ценностей этноса является крайне рационалистской позицией.

Ф. де Соссюр, научные идеи которого способствовали утверждению системно-структурной парадигмы, говорил, в частности, что «для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом *символ*. Но пользоваться им не вполне удобно в силу нашего первого принципа (*прим.* принципа произвольности). Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [3, с. 101].

Многое в теории знаков и символов было в дальнейшем разработано последователями Ф. де Соссюра. Они разрешили проблему соотношения между представлениями (мыслительным содержанием), с одной стороны, и объектами внешнего мира, с другой, таким образом, что можно было полностью игнорировать названные объекты [4, с. 25].

Дальнейшее изучение природы языка, однако, привело исследователей к выводу, что антиномия искусственного и естественного, знака и символа, которая выражается в понимании знака как символа и символа как знака, должна быть признана наиболее фундаментальной в научной онтологии языка [1, с. 7].

Такой подход хорошо согласуется с философским пониманием термина «символ». *Символ* (греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета; *symbolo* – соединяю, сталкиваю, сравниваю) – в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако если ... сущностью знака признать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам. Символ не есть только наименование какой-либо отдельной частности, он схватывает связь этой частности со множеством других, подчиняя эту связь одному закону, единому принципу, подводя их к некоторой единой универсалии <...>. Объединяя различные планы реальности в единое целое, символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня... [5, с. 899].

Изучение различий знака и символа с позиций философии, лингвистики, культурологии и других наук позволяет исследователям считать, что содержательной основой знака в языке является значе-

ние, а содержательной основой символа (слова как символа) – образ [1, с. 51; 6, 879; 7, с. 388].

Образ всегда экспрессивен, и если слово как знак для выявления всех своих значений требует контекста в виде предложений, то слово как символ нуждается в культурном контексте. Символ всегда социален и психологичен по своей значимости [1, с. 62–63].

Слово в принципе обладает свойством превращаться в символ, поскольку кроме смысла, заключенного в его основном значении, «оно содержит в себе смысл и всех возможных инобытийных функций вещи. Оно есть ... как бы заряд, готовый каждую минуту превратиться в реальное огромное событие» [6, с. 877].

Несмотря на знаковое происхождение, символ как таковой не может быть знаком чего-то внешнего, материального, буквального. Он выразительно отсылает нас к чему-то абстрактному, социально и культурно значимому.

В качестве примера можно взять слово *лотос* и рассмотреть его содержательное различие как знака и как символа. В этом языковом знаке цепочка фонематически расчлененных звуков [л-о-т-о-с] означает несколько разных растений, в том числе: а) род земноводных травянистых растений, цветы которых имеют белый или розовый цвет, или б) только сам цветок такого растения: (англ.) *a white or pink flower that grows, esp. in Asia, on the surface of lakes* [8]. В то же время индийцы считают лотос своим национальным цветком. Для них он служит символом красоты, чистоты и отстраненности от земных дел [9, с. 28]. Содержание этого символа, несомненно, сформировалось под влиянием религиозных взглядов большинства жителей Индии, поскольку лотос является также священным символом индуизма и буддизма [10, с. 633].

В Европе с античных времен символом красоты и чистоты, благодаря своему белому цвету, является *лилия*. Позднее, с распространением христианства, лилия чаще, чем любые другие цветы, стала цветком Девы Марии [11, с. 196].

Смысл символа (как слова, так и конкретного объекта) обычно становится понятным только в пределах какой-то определенной страны, культуры, религии, отрасли знаний и т.д., хотя имеются символы и международного статуса, напр.: *кленовый лист* символизирует Канаду, *лев* – Великобританию, *трилистник* – Ирландию, *ветряные мельницы* и *тюльпаны* – Нидерланды, *кенгуру* – Австралию; *красный крест* – скорую помощь, *подкова* – удачу и т.д.

Естественно, что существует и индивидуальный символизм, то есть символизм, связанный с личным опытом и чувствами конкретного человека. При этом человеку как бы открывается нечто, тре-

бующее определенного толкования и оценки, которая может носить как положительный, так и отрицательный характер [1, с. 115–116].

Символический потенциал каждого языка как составной части определенной культуры бесконечно велик, поскольку человек в своем чувственном восприятии мира склонен опираться на какую-либо символическую модель его понимания, что и отражается в языке.

Среди знаков символического характера особое место занимают *иконические знаки*, или *иконы* (от греч. εἰκόνη – изображение, образ).

Английское слово icon имеет несколько значений, в том числе такие, как: 1) священный образ (изображение Иисуса Христа, Девы Марии и святых), почитаемый в христианстве; 2) фотография, рисунок, скульптура и т.д. как знак-образ, представляющий реальный объект, его свойства и функции (напр.: рисунок кружки с пенящимся пивом на вывеске ясно указывает на трактир или пивной бар) [12, с. 63]; 3) значок на экране компьютера, который помогает пользователю выполнять определенную операцию, и, наконец, в более широком смысле – 4) *любой объект (имя, лицо, предмет, продукт и т.д.), легко узнаваемый всеми и вызывающий особо положительные эмоции* [13, с. 402; 14].

В английском языке, наряду с существительным icon, употребляется также прилагательное iconic. Британская пресса часто использует слова icon и iconic, особенно в заголовках, при описании различного рода реалий общественной, промышленно-экономической и культурной жизни как внутри своей страны, так и за рубежом:

Icons of British Art; Icons of rock and pop music; Nancy Reagan emerges as public icon; Rebirth of an industrial icon (о машине марки Rolls-Royce).

As much an icon of London as Big Ben or Buckingham Palace, the curvaceous old Routemaster double-decker is due to be retired. More than 100 of London's iconic Routemaster buses will finish their final journeys on Friday after 50 years on the city's streets.

Slow demise of a very British icon. In its heyday the red call box was a British icon as famous as the red double-decker bus, the red postbox, or The Beatles, etc.

Слово icon, по-видимому, соотносится в русском языке со словом *культ* или словосочетанием *предмет культа*, которые, однако, не обладают тем семантическим потенциалом, который имеет icon в английском языке, и потому не употребляются в контекстах, характерных для icon. В то же время существует русское прилагательное *культовый*, которое в последнее время встречается в сочетаниях *культовый писатель*, *культовый роман*, *культовый фильм* и т.д., что вполне соответствует английскому прилагательному iconic.

В настоящее время в Великобритании осуществляется попытка создать реестр общенациональных иконических знаков, активное участие в которой принимает также пресса. Этот реестр пока что невелик, поскольку проводится тщательный селективный отбор: bagpipes, baked beans, Big Ben, bowler hat, Britannia (emblem), British monarchy, bulldog, fish and chips, Hackney carriage, John Bull, kilt, Marmite, Miss Marple, red telephone box, Robin Hood, Routemaster (red double-decker bus), Rule Britannia, Sherlock Holmes, Tommy Atkins, Union Jack и некоторые другие [14].

Работа по выявлению знаков такого рода продолжается. Исследователи BBC News Online обратились к более чем тысяче людей, занятых разными видами деятельности, проживающих в разных районах страны, с вопросом о том, что может характеризовать британцев как нацию. По результатам опроса был составлен список, в который вошли многие объекты, являющиеся, по мнению респондентов, исключительно британской принадлежностью. Кроме вышеназванных иконических знаков, в списке значатся также ростбиф, английский паб, сэндвич, крокет, Джеймс Бонд, йоркширский пудинг, ансамбли «Биттлз» и «Роллинг Стоунз», здание Парламента и т.д. В нем встречается и такая реалия неанглийского происхождения, как чай [15].

По мнению многих опрошенных, чай – это величайший символ. Многие люди считают, что чашка чаю (cuppa) является неотъемлемой частью английской культуры (a quintessential English symbol, the greatest English icon, etc.).

Чай как напиток и само слово tea, называющее его, представляют собой чрезвычайно интересное явление, которое требует специального рассмотрения.

Чайный лист был завезен в Англию из Китая в середине XVII в. Во второй половине XIX в. британцы начали выращивать кустарники чая в Ассаме, на территории своей индийской колонии. Ассам до сих пор остается одним из крупнейших импортеров чая в Британию.

Чай как ритуал общественной жизни Англии некоторые исследователи относят к концу XVIII в. Но широкое распространение во всех слоях английского общества чаепитие получило позднее, в конце XIX в. Ввела эту традицию Анна, супруга седьмого герцога Бедфордского. Около пяти часов вечера у герцогини появлялось легкое чувство слабости (sinking feeling), и, чтобы вернуть себе силы, она просила подать чай. Викторианская Англия с готовностью переняла привычку Анны выпить чаю с легкой закуской около пяти часов, в промежутке между ранним ленчем и поздним обедом.

Вечерний чай быстро завоевал популярность. На чай стали приглашать друзей. Для представите-

лей знати открывались чайные, кафе-кондитерские. Постепенно чай стал национальным напитком: «The labourers lose time to come and go to the teatable and farmers' servants even demand tea for their breakfast» [16]. Даже в наши дни работодатель не имеет права отказать своим служащим в перерыве на чай (tea-break), несмотря на то, что это отнимает время. Исследования в то же время показывают, что перерыв на чай способствует сплочению коллектива [17].

Чай становится хорошим поводом для встреч и общения, когда люди, собравшись за чашкой чая, обсуждают последние новости и события своей жизни. Чай, по мнению британцев, является символом гостеприимства, поскольку пришедших в гости друзей и близких принято приглашать выпить чаю. Англичане очень серьезно относятся к составу чая. Существуют даже национальные смеси, напр., English Breakfast, Earl Grey. Для лучшего чая рекомендуются сорта из Индии и Цейлона (Шри-Ланка). Многие любители чая отмечают его целебные качества, его способность успокоить, согреть, охладить, приободрить, помочь сконцентрироваться или расслабиться, в зависимости от того, в какой ситуации и с какой целью подается чай.

Постепенно, помимо домашнего ритуала встречи гостей, чай стал еще и официальным общественным мероприятием. Чаепития (tea parties) проводятся по разным поводам: собрания различных организаций, поддержка благотворительных кампаний. На чай могут приглашать знаменитостей, победителей различных конкурсов и т.д.

Чай в современной Англии – это также прием пищи. Различают «afternoon (low) tea» и «high tea». «Afternoon tea» обычно подается между половиной четвертого и половиной пятого. Гостей приглашают за низкий (отсюда название low tea) чайный столик, к такому чаю предлагается легкая закуска. «High tea» подается между половиной шестого и половиной седьмого. Это плотный обед с чаем в тех семьях, где не принято ужинать поздно [16].

В слове *чай* вербализована сложная ментальная структура, существующая в культуре и сознании англичан. Соответственно, можно говорить о существовании концепта *чай*. Но сначала необходимо определить, что есть концепт в целом и какова его структура.

В жизни человека ведущее место занимает аспект когниции. Существуют вербальные и невербальные формы мышления, вербальные и невербальные способы передачи информации. Но, безусловно, главными являются все-таки вербальные. Через «языковую сетку» мы пропускаем все, что получаем в результате практической деятельности и образования и просто общения с окружающим миром, с другими людьми. Соответственно, возник

ает проблема того, как в сознании человека отражено его видение, понимание внешнего мира, как человек осмысливает мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых единиц.

С момента рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, обобщать, перерабатывать информацию, выражать результаты своей деятельности с помощью языка. В итоге у человека формируется определенная система знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня абстракции. Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления и общения. Анализируя, сравнивая и соединяя различные концепты, он формирует новые как результат мышления.

Многие концепты возникают на предметно-образной, чувственной основе. Эти образы и впоследствии (после того как первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности, т.е. «обрастает» мыслительным содержанием, логическими признаками) сохраняют за собой функцию наиболее наглядного представителя данного концепта в сознании человека. В психологии концепты часто различаются по степени конкретности – абстрактности. Однако вне зависимости от того, каким способом образован концепт и какова его степень абстрактности, наиболее важной и устойчивой частью его является ядро, содержащее конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира. Ядро концепта постепенно обрастает абстрактными признаками, взаиморасположение которых не обнаруживает строгой последовательности и носит индивидуальный характер [18, с. 25–26, 29–30].

Лингвокультурологи в основном понимают концепт несколько иначе, чем представители когнитивной лингвистики. В лингвокультурологии концепт – это национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и система ценностей [19]. Однако оба направления считают, что лучшим способом описания и определения природы концепта является язык. Обе школы указывают на многослойную структуру концепта. Ю.С. Степанов выделяет три слоя концепта (активный слой, пассивный слой и внутренний слой) [20 с. 49–61]. И.А. Стернин предлагает более детальное описание структурных особенностей концепта, выявляемого посредством соответствующей группировки и интерпретации соотносимых с каждым слоем концепта языковых единиц. Каждый слой концепта (ядро, когнитивные слои, периферия) отражает в себе признак или группу признаков разной степени абстрактности. И.А. Стернин также отмечает, что

концепт может также обладать и сегментной структурой, его особенностью будет являться равноправие всех сегментов, окружающих ядро [21].

Содержание концепта подвергается определенной стандартизации на общенациональном или коллективном, а также индивидуальном уровнях. Это означает, что некоторые характеристики концепта являются общепринятыми и общеизвестными, в то время как другие черпаются из индивидуального и неповторимого опыта отдельного человека и могут иметь определенные отличия. О содержании концепта можно, в частности, получить представление, изучив словарные статьи.

В словаре английского языка издательства Лонгман мы находим следующее подробное описание семантики слова tea (чай):

tea n 1 [U] a hot brown drink made by pouring boiling water onto the leaves of a special kind. It is thought of as a typically British drink: *a cup of tea* | *Do you take milk and sugar in your tea?*

CULTURAL NOTE: Tea is especially popular in the U.K. where people drink it regularly. As soon as friends arrive at a person's house, they usually put the KETTLE on (= start boiling water for tea) and ask them if they want a cup of tea, sometimes informally called a CUPPA or a BREW. Tea is usually served with milk and sometimes with sugar. If you feel worried or have just experienced something bad or shocking, a British person will typically tell you to sit down while they make you 'a nice cup of tea', because it is believed that tea makes you feel calm, comfortable and cared for.

2 [U] the specially treated, dried, and finely cut leaves of an Asian bush used for making tea: *China tea* | *Ceylon tea*. **3** [C usually pl.] a cup of tea: *Three teas and one coffee, please*. **4** [C;U] Br.E. a small meal served in the afternoon with a cup of tea: *We have tea at four o'clock* | *She made sandwiches and a cake for tea* | *It's teatime!* **5** [U] a drink made by putting leaves or roots of the stated plant in boiling water, sometimes drunk for medicinal purposes: *mint tea* | *chamomile tea* **6 not for all the tea in China** *infml* (used when making a refusal): *I wouldn't go back to that job for all the tea in China* **7 tea and sympathy** a lot of attention and kindness which not completely sincere and is not followed by practical help: *If Mr. Major is serious in his concern for lesbians and gay men and wants to demonstrate that his meeting with Sir Ian McKellen was more than public relations, tea and sympathy, he should announce the repeal of Clause 28 immediately.* **8 more tea, vicar?** Br.E. spoken a humorous expression, said after someone has just said or done something embarrassing or shocking: "*Sarah won't be very happy.*" "*I don't give a damn...oops, more tea, vicar?*" "*Gary's such an idiot...Oh, hi, Gary.*" "*More tea, vicar?*" see also **one's cup of tea** [8].

Словарь А.С. Хорнби описывает семантику слова чай довольно кратко:

tea, n 1 [u] (dried leaves of an) evergreen shrub of eastern Asia, India, etc; drink made by pouring boiling water on these leaves: *a cup of ~*; *make (the) ~*, prepare it. **Not my cup of tea**, (*fig*) not the sort of thing I like. 2 [c, u] occasion (in the late afternoon) at which tea is drunk: *We have ~ at half-past four.* *ε high tea* [22].

В словарях широко представлены также разнообразные слова, в состав которых входит слово *tea*: *tea-bag*, *tea-break*, *tea-caddy*, *tea-chest*, *tea cloth*, *tea-cosy*, *teacup*, *tea-party*, *teapot*, *tearoom*, *tea-service*, *tea-set*, *teaspoon*, *teaspoonful*, *tea-strainer*, *tea-things*, *tea-time*, *tea-towel*, *tea-tray* [8, 22].

Изучив вышеприведенные словарные статьи и воспользовавшись уже разработанными методами когнитивного исследования [21], мы можем представить структуру концепта чай следующим образом: ядро концепта репрезентировано словом *tea*. Наглядный образ – напиток из заваренных листьев с соответствующим цветом, вкусом и ароматом, подается в чашке: чашка чаю. Базовый слой включает также такие когнитивные признаки, как сорт чая, особенности приготовления, отвечающие представлениям англичан о правильно заваренном, настоящем чае. К базовому слою примыкают, по нашему мнению, два сегмента. Первый из сегментов может быть объективирован словосочетаниями *afternoon tea*, *high tea*, или *tea-time*, которые выражают прием пищи, наряду с завтраком, обедом, ужином и т.д., во время которого подается чай, второй – *tea-party*, т.е. званый чай, официальный прием, общественное мероприятие. Чай как напиток, т.е. базовый слой, имеет также другие когнитивные уровни, или слои, отражающие дополнительные признаки, возникшие в ходе культурно-исторического процесса. Чай на этих уровнях выступает: а) как лекарственное средство при недомоганиях, стрессах, а также в трудных жизненных ситуациях; б) как знак гостеприимства; в) как возможность пообщаться с друзьями. К интерпретационному полю будут относиться различные конструкции типа *not for all the tea in China*, *tea and sympathy*, *more tea*, *vicar?*, *one's cup of tea* / *not my cup of tea*, etc. Все эти данные о слоях и сегментах концепта чай находят свое подтверждение в литературных источниках.

Например, базовый слой концепта чай, отражающий его основной признак – чай как напиток, заваренный правильно, по представлению англичан, просматривается в следующих примерах: (1) He had found the sugar and raided it unmercifully; and the tea that Ethel Neumann began to sip gratefully fulfilled all the conditions: it was boiling hot: so strong you could have trotted a mouse across it; and as sweet as syrup (Meynell. The Man No One Knew). (2) ... he took a mouthful of tea and nearly spat it out. 'What the

hell is this?' – 'PG Tips', I stammered. – 'I drink Earl Grey tea. I like the tea bag strained for three minutes, no milk, one sugar.' (Wright. *Olivia's Bliss*). (3) As I left the office with my arms piled with papers, I was sure I saw a hint of a smile on his face [...] In revenge I strained his tea bag for ten minutes until it looked like black coffee but he didn't say a word much too engrossed in his papers to even notice. Huh (*ibid.*).

В примере (1) мы видим, каким должен быть чай, чтобы он соответствовал всем предъявленным требованиям: очень горячим, крепким и сладким. В примере (2) сэр Генри Колдуэлл, известный писатель, объясняет Оливии, своему секретарю, какой он предпочитает пить чай. Несмотря на то, что он пьет чай из пакетиков, не соблюдая таким образом традиционный ритуал приготовления напитка, он настаивает на том, чтобы ему подавали Earl Grey, а не PG Tips. Первый представляет собой один из самых популярных не только в Британии, но во всем мире сортов чая – смесь цейлонского и индийского, ароматизированного маслом бергамота; второй – это крепкий, но более дешевый чай, его обычно подают с молоком. Сэр Колдуэлл же предпочитает не очень сладкий чай без молока. В примере (3) Оливия, получив слишком большое рабочее задание, по-детски пытается отомстить своему шефу. Она заваривает чай в течение 10 минут вместо трех, рекомендованных начальником. Впрочем, углубленный в свою работу писатель делает вид, что этого не замечает.

Представленные ниже примеры показывают, что крепко заваренный и поданный в нужный момент чай (a nice cup of tea) считается лекарственным средством при стрессах в разнообразных тяжелых жизненных ситуациях.

(4) Geoffrey had knocked about enough to know that in a real emergency what suffering humanity wants is not brandy, whiskey, champagne or alcohol of any kind, but tea. Hot, sweet tea (*Meynell. The Man No One Knew*). (5) I'll be all right now. That tea did me a lot of good (*ibid.*). (6) She then returned to the kitchen [...] and was much relieved to find the kettle actually boiling. In every crisis of life Bertha had a specific against all ills – a cup of strong tea (*ibid.*).

Следующим когнитивным слоем концепта *чай* мы считаем чай как символ гостеприимства, хорошего отношения (offer a cuppa, make smb. a cup of tea, etc.): Напр.: (7) He insisted on Oliver's coming into the kitchen and drinking a cup of tea (*Meynell. The Man No One Knew*). (8) Then the door swung open and there stood Sir C. To my amazement he beckoned me in, asking if I was okay, his face full of remorse. He took me into his office, sat me down and then – and I really couldn't believe this one – he actually made me a cup of tea. For some reason the kindness of this gesture made me want to burst into tears (*Wright. Olivia's Bliss*).

Вне зависимости от ситуации общения и статуса участников, предложение чашки чая является символом расположения к человеку. В примере (7) хозяин дома приглашает своего гостя на кухню выпить чаю. В примере (8) сэр Колдуэлл, понимая, что обидел своего секретаря, приглашает Оливию в кабинет и сам готовит ей чай в знак примирения.

Слово *чай* служит также для репрезентации общения с друзьями, знакомыми людьми, возможности поговорить, хорошо провести время. Напр.: (9) The sound of a door shutting came faintly up the stairs. 'Who's that?' the girl asked. – 'Only my wife coming in. She's been out at a café having tea.' (*Meynell. The Man No One Knew*). (10) It was she who said that she was about to go into the Cosy Café for a cup of tea, and suggested that they might do it together (*ibid.*).

Чай как возможность встретиться с кем-либо, например в кафе, позволяет сохранять качество общения, но при этом не навязывает ответного визита, экономит время на приготовления к приему гостей, на уборку, позволяет просто «выйти в люди». При желании, конечно, можно пригласить людей к себе домой, напр.: (11) His father and Aunt Millie were invited to tea in a neighbouring parish, a visit he was excused, since their hosts had no children (*Fowles. Daniel Martin*).

Сегмент *чай как общественное мероприятие* вербализируется сложным существительным «tea-party» со значением 'званный чай', посвященный официальному или благотворительному событию. Напр.: (12) Those previous Easter holidays he had met Nancy only one – and in the far from erotic settings of a Mother's Union tea-party at the Vicarage... (*Fowles. Daniel Martin*).

Другой когнитивный сегмент *чай как прием пищи* тоже находит свое отражение в английской литературе: (13) Many a time I have shared between two claimants the precious morsel of brown bread distributed at tea-time... (*Brontë. Jane Eyre*). (14) Ere the half-hour ended, five o'clock struck; school was dismissed, and all were gone into refectory to tea (*ibid.*).

Проведенный анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод, что в слове *чай* вербализирована сложная ментальная структура, охватывающая все стороны жизни англичан. Это символ, существующий на уровне обыденного сознания и соединяющий в себе важные черты английской культуры. Чай – это не просто настой из листьев, привезенных из теплых стран Востока, не только возможность утолить голод и побороть чувство слабости, возникшее в течение трудового дня. Это один из ритуалов, традиций, которыми так дорожат англичане. Чай – это возможность встретиться с друзьями или оказать гостеприимство в своем доме, показать свое доброжелательное отношение

к человеку. Чай – это средство от жизненных невзгод, доступное всем слоям населения практически в любой момент времени. Он оказывает если не медицинское, то, несомненно, благоприятное психологическое воздействие в стрессовой ситуации, вызывает чувство комфорта и душевного равновесия. Званный чай как общественное мероприятие объединяет людей разных социальных слоев, разных областей деятельности ради какой-то одной цели (помощь хосписам, поддержка Союза матерей, празднование дня коронации монарха и т.д.).

Учитывая все вышеизложенное, трудно не согласиться с теми людьми, которые предлагают чай в качестве символа Англии.

Учитывая тот факт, что количество символов иконического типа, т.е. символов, вызывающих особо положительные эмоции, в каждой культуре велико, каждое слово, объективирующее ментальную организацию символического восприятия действительности, несомненно, нуждается в специальном рассмотрении методами когнитивного анализа.

Литература

1. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск, 2002.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
4. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М., 2001.
5. Новейший философский словарь. Минск, 2003.
6. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1993.
7. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / Ж. Кассу, П. Брюнель, Ф. Клодон и др. / Науч. ред. и авт. послесл. В.М. Толмачёв. Пер. с фр. М., 1999.
8. Summers D. Longman Dictionary of English Language and Culture. L., 2000.
9. Khandpur S. Let Us Know India. Bombay, 1981. Vol. 9.
10. The Hutchinson Encyclopedia. Oxford, 1996.
11. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с англ. М., 1996.
12. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. Минск, 2002.
13. Oxford Illustrated Dictionary. Oxford Univ. Press, 1998.
14. <http://en.wikipedia.org/wiki/Icon>; http://en.wikipedia.org/Category:British_cultural_icons
15. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/England/3785155.stm>
16. Сатина В.Ф. Читаем и говорим о Британии и британцах. Минск, 1997.
17. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/3662331.stm>
18. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии. Тамбов, 2000.
19. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании / Философские науки, 2001, № 1.
20. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004.
21. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта: Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
22. Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. M., 1983.

Н.А. Резникова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Томский государственный педагогический университет

Борьба за власть как главный мотив политической деятельности не мыслима в отрыве от политической коммуникации. Коммуникация является основой управления государством, «главным механизмом, посредством которого реализуется власть в обществе» (цит. Г. Лассуэла по: [1, с. 3]). Борьба за власть в современных демократических обще-

ствах предполагает привлечение на сторону политических деятелей определенной части электората. Успех политиков во многом зависит от того, насколько убедительно прозвучало их выступление. Несомненно, стройность речи, логичность и последовательность изложения играют немаловажную роль. Но, пожалуй, большую значимость для мас-

совой аудитории приобретает эмоциональное выступление, способное «разжечь пламя» в душах слушателей, увлечь и повести за собой.

Арсенал средств воздействия, находящийся на вооружении политических деятелей, поистине неисчерпаем. Не пренебрегают политики значимостью жестов, мимики, внешних атрибутов. Однако политическое выступление – это, в первую очередь, вербальное действие, предполагающее владение искусством красноречия, искусством устного слова. Данный факт определяет важность тщательного отбора лексического материала, поиска точного, меткого, оптимального для данной ситуации слова.

Особая система средств выражения политической идеологии, волеизъявления и убеждения, сложившаяся в политической коммуникации, получила в лингвистической литературе название «политический язык». Однозначное понимание данного термина окончательно не сложилось. Более того, не все лингвисты признают правомерность его введения в понятийный аппарат. Мнения ученых сходятся в том, что политика является специальной областью и имеет свой специальный словарь. Однако, по мнению Г.М. Фадеевой, понятие «специальный язык» гораздо шире понятия «специальный словарь», поскольку не ограничивается специальной лексикой, а включает также синтаксические особенности. Следовательно, использование термина «политический язык» не оправдано [2, с. 2].

О.И. Воробьева, признавая условность термина «политический язык», считает, что его выделение обусловлено спецификой коммуникативного воздействия, определенными функциями и своеобразным тезаурусом. «Политический язык» представляет собой, по мнению автора, «специфически своеобразную кодовую систему» [3, с. 3–7]. Принимая во внимание все аргументы «за» и «против» использования термина «политический язык», мы считаем, что данный термин может быть избран в качестве рабочего термина для обозначения особой системы лексических средств, используемой в политической коммуникации, которая формирует соответствующий словарь.

Словарный состав политических выступлений можно условно разделить на две группы. Первую группу составляет собственно политическая лексика. Ко второй группе относится общеупотребительная лексика. Подходы к изучению общеупотребительной лексики могут быть различны и достаточно обширны. При анализе политических речей можно рассмотреть, например, использование автором эмотивной лексики, элементов разговорной лексики, средств образности, экспрессивной фразеологии и многое другое. В данной работе мы бы хотели затронуть лишь часть этого огромного лексического материала. Целью нашей работы является

анализ семантической структуры и классификация собственно политической лексики.

О.И. Воробьева предлагает именовать единицы политического языка, содержащие в своей семантической структуре политический компонент значения, политемами. Политемы называют понятия, связанные с ролью человека в обществе, государстве, в современном ему мире. Данные слова в своих основных значениях в денотативной структуре содержат доминантный компонент политической коммуникации. Классификация политической лексики, основанная на семантике политем, т.е. на изучении доминантных признаков, по мнению автора, достаточно затруднительна [3, с. 3–14].

Основу политем составляют политические термины. Терминология политического языка, как и терминология любой другой области знаний, служит средством общения специалистов и выражает различные понятия. В отличие же от большинства терминов естественных и технических наук, политическая терминология обладает рядом характерных только для нее черт. Во-первых, это расплывчатость, неточность наименования, во-вторых, неоднозначное эмоционально-оценочное отношение носителей языка к политическим терминам, тогда как особенность любой научной терминологии заключается в точности и однозначности наименования, отсутствии стилистических и коннотативных элементов. Благодаря тому, что многие политические термины широко употребляются в средствах массовой информации, они хорошо известны большому кругу носителей языка, стали общеупотребительными, что также отличает их от обычной терминологии, известной, как правило, небольшому числу специалистов той или иной области знания.

Ученые обращают внимание на то, что часто трудно разграничить терминологическое и нетерминологическое употребление политем. Очевидно, что термины-политемы функционируют в словарях, учебниках, законодательных актах, программных документах. Когда они становятся единицами текста, в том числе текста политического выступления, их употребление меняется [3, с. 16].

Например, термин «коммунизм» означает «революционный социализм, основанный на теории философов Карла Маркса и Фридриха Энгельса, выделяющих как доминанту общественную собственность на средства производства и плановую экономику...» [4, с. 420].

В речи американского президента Билла Клинтона термин «коммунизм» сводится лишь «к безвозвратной и необратимой потере свободы», что, конечно же, не соответствует терминологическому пониманию данной политемы:

When I was here, America sought to contain Communism, not to roll it back. Most respected

academics held that once a country «went Communism», the loss of freedom was permanent and irreversible (B. Clinton).

Политическая терминология относительно устойчива, поскольку новые понятия в идеологии возникают достаточно редко. Гораздо чаще происходит расширение или переосмысление содержания уже существующих понятий.

Однако для текстов политических выступлений характерно использование терминов, принадлежащих другим сферам науки, а также человеческой деятельности, поскольку в своих речах политики часто затрагивают те или иные общественно значимые темы. В одном из выступлений американского президента Джорджа Буша, при обсуждении возможной опасности возникновения биотерроризма и его последствий, потребовалось применение особой медицинской терминологии, представленной в виде названий различных болезней: anthrax «сибирская язва», botulinum toxin «ботулизм», Ebola «Эбола», plague «чума», smallpox «оспа» (G. Bush). В этом же выступлении, затрагивая проблему распространения ВИЧ-инфекции и СПИДа, Джордж Буш применил такое медицинское понятие, как *anti-retroviral drugs* «противовирусные препараты, применяемые при лечении ВИЧ и СПИДа»:

Anti-retroviral drugs can extend life for many years (G. Bush).

Кроме политических терминов, в структуре политического языка можно выделить идеологемы «как референты, четко обозначаемые в дефиниционных толкованиях: «политическое сознание», «идеология», «политические идеалы», «духовные ценности» и содержащие в семантической структуре идеологический компонент значения» [3, с. 4]. Необходимо отметить, что граница между первой группой политической лексики (политическими терминами) и данной группой слов-идеологем довольно размыта. С одной стороны, политическая терминология характеризуется связью с определенной идеологией, с другой стороны, частью идеологем являются те или иные политические термины.

Идеологическая направленность слов-идеологем иногда заложена в словарных дефинициях, чаще же идеологические коннотации реализуются в речи, где помимо информации общего характера всегда содержится некая социальная информация. Идеологемы представляют собой термины ориентации, отсылающие к определенному групповому субъекту политики и служащие знаком приверженности политика к определенной идеологии. Употребляя тот или иной термин, политик тем самым обозначает свою принадлежность к определенной партии, идеологии. Таким образом, идеологемы являются знаками интеграции, позволяющими политику заявить «я свой», «я с вами» [5, с. 14].

Главной ценностью современных демократических обществ является свобода. Прилагательное «free» и существительное «freedom» приобретают для граждан и руководителей этих стран идеологизированное значение. Употребление данных слов позволяет политическим деятелям выразить свою приверженность основным принципам демократического государства:

We are fighting for the inalienable right of humankind – black or white, Christian or not, left, right or a million different – to be *free*, *free* to raise a family in love and hope, *free* to earn a living and be rewarded by your efforts, *free* not to bend your knee to any man in fear, *free* to be you so long as being you does not impair the *freedom* of others (T. Blair).

Отличительной чертой терминов-политем и идеологем является их многозначность, отличающаяся от многозначности других слов. Если значение многозначного слова, принадлежащего к другим семантическим полям, эксплицируется в контексте, то значение политической терминологии и идеологизированной лексики довольно часто остается размытым, неопределенным. Т.Б. Крючкова отмечает, что «как правило, даже из достаточно широкого контекста трудно выявить, какой именно смысл вкладывается в слова Freiheit «свобода», Sozialismus «социализм»» [6, с. 100].

Рассмотрим особенности многозначности политической лексики на примере политемы *bureaucracy*. Данная лексическая единица имеет следующие значения:

1 a. a body of nonelective government officials; b. an administrative policy-making group; 2. government characterized by specialization of functions, adherence to fixed rules, and a hierarchy of authority; 3. a system of administration marked by officialism, red tape, and proliferation [7, с. 642–644].

Политема *bureaucracy* встречается в речи американского президента Билла Клинтона. Однако довольно трудно определить, какое из приведенных значений реализуется, например, в следующем контексте:

This New Covenant must begin here in Washington. This new Covenant will literally revolutionize government and fundamentally change its relationship to people. People don't want some top-down *bureaucracy* telling them what to do any more (B. Clinton).

Дэвид Грин считает, что политическая лексика представляет собой абстракцию. Разные люди понимают и воспринимают данные лексические единицы по-разному в зависимости от времени и места их употребления. Более того, такие слова могут одновременно вызывать несколько, а порой даже несколько взаимно противоречащих образов [8, с. 2]. Возникновение многозначности политем и идеологем может быть обусловлено идеологической диф-

ференциацией языкового коллектива, когда то или иное идеологизированное значение слова связывают с определенной группой носителей языка, учитывая их идеологические взгляды, ценности и идеалы.

Следующей составляющей политического языка являются референтные знаки (Е.И. Шейгал) или социологемы (О.И. Воробьева) – термины и номенклатурные названия федеральной и местной системы политического управления обществом, репрезентирующие понятийное поле «государственный аппарат»: государственно-исполнительная власть, социально-политические институты и их структуру [3, с. 4]. Обозначения номенклатурного типа выполняют референциальную функцию, называя понятия, важные для общественной жизни, отражая особенности социального устройства, присущие государствам с различными политическими структурами.

В ходе анализа политических выступлений американского президента Джорджа Буша мы обнаружили социологемы, репрезентирующие различные политические должности (President, Vice president, Secretary of State, etc.), важные для американского политического сознания документы (Bill of Rights, The Civil Rights Act, etc.) и, наконец, названия различных департаментов и политических организаций, участвующих в управлении государством и его защите (Congress, The Department of Homeland Security, the FBI, CIA, Department of Defense, Treasury, etc.).

Представители различных идеологий могут по-разному оценивать данные референтные знаки, в связи с чем Т.Б. Крючкова называет данные знаки идеологически значимыми, добавляя, что в наименованиях партий, общественных организаций и т.п. идеологическая релевантность выражается достаточно эксплицитно вне зависимости от контекста [6, с. 16]. Данная группа политической лексики относительно стабильна, ее подвижность, главным образом, связана с изменениями, происходящими в политическом устройстве государства. При появлении новых учреждений и инстанций, соответственно, возникает необходимость в новых наименованиях, и, наоборот, при исчезновении каких-либо партий, организаций перестают существовать слова, их обозначающие.

Референтным знакам (или социологемам) противопоставляются по коннотативной маркированности политические аффективы. Такие слова, как *freedom, justice, independence, social progress, compassion*, как правило, коннотативно нагружены, обладают магией коллективных эмоций. Политические аффективы часто используются в качестве слов-лозунгов и ключевых слов политических текстов [5, с. 14]. Экспрессивную и эмотивную конно-

тацию данные слова, в том числе политемы и идеологемы, получают как в определенном политическом контексте, включающем говорящего и слушающего, их принадлежность к определенной идеологии и культуре, политическую ситуацию в стране и мире, так и в контексте стилистическом.

Говоря о таких мировых событиях, как свержение Берлинской стены, распаде СССР, американский президент Билл Клинтон употребляет в своем выступлении клише «революционные времена», которое приобретает в устах оратора эмотивные и экспрессивные коннотации. Это обусловлено особым политическим контекстом, а именно – принадлежностью говорящего и слушающих к американской культуре. Стремление к переменам является одной из ценностей американского общества. Любые изменения рассматриваются представителями данной культуры как позитивные явления, ведущие к развитию, прогрессу, росту, улучшению [9, с. 6]. Понятие «революция» связано с понятием «перемены», что способствует появлению у фразы «revolutionary times» эмотивных и экспрессивных, а также оценочных элементов:

You are living in *revolutionary times* (B. Clinton).

Стилистический прием обманутого ожидания, состоящий в нарушении непрерывности, линейности речи путем введения непредсказуемой информации, переводит в следующем примере идеологему *freedom* (свобода) в разряд аффективов:

And as we and our coalition partners are doing in Afganistan, we will bring to the Iraqi people food and medicine and supplies – and *freedom* (G. Bush).

Очевидно, что выделенные слова эмоционально и экспрессивно заряжены, обладают высокой прагматической энергией и силой.

Промежуточное положение между собственно политической лексикой и лексикой общеупотребительной занимают так называемые инвективы-ярлыки. В качестве ярлыков традиционно используются неполитические пейоративы (предатели и мародеры), этнонимы (нерусские, кавказцы) и антропонимы (Чубайсы, Шахраи), а также политические термины (фашист, экстремист, патриот) [5, с. 14]. В подобных словах присутствует разрыв между понятием и явлением, обозначенным этим словом, в связи с частым и далеко не всегда мотивированным употреблением ярлыков. Политические инвективы-ярлыки представляют собой шаблонные прозвища, наименования кого-либо, не обязательно отражающие содержание названного лица или предмета.

В анализируемых работах нами было выявлено лишь несколько примеров ярлыков. Высшая политическая элита Америки и Великобритании крайне осторожна в навешивании ярлыков на своих оппонентов.

We've got to rebuild our political life together before *demagogues* and *racists* and those who pander to the worst in us bring this country down (B. Clinton).

В данном примере в качестве ярлыков выступают политический термин *racists* и пейоратив *demagogues*. В следующем отрывке слово-ярлык *crooks* является неполитическим пейоративом, при этом аббревиатура S&L представляет собой название компании:

S&L *crooks* stole billions of dollars in other people's money (B. Clinton).

Характеризуя Саддама Хусейна, Джордж Буш называет его диктатором:

The *dictator* of Iraq is not disarming (G. Bush).

Слова-ярлыки служат цели дискредитации политического противника, умаления его значимости и заслуг. Как правило, в семантической структуре таких слов присутствует ярко выраженная негативная оценочность, служащая созданию крайне агрессивной атмосферы и моделированию в сознании слушателя «образа врага». Подобные наименования навязывают человеку, их употребляющему, определенную позицию, и в то же время с их помощью ораторское суждение приобретает характер окончательного, не подлежащего переосмыслению и обсуждению.

Например, британский премьер-министр Тони Блэр и американский президент Джордж Буш называют людей, недовольных свержением правительства Саддама Хусейна, террористами (*terrorists*) или экстремистами (*extremists*). Использование именно этих ярлыков порождает в сознании аудитории образ бандитов и врагов, поэтому многие слушатели даже не допускают мысли о том, что эти люди могут являться защитниками своего Отечества.

Обилие и разнообразие в употреблении слов-ярлыков чаще наблюдается в случаях политического накала, обострения политических проблем, возникновения кризисных ситуаций. Например, в России в 90-х гг. выступления политиков пестрели различными ярлыками, демонстрируя крайне напряженные отношения между представителями разных партий и ветвей власти. При этом фантазия и воображение политиков того времени отличались незаурядностью. Современные требования политкорректности, получившей большое распространение в условиях американской и британской политической коммуникации, удерживают политических деятелей Америки и Великобритании от частой, резкой и не всегда обоснованной критики своих политических противников.

В политической коммуникации оценочность играет важнейшую роль. Критерием оценки выступает идеологическая позиция субъекта речи. Объектом политической оценки может стать лю-

бое явление, относящееся к политической жизни, однако чаще подвергаются оценке какой-либо политический лидер, его идеологическая позиция и деятельность, а также партия, блок и т.д. Как правило, политические выступления направлены не на передачу фактов, сведений, некой информации, а на передачу оценки. Политики заинтересованы в том, чтобы представить свое общественно-политическое устройство, организацию государственных институтов, систему ценностей как положительные, а идеологического противника – как отрицательные [10, с. 17]. Политическая лексика, являясь главным образом безоценочной, не содержащей коннотацию оценки в семантической структуре, приобретает позитивную или негативную оценочность в определенном политическом контексте.

Лексема *regime* имеет следующие значения: *mode of rule or management; form of government; period of rule*. Ни одно из этих значений не содержит оценочную сему. В следующей реплике из выступления британского премьер-министра Тони Блэра эта лексическая единица в окружении таких узусально оценочных слов, как *shackle* (заковывать в кандалы, стеснять, сеплять), *brutal* (жестокий, зверский), *victim* (жертва), приобретает коннотацию негативной оценки:

And how risible would be the claims that these were wars on Muslims if the world could see these Muslim nations still Muslim, but with some hope for the future, not shackled by brutal *regimes* whose principal victims were the very Muslims they pretended to protect? (T. Blair).

Итак, анализ политической лексики показал, что ее основным признаком является связь с идеологией. В рамках данной группы можно выделить политические термины, идеологемы, социологемы, политические аффективы и ярлыки. Политическая терминология отлична от любых других терминологических систем, так как часто политические термины в речах политиков обрастают различными коннотациями: эмотивными, экспрессивными, оценочными. Большая часть собственно политической лексики общеизвестна, в связи с чем достаточно трудно разграничить ее терминологическое и нетерминологическое употребление. Кроме того, для данных лексических единиц характерна многозначность, состоящая в том, что значения идеологем и политем остаются расплывчатыми и неточными даже в развернутом контексте. Быстрое развитие социально-политической структуры, смена руководства стран приводят к изменению политической лексики. В условиях относительно стабильной политической ситуации политическая лексика, как правило, кардинально не меняется, происходит лишь расширение значений понятий, обозначаемых

политемами. Постоянное стремление политических деятелей дать оценку каким-либо реалиям политической жизни способствует тому,

что лексические единицы политического языка, являясь безоценочными в языке, становятся оценочными в речи.

Используемые тексты

1. Clinton B. The New Covenant: Responsibility and Rebuilding the American Community. October 23, 1991.
2. Bush G. State of the Union. January 28, 2003.
3. Blair T. Speech to Congress. July 17, 2003.

Литература

1. Сабитов Р.А. Политический анализ теории коммуникативного процесса Г. Лассуэла и его роль в формировании информационной политики. Краснодар, 1999.
2. Фадеева Г.М. Лингвостилистическая характеристика некоторых особенностей лексической системы политических речей. На материале выступлений К. Либкнехта. М., 1977.
3. Воробьева О.И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи: Моногр. Архангельск, 2000.
4. Краткий энциклопедический словарь. М, 2001.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
6. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.
7. The New Encyclopedia Britannica.V.2. Chicago, 1994.
8. Green D. Shaping political consciousness. The language of politics in America from McKinley to Reagan. Cornell University Press 1987.
9. Jason K., Posner H. Explorations in American culture: reading for critical thinking, writing and discussion. Boston, 1995.
10. Живулин В.П. Становление общественно-политической лексики США в сфере государственного управления в XVII–XX веках: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

А.П. Овчинникова

СИНОНИМИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ FRESH И NEW)

Томский государственный педагогический университет

Синонимия является одним из основных способов уменьшения полисемии (многозначности слов), а также «регулирует поток заимствований и новообразований таким путем, что одни из них закрепляются в качестве синонимов в системе языка, а другие оттесняются на его периферию» [1, с. 6]. Можно сказать, что при помощи синонимии осуществляется так называемое «равновесие языка» [1].

«Синонимы являются основными одноструктурными средствами номинации в числе имеющихся в арсенале языка альтернативных вариантов описания объектов с тождественными или однотипными характеристиками. Термин «одноструктурные» в отличие от «разноструктурных» средств номинации предполагает отнесение слов, участвующих в процессе номинации, к одной и той же части речи. Убедительной иллюстрацией синонимов в качестве одноструктурных единиц номинации может послужить любой синонимичный ряд» [2, с. 68]. Отличительной чертой синонимов является

их дуалистическая природа. Другими словами, в семантической структуре синонимов содержатся, наряду с отличительными признаками, также и сходные. В данной работе актуальными являются именно отличительные признаки. Они играют важную роль в выборе того или иного синонима для выделения элементов, значимых для говорящего или слушающего в конкретном контекстуальном окружении, при определенной ситуации. В свою очередь цель данного теоретического исследования состоит в выявлении семантических различий двух синонимичных прилагательных.

Семантическая близость синонимов-прилагательных проявляется в том, что они имеют в своих лексико-семантических вариантах общий лексико-семантический признак. Под последним понимается «совокупность тех семантических компонентов лексико-семантических вариантов, которые объединяют прилагательные в синонимический ряд» [3, с. 7]. Существуют различные понимания терми-

на «синоним». Синонимы – слова с идентичными значениями (Миттеран, Совано, К.В. Архангельская и др.). Синонимы – это слова со сходным значением, отличающиеся друг от друга оттенками значения (А.Н. Гвоздев, И.Р. Гальперин, М. Тревис и др.). «Синонимами называются слова, имеющие в своей смысловой структуре одно или несколько значений с единым или близким предметно-логическим содержанием» [4, с. 190–191]. Синонимами являются «равнозвучащие слова, относящиеся к одному понятию, в семантической структуре которых представлен общий лексико-семантический признак и которые отличаются друг от друга стилистической окраской, частотностью потребления и сочетаемостью» [3, с. 36].

Происходит также деление синонимов на «абсолютные» («чистые») (Ю.Д. Апресян, С. Ульман) и относительные (частичные). «Чистые» синонимы тождественны по значению и взаимозаменяемы в любом контексте. Они обнаруживаются, как правило, в научной терминологии и могут существовать только какое-то определенное время, по истечении которого один из синонимов вытесняет из употребления другой или приобретает отличительные признаки. В то время как относительные синонимы взаимно дополняются и уточняются, а также отличаются друг от друга присущими только им дифференциальными признаками.

Для определения конкретных прилагательных как синонимов исследователи выделяют разные признаки. Так, например, Ш. Балли указывает на два [5, с. 169]:

- возможность заменять одно слово другим в данном контексте;
- возможность заменить в контексте логический антоним одного слова другим антонимом.

Однако данные признаки применимы не к каждому контексту. Как нам кажется, критерием синонимичности является принадлежность слов к одному понятию (Р.А. Будагов, Т.В. Комианский и др.).

В данной работе мы предлагаем рассмотреть в качестве примера синонимичные отношения двух английских прилагательных *fresh* и *new* в свете когнитивного подхода. «Когнитивный» означает «ментальный», «относящийся к постижению мира умом человека». Как отмечает А.А. Кибрик, «когнитивный подход к языку – убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [6, с. 126]. В свою очередь когнитивный подход к изучению лексики предполагает, прежде всего, семантический анализ лексических единиц, то есть в центре внимания когнитивной науки, а именно когнитивной семантики, оказывается лексическое значение.

Основными понятиями относительно молодой, недавно зародившейся науки – когнитивной семантики – являются такие, как концептуализация, категоризация и концепт. «И концептуализация, и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему конечному результату и/или цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [7]. Другими словами, «концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов), например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д.» [8, с. 22]. Необходимо отметить, что эти концепты закреплены значениями определенных слов. С их помощью человек может использовать информацию, хранить ее и передавать другим. В то время как «категоризация – это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов). Вместе с тем категоризация как познавательный процесс – это и мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией» [8, с. 23]. Важным аспектом здесь является тот факт, что наша память не в состоянии хранить абсолютно все характеристики какого-либо предмета. Поэтому, например, слово «цветок» включает в себя целую категорию, внутри которой существуют определенные одинаковые характеристики, а также и различия, которые выделяют каждого члена данной категории.

В процессе категоризации человек оперирует концептами, которые возникают благодаря его способности выделять устойчивые, типичные признаки явлений и группировать их. Концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор к ее толкованию. Концепты расположены в сознании человека во взаимосвязи друг с другом, таким образом, одни из концептов попадают под влияние других, другие входят в содержание более сложных концептов. Так как концепт неразрывен с нашим мышлением, а оно постоянно меняется, то можно сказать, что и концептуальная система тоже постоянно варьируется. Категория концепта обнаруживается в исследованиях философов, логиков и психологов. Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира,

квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [9, с. 93–94].

Концепт культурно-специфичен, обладает набором определенных признаков, которые отличают его от других концептов. В семантическом пространстве каждого языка наборы концептов и их структурная организация своеобразны и неповторимы. Что является важным для одного этноса, оказывается не существенным для другого. Это ведет к образованию разных наборов концептов в концептосфере разных языков. Даже при наличии тождественных контекстов у разных народов в семантическом пространстве их языков эти концепты могут быть по-разному структурированы, объединены по разным признакам.

Формироваться концепты могут на основе чувственного опыта и предметной или мыслительной деятельности. Что касается языка, то он сам по себе здесь не требуется. Язык, а именно лексические средства выражения, нам необходимы для обмена концептами. «Языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта» [10, с. 16]. Если концепт ярко представлен и широко используем в каком-либо языке, то он может иметь различные средства языковой репрезентации: отдельные слова, словосочетания, фразеологические единицы, предложения и даже целые тексты. Однако отсутствие лексической вербализации конкретного концепта в языке не является показателем того, что он не существует в концептосфере этого народа. Это может указывать как на процесс формирования данного концепта, так и на его личностную принадлежность. Последние «выступают своеобразными кирпичиками, элементами в мыслительном процессе» индивида, «из них складываются комплексные концептуальные картины в процессе мышления» [10, с. 14]. Этот тип концептов может иметь языковую объективацию, а может и не иметь ее.

Английские прилагательные *fresh* и *new* являются основными способами языковой репрезентации соответствующих концептов «свежесть» и «новизна». Поскольку концепт не является жестко структурированной организацией и не имеет четких границ, он может взаимодействовать с другими концептами посредством лексических способов его вербализации (в нашем случае таковыми являются прилагательные *fresh* и *new*). Так, например, концепт «свежесть» при определенном контекстуальном окружении может быть репрезентирован при помощи прилагательного *new* в одном из его вторичных и переносных значений. В связи с тем, что вышеупомянутая адъективная единица одновременно является одним из способов выражения концепта «новизна», в данном конкретном случае можно говорить о взаимодействии двух концептов.

В свою очередь подобное взаимодействие концептов приобретает языковую репрезентацию посредством синонимичных отношений прилагательных.

По чисто лингвистическому определению синонимы в своих основных значениях указывают на одно понятие, однако английские прилагательные *fresh* и *new* по своей первичной функции (исходному значению) не являются таковыми [11]. В своих исходных значениях они обозначают разные понятия: «новый» – «ранее не существовавший» и «свежий» – «незатхлый, неиспорченный». Необходимо отметить, что в данной работе под основным (исходным) значением мы понимаем значение слова, которое не зависит от контекстуального окружения и цели высказывания. Это значение ассоциируется со словом в его изолированном положении. Остальные значения, входящие в семантическую структуру конкретного слова, определяются как производные (вторичные, номинативно-производные) и переносные (метафорические) значения. Каждое значение, в свою очередь, делится на семы – неделимые, элементарные смысловые компоненты содержательной стороны значения слова. Вслед за А.Н. Шраммом мы различаем семы актуальные, т.е. реально присутствующие в структуре значения, и потенциальные, не входящие в структуру лексического значения, но содержащиеся в нашем сознании и способные актуализироваться при определенном контекстуальном окружении [12].

Все производные (вторичные) значения слова связаны с основным значением и между собой, в том числе общим семантическим компонентом, а именно тождественной семой [12]. Что касается переносных, или метафорических, значений, то здесь взаимосвязь может быть обусловлена не только общей семой, входящей в состав основного значения, но и потенциальной семой. Она может возникать «в результате ассоциативных представлений, «подсказываемых» сущностью исходного значения или характером денотата, с которым соотносится исходное значение, и сама становится базой для образования переносного значения» [12, с. 93].

Как показывает дальнейший анализ значений, а также частотности употребления, сочетаемости с различными субстантивами и контекстуального окружения, в которых обнаруживаются данные адъективные единицы, у синонимов существуют области пересечения значений, содержащие общий признак. Однако даже в этом случае они не всегда являются взаимозаменяемыми или тождественными, так как обладают разной стилистической окраской, могут определять существительные с различной семантикой и отличаются частотностью появления в высказываниях (прилагательное *new* употребляется в два раза чаще, чем его синоним *fresh*). Например, в следующем предложении в перенос-

ном значении прилагательного *fresh* выделяется сема, выраженная следующими синонимами: «*additional, more, further*».

She (the ship) was about half a mile out ... Here was a fresh reason for delay, for surely one must consider what this craft could be, and what had brought her here (Falkner. Moonfleet, p. 41).

Объект оценивается автором как «еще один, дополнительный». Однако тот факт, что данный субстантив определяется метафорическим эпитетом *fresh*, а не соответствующим синонимичным прилагательным *additional*, например, указывает на наличие качественных характеристик, которые могут быть выражены только при помощи этого прилагательного. Так, причина может отличаться от предыдущих своей новизной, оригинальностью, сложностью, а также имеет временной показатель, другими словами, появилась только что, совсем недавно и т.п. В данном значении метафорического эпитета мы можем выделить признаки концепта «дополнительность», которые отражаются при помощи семы, включенной в это значение и идентифицированной при помощи слова «*additional*».

Подобный состав сем обнаруживается в одном из метафорических значений и прилагательного *new*, как, например:

A silver tray was on the drum table bearing a new bottle of Remy Martin cognac, sealed, and two brandy snifters (Sanders. The Tenth Commandment, p. 51).

В данном случае стакан определяется как «еще один, дополнительный к тем, которые были». Однако помимо признака «дополнительности» прилагательное *new* выражает также признак «новизны», что и отличает его от соответствующего синонима *additional*. Как и в случае использования метафорического эпитета *fresh* в этом значении, *new* указывает на то, что бутылка качественно отличается (она еще закупорена, из нее еще никто не пил и т.п.) от тех, которые уже были до нее. В свою очередь различие между этими двумя метафорическими эпитетами состоит в том, что *fresh* имеет ограниченный временной показатель, в то время как *new* может определять объект как «новый» и по прошествии какого-то периода времени. Как мы видим, посредством этого метафорического значения прилагательного *new* осуществляется также актуализация признаков концепта «дополнительность», что указывает на наличие взаимосвязи последнего с концептом «новизна», основным способом вербализации которого и является данная адъективная единица.

Как показывает анализ языкового материала, пересечение значений у данных синонимов происходит большей частью посредством метафорического переноса. При взаимодействии двух концептов «свежесть» и «новизна» адъективные единицы,

посредством которых это взаимодействие вербализуется, вступают в синонимичные отношения. При этом если одно из них является языковой репрезентацией определенного концепта в своем основном значении, то другое употребляется, как правило, в метафорическом значении для объективации этого же концепта. Так, например, в следующем предложении в сочетании с субстантивом *experience* в значении прилагательного *fresh* проявляется сема, выраженная синонимами «*new, novel, not knowing or existing before*».

Each day, each film, each location will bring fresh, stimulating experience (Marchak, Hunter. The Super Secs, p. 280).

Наличие данной семы, содержащейся и в исходном значении синонима *new*, указывает на тот факт, что концепт «свежесть» посредством данного значения прилагательного *fresh*, как одного из основных средств его вербализации, идентифицирует в своей структуре признаки концепта «новизна», актуализация которых возможна только при определенных контекстуальных условиях. В свою очередь прилагательное *new*, как одно из способов языковой репрезентации концепта «новизна», может быть основой для проявления в структуре последнего признаков концепта «свежесть», как, например, в следующем предложении:

The food at lunch has been as follows: ... tomato salad, watercress, new potatoes, rye bread with caraway seeds ... (Murdoch. The Philosopher's Pupil, p. 335).

В данном случае картофель оценивается как «новый» в значении «недавно выросший, свежий». Примечательно, что в русском языке такого рода картофель определяется как «молодой», что указывает, как нам кажется, на актуализацию признаков концепта «молодость». Однако в английском языке в данном случае обнаруживается взаимосвязь концептов «новизна» и «свежесть». Здесь у объектов актуализируются такие же признаки, как и в случае определения их прилагательным *fresh*, а именно: внешний вид, запах, цвет, вкус, консистенция. Как известно, прилагательное *fresh* может выражать только некую норму свежести. Если необходимо подчеркнуть свежесть выше этой нормы, то здесь используются разного рода «усилители». В качестве одного из таких усилителей может выступать прилагательное *new*, употребляемое в метафорическом значении. Следовательно, в значениях синонимичных адъективных единиц существует общая сема, которая может быть идентифицирована при помощи слов «*fresh, not stale*», что и указывает на существование области пересечения значений вышеупомянутых прилагательных. Отсюда также следует, что концепт «новизна» содержит в своей структуре признаки концепта «свежесть».

Примечательным является тот факт, что прилагательные в своих исходных значениях определяют разные классы субстантивов:

– прилагательное *fresh* – существительные, обозначающие продукты питания, предметы одежды, кухонные и постельные принадлежности и элементы природной стихии;

– прилагательное *new* – существительные, обозначающие объекты эпистемической сферы (т.е. абстрактные понятия, как, например, *event*, *resolution*, *decision* и т.п.) и конкретные объекты (артефакты, природные элементы).

Однако при употреблении в переносном значении прилагательное определяет именно те группы, которые присущи его синониму в этом основном или даже производном значении. Так, например, в последнем предложении обнаруживается сочетание *new potatoes*, однако анализ языкового материала показывает, что данная адъективная единица в своем исходном или вторичном значении не определяет субстантивы, обозначающие продукты питания. В то время как это характерно для его синонима *fresh*. И наоборот.

Необходимо также отметить, что посредством синонимов одновременно могут актуализироваться разные аспекты конкретного концепта. Другими словами, каждое прилагательное выражает определенную часть информации одного и того же концепта. Например, в следующем предложении в значении метафорического эпитета *new*, в котором содержится сема, которая может быть описана следующим образом: «starting as a repetition of a cycle, series», актуализируются признаки концепта «молодость».

A silver crescent of a *new moon* hung high in the sky ... (Healey. *Summer Storm*, p. 113).

В данном случае у объекта выявляются такие признаки, как цикличность, способность возрождаться или начинаться заново, однако уже качественно отличаясь от предыдущего. Так, луна имеет несколько стадий развития, и с каждой стадией она изменяется. Здесь, как нам кажется, также проявляется признак темпоральности. Поскольку стадии развития занимают конкретное время (а именно месяц), то мы можем определить луну на первой стадии как «молодую», а уже на последней (в конце месяца) – как «старую». Подобное обнаруживается и в словосочетании *new generation*. Так, если поколение только начало развиваться или только появилось, оно определяется как «молодое», в свою очередь то поколение, которое существует долгое время, является уже «старым».

Наряду с проявлением признаков другого концепта в данном переносном значении прилагательного *new* обнаруживается семантический компонент, объединяющий его с одним из производных

значений адъективной единицы, а именно: какой-то объект, отличающийся от себе подобного и появившийся недавно, является «новым». Следовательно, в качестве тождественной семы производного и метафорического значений можно выделить следующую: «designating the more or most recent of two or more things of the same class».

В то же время в семантической структуре метафорического эпитета *fresh* при определении субстантивов, обозначающих физическое и эмоциональное состояние человека, актуализируется значение, содержащее сему, которую можно описать синонимами «youthful or healthy in appearance», например:

Lev loved me. I loved him still. But then I had left so ugly and inadequate, and she, *Katrinka*, was so *fresh* ... (Rice. *Violin*, p. 93).

Контекстуальное окружение позволяет нам предположить, что значение метафорического эпитета *fresh* в данном случае содержит сему, идентифицируемую синонимом «young». Что, в свою очередь, указывает на взаимосвязь концепта «свежесть», вербализуемого прилагательным *fresh*, и концепта «молодость», который может быть представлен соответствующим прилагательным *young*.

Однако существует также взаимосвязь данного значения адъективной единицы с его исходным (основным) значением на основе общего семантического компонента (общей семы). Однако, как известно, в основе любого процесса метафоризации лежат ассоциации. Под последними в психолингвистике, как правило, подразумевают «связь между некоторыми объектами или явлениями, основанную на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека» [13, с. 189]. В семантике слова существует набор так называемых ассоциативных компонентов, который складывается благодаря нашим знаниям о мире, нашим представлениям о его устройстве [12]. Например, «черный» актуализирует ассоциативный компонент, который может быть выражен словами «траур, печаль, горе» и т.п. Эти ассоциативные компоненты позволяют актуализироваться метафорическим значениям определенной лексической единицы, т.к. они выражают вторичные признаки денотата. Исключением не являются и значения метафорического эпитета *fresh*. Так, молодость подразумевает, как правило, новизну чего-либо, неиспорченность, его «свежесть». Определение конкретного человека как «молодого» включает в себя ряд соответствующих признаков, по которым человек производит суждение. Сюда входит не только возраст, но и такие признаки, как наличие/отсутствие морщин на теле (в частности на лице),

болезней, которые являются характерными для достижения определенного возраста, изменение голоса, походки и т.д. Мы можем производить суждение также и по эмоциональному состоянию человека. Так, молодой человек, как правило, энергичен, полон надежд, планов, идей и т.п.

Как мы уже упоминали выше, определение субстантива (the girl) метафорическим эпитетом fresh не является случайным. Наряду со всеми перечисленными признаками проявляются и другие, актуализация которых необходима не только в конкретной ситуации, а также в соответствии с отношением субъекта (автора высказывания) к объекту. В данном случае можно предположить существование качественной оценки, а также наличие эмоционального аспекта в высказывании. Так, девушка была не просто молодой, по мнению автора, но и качественно отличающейся от какой-либо другой: цветущая, невинная, не испушенная жизнью и т.д. Другими словами, признаки «молодости» усиливаются, подчеркиваются метафорическим эпитетом fresh, приобретают эмоциональную окраску.

Различия в репрезентированной части одного и того же концепта, как нам кажется, обусловлены различиями в семантике субстантивов, определяемых прилагательными fresh и new, а также различными признаками, актуализирующимися при употреблении адъективных единиц.

Итак, в связи с появлением и развитием когнитивной лингвистики, а самое главное ее актуальностью в настоящее время, мы полагаем, что процесс синонимии должен рассматриваться с точки зрения когнитивного аспекта. В отличие от чисто лингвистического подхода когнитивный подход к анализу языковых явлений (в данном случае синонимичных отношений двух английских прилагательных) позволяет рассматривать язык не просто как средство коммуникации, выражения понятий, мыслей и т.п., но и как способ отражения человеческого сознания, мышления. Другими словами, анализ семантической структуры синонимичных прилагательных, вербализующих в своих основных значениях соответствующие концепты, позволяет выявить и описать структуру взаимодействия различных концептов, осуществляемого посредством лексических единиц в их основных, производных и метафорических значениях.

Анализ языкового материала показывает, что посредством относительной (частичной) синонимии происходит взаимодействие концептов, т.е. в структуре одного концепта обнаруживаются при-

знаки другого. Так, у прилагательного fresh в одном из его переносных значений могут актуализироваться семы, содержащиеся в исходном значении синонима new, что представляет собой основу для взаимодействия двух концептов «свежесть» и «новизна», основными способами вербализации которых являются вышеупомянутые прилагательные. В данном случае в структуре концепта «свежесть» проявляются признаки концепта «новизна».

В процессе анализа семантической структуры адъективных единиц обнаруживается также способность репрезентировать признаки других концептов, как, например, признаки концепта «дополнительность». Однако, несмотря на очевидную синонимичность значений прилагательных, их отличает друг от друга признак темпоральности. Другими словами, «свежим» предмет или явление может быть ограниченный, очень короткий период времени, в то время как «новым» объект может оставаться и в течение года, месяца и т.п. Существуют также контексты, в которых синонимы являются способами языковой репрезентации разных «сторон», областей одного и того же концепта, как, например, концепта «молодость».

Необходимо также отметить, что прилагательные в своих основных и производных значениях, как правило, определяют разные классы субстантивов. Однако при переносном использовании любой адъективной единицы она употребляется в качестве атрибутива именно к тем существительным, которые определяются синонимичным прилагательным в своем исходном или вторичных значениях.

Исследованная часть семантической структуры английских синонимов fresh и new является языковой репрезентацией только одной из областей концептуальной системы. Это обусловлено тем фактом, что у любого из этих прилагательных существуют синонимичные отношения с другими лексическими единицами, актуализация которых происходит при определенных контекстуальных окружениях. Следовательно, семантическая структура лексической единицы (слова) представляет собой сложную систему, взаимодействующую с другими похожими системами посредством синонимии. Подобной структурой обладает и концепт, он может также взаимодействовать с другими концептами. Однако необходимо помнить, что концепт – это ментальная единица когнитивной системы, в то время как лексическая единица – это одно из средств вербализации определенной части концептуальной системы.

Литература

1. Карпова К.И. Семантические взаимоотношения синонимов одного ряда: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Рига, 1969.
2. Симонян Т.А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
3. Шамова П.И. Лексико-семантические связи членов синонимического ряда (на материале прилагательных современного французского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.
4. Степанова М.Д., Чернышова И.И. Лексикология немецкого языка. М., 1962.
5. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
6. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. № 5.
7. Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Кубряковой Е.С. М., 1996.
8. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
9. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Кубряковой Е.С. М., 1996.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
11. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
12. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка): Моногр. Л., 1979.
13. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2001.

Н.С. Жукова

СИСТЕМНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ В МОРФОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Томский государственный педагогический университет

«Язык как сложное структурное целое развивается неравномерно. Постоянное движение, в котором находятся его отдельные звенья, уровни, элементы, захватывает далеко не одновременно разные пласты языковой структуры. ...на любом искусственно выделяемом синхронном срезе располагаются хронологически разнородные элементы» [1, с. 77].

Синкретизм и супплетивизм обозначают явления в морфологии языка, которые как бы «говорят» о произошедших или происходящих в его системе изменениях. Явление синкретизма присуще языкам флективно-аналитического типа. Так как язык как средство общения изменяется, оставаясь самим собой, то постепенность перехода ряда функций от морфологии к синтаксису сопровождается существованием на его синхронном срезе синкретичных форм. Супплетивизм, отражающий способ формообразования прежнего состояния языка, распространен в естественных языках и диалектах различных генетических групп [2, с. 7].

Следует, однако, разграничивать синкретизм и омонимию от явлений, имеющих идентичный план выражения, но не играющих такой роли в развитии языковой системы, а именно: синкретизм – от омонимии, супплетивизм – от гетеронимии. Подобное разграничение означает соблюдение системного подхода при анализе лингвистических явлений.

Строгое соблюдение такого подхода особенно необходимо в типологических исследованиях, так

как «общим для типологических исследований, составляющим отличие от сравнительно-исторического языкознания, является сопоставление не отдельных звуков, морфем, словоизменительных форм, а сопоставление относительно целостных систем, известных структурных отношений, более общих или более частных корреляций» [3, с. 48].

Вытекающим из системного подхода, а по существу означающим его последовательное соблюдение, является **учет** того факта, что многие лингвистические понятия по своей природе соотносительные, так как в их основе лежит «идея отношения» [4, с. 7]. Именно это положение об «идее отношения» позволяет показать различную системную соотнесенность рассматриваемых явлений.

Для разграничения синкретизма и омонимии важны следующие факторы:

1) выбор дифференцирующего метода описания морфологических категорий, допускающего разный набор категорий для разных классов слов [5, с. 176];

2) дополнение анализа соответствующих форм при их функционировании в речи анализом этих форм внутри языковой системы;

3) разграничение единиц различных уровней языка и учет их взаимодействия.

Рассмотрение указанных выше морфологических явлений связано с проблемами, которые далеко выходят за рамки данной статьи и являются цент-

ральными проблемами языкознания. Это проблема диалектического единства форм и значения; проблема разграничения языкового и понятийного содержания [6].

С другой стороны, при решении этих проблем необходимо учитывать и рассматриваемые явления. Так, функционируя в речи, синкретичная форма выражает тот же смысл [6, с. 27], что и несинкретичная. Ср.:

Несинкретичные формы	←	Синкретичная форма
(Ich) sage ... → 1-е лицо		(ich)
(Er) sagt ... → 3-е лицо		(er)
		} hatte gesagt

Однако языковое содержание синкретичной и несинкретичных форм различно. Тогда непризнание существования синкретичных форм и интерпретация тождественных форм в микропарадигме как омонимичных означает неразграничение языкового и понятийного содержания. Представление синкретичной формы как двух омонимичных (когда происходит свертывание парадигмы и передача соответствующих функций другим языковым средствам) демонстрирует также непоследовательность в соблюдении принципа единства формы и значения¹. В данном случае синкретичная форма *hatte gesagt* является инвариантом, который в речи представлен своими вариантами. Ее инвариантное значение 'некоторое лицо единственного числа' выступает в речи вариантами, обозначая либо первое (*ich*) *hatte gesagt*, либо третье лицо единственного числа (*er*) *hatte gesagt*.

Неразграничение явлений синкретизма и омонимии связано с тем, что при рассмотрении фонетически тождественных единиц смешиваются единицы различных языковых уровней. В данном случае исследователи анализируют соответствующие словоформы в словосочетаниях, выходя тем самым на уровень синтаксиса. Представляется целесообразным исходить из того, что элементарными единицами морфологического уровня являются морфемы, взаимосвязь и взаимодействие которых должны изучаться в рамках «морфологического слова», которое в свою очередь является конструктивной единицей этого уровня [9, с. 71]. Выход же за пределы конструктивных единиц означает уже не рассмотрение взаимодействия единиц одного уровня, а изучение взаимодействия единиц различных уровней. Именно потому, что синкретичные и омонимичные формы обладают одинаковой взаимосвязью и взаимодействием с единицами синтаксического уровня [10], происходит смешение явлений омонимии и синкретизма и в парадигматике

в случае непоследовательного разграничения единиц различных уровней. При изучении взаимосвязи омонимичных и синкретичных форм с единицами морфологического уровня подобное смешение не имеет места, так как на уровне морфологии омонимичные и синкретичные формы имеют различную взаимосвязь с остальными конструктивными единицами этого уровня².

Синкретизм – это один из случаев неразличения в одних частях системы того, что различается в других частях той же самой системы, то есть когда однородные граммемы, противостоящие друг другу в одной части системы, совмещены в одной граммеме в другой части той же системы. Ср.: «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различения соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития [11, с. 39].

В случае же омонимии две или более словоформы с тождественным планом выражения различаются двумя или более неоднородными граммемами в плане содержания, т.е. омонимия заключается в совпадении в одном элементе выражения двух или более элементов разного, категориального содержания. О членах одной грамматической категории нельзя сказать, что они не связаны друг с другом, так как они находятся в оппозиции и, следовательно, имеют общую основу противопоставления (общее грамматическое значение категории). Поэтому представляется неправомерным интерпретировать тождественные формы в микропарадигме как омонимичные (традиционная точка зрения). В связи с этим автором статьи признается только межпарадигматическая омонимия и отрицается омонимия в микропарадигме, а соответствующие тождественные формы трактуются как явление синкретизма.

Так, случаи совпадения форм типа (*wir*) *sagen* – (*sie*) *sagen* представляют собой пример синкретизма, так как обе формы принадлежат к одной и той же категории и совмещают в укрупненной граммеме лишь один дифференциальный признак плана содержания. Набор дифференциальных признаков этих форм идентичен. Формы типа (*er*) *sagt*/*(ihr)* *sagt* омонимичны, так как они входят в разные частные парадигмы. Первая омоформа входит в микропарадигму единственного числа, вторая – в микропарадигму множественного числа; формы обладают, соответственно, разными категориальными значениями и различаются по двум дифференциальным признакам (лица и числа).

¹ Этот принцип находит в языке более последовательное выражение, чем это иной раз представляется исследователю [7].

² Об остальных положениях, соблюдение которых необходимо для разграничения омонимии и синкретизма, говорилось выше.

Как следует из определений омонимии и синкретизма, рассматриваемые явления объединяет идея отношения, без которой невозможно установить указанные понятия, так как понятия эти по своей природе соотносительные¹. Нельзя, например, сказать, что это омоним о каком-либо отдельно взятом слове или форме слова. Так, О.С. Ахманова пишет об омонимии, что это понятие приобретает смысл, «когда имеется в виду определенный вид соотношения между двумя или несколькими единицами, то есть когда говорят, например, что ключ₁ и ключ₂ – это омонимы» [4, с. 7]. Аналогично и о гетеронимии можно говорить, когда имеются две языковые единицы с различным фонематическим составом корня, с общим категориальным значением и различными дифференциальными признаками. Ср.: «Свойство разнокоренных единиц вступать в системные отношения непосредственно – на основе взаимообусловленности категориального и дифференциальных значений – целесообразно называть гетеронимией» [2, с. 17]. Например:

<i>Омонимия</i>	<i>Гетеронимия</i>
(er) tanzt / (ihr) tanzt	(ich) bin / sei

Соотносительным по своей природе является не только синкретизм, но также супплетивизм, и в этом его сходство с гетеронимией и омонимией. Однако если для установления последних двух понятий достаточно соотнести хотя бы две языковые единицы по определенным свойствам (установить соответствующие отношения между двумя языковыми единицами), то для установления явлений супплетивизма и синкретизма необходимо рассмотреть всю языковую подсистему, к которой принадлежат соответствующие языковые единицы и между которыми определяется характер отношений. Ср.: Под супплетивизмом понимается «свойство разнокоренных единиц вступать в системные отношения опосредованно – через соотнесенность с регулярными рядами разнокоренных единиц [2, с. 17]. Тогда парадигма глагола sein приобретает системный характер не «сама по себе», а на фоне системы других парадигм [8, с. 22]. Например:

Супплетивизм	ФОН
bin / sind	sage / sagen
	komme / kommen

	e / en

Однако разнокоренные единицы могут вступать в системные отношения и без опоры на регулярные ряды однокоренных единиц. Так, корреляция форм первого лица единственного числа индикатива и

императива глагола sein устанавливается непосредственно, без опоры на регулярные ряды глаголов, а на основе тождества их категориального значения (категориальное значение реальности) и различия их дифференциальных значений (дифференциальные значения волеизъявления/неволеизъявления). Следовательно, рассматриваемые формы представляют собой пример гетеронимии. Приведенные примеры супплетивизма и гетеронимии показывают различный системный статус отношений разнокоренных единиц.

Таким образом, можно констатировать, что понятие супплетивизма является понятием с более широкой системной соотнесенностью по сравнению с понятием гетеронимии, так как в первом случае в рассмотрение включается вся соответствующая подсистема. Так, для установления супплетивных форм, в отличие от гетеронимии, недостаточно констатировать, что корреляция определенных разнокоренных единиц устанавливается на основе тождества их категориального значения и различия дифференциальных признаков. Для этого необходимо еще одно условие: наличие регулярных рядов глаголов, то есть в данном случае разнокоренные единицы соотносятся со всеми регулярными глаголами. Именно снятие этого условия приводит к перерождению супплетивизма в гетеронимию, так как системная соотнесенность становится уже. Ср.:

1. (ich) bin / sei
Ср. (ich) sage

2. bin ↔ sei
↙ ↘
регулярные глаголы
gehe / gehen
sage / sagen

Гетеронимия
Устанавливаются отношения между двумя единицами

Супплетивизм
Устанавливаются:
1. Отношения между двумя единицами.
2. Отношения разнокоренных единиц со всей подсистемой, что и отличает 1-е явление от 2-го .

Синкретизм также является лингвистическим понятием с более широкой системной соотнесенностью, чем омонимия. Так, если для установления омонимии достаточно установить отношения хотя бы с двумя языковыми единицами на основании идентичности плана выражения и различия в плане содержания, то для констатации явления синкретизма необходимо (как и при установлении явлений супплетивизма) соотнести анализируемую форму со всей подсистемой, в которую входит синкретичная форма, так как в случае синкретизма глагольных

¹ «Соотносительные понятия создаются, конституируются констатацией того или другого рода отношений между теми или другими элементами» [4, с. 7].

форм имеется неразличение отдельных противопоставлений в частных парадигмах, которые различаются в других частях глагольной системы. Ср.:

	<i>Омонимия</i>	
(du) sagt – (ihr) sagt		устанавливаются соответствующие отношения между двумя языковыми единицами
	<i>Синкретизм</i>	
(wir) sagen ↔ (sie) sagen		неразличение 1-го и 3-го лица множественного числа
		различение 1-го и 3-го лица единственного числа
(wir, sie) sagen	↗ (ich) sage	
	↘ (er) sagt	

В микропарадигме лица формы 1-го и 3-го лица множественного числа признаются синкретичной формой, так как в той же парадигме лица в единственном числе наблюдается четкое различие 1-го и 3-го лица в соответствующих словоформах.

Таким образом, синкретизм и супплетивизм объединяются между собой и противостоят омонимии и гетеронимии как явления с более широкой системной соотнесенностью по сравнению с двумя последними. Необходимым условием существования первых двух является наличие соответствующего фона, который представляет собой глагольную подсистему, то есть необходимо наличие «фона системы», хотя для каждого из анализируемых явлений этот «фон» различен. Так, для установления супплетивизма необходимо количественное преобладание регулярных рядов глаголов по сравнению с разнокоренными единицами. У этого большинства регулярных глаголов соответствующее грамматическое значение (как видно из приведенных выше примеров установления супплетивизма) выражается определенным морфологическим показателем. Другими словами, для выражения этого грамматического значения в языке существует определенная модель. Именно существование такой модели является тем условием, которое необходимо для установления супплетивных форм в парадигме глагола, то есть эта модель является тем *фоном*, благодаря которому происходит различение гетеронимии и супплетивизма. Ср.:

Так как супплетивизм является архаичным, непродуктивным способом образования форм слов, то отсутствие модели для выражения соответствующих грамматических значений свидетельствует о прежнем состоянии языка, в данном случае – о пережиточном способе выражения этих значений.

Для установления синкретизма количественная сторона иррелевантна. Здесь необходимо, чтобы в парадигме глагола, хотя бы в одной его части, различалось то, что не различается в других частях. Например, в микропарадигме лица в единственном числе различаются все три лица, во множественном числе первое и третье лицо совпадают. Ср.:

Единственное число		Множественное число
1. sage	}	sagen (1-е, 3-е лицо = не 2-е лицо)
2. sagst		
3. sagt		

В данном случае имеет место различное выражение соответствующих грамматических значений морфологическими средствами. В единственном числе для выражения этих грамматических значений существует два морфологических показателя (2 модели m_1 и m_2), во множественном числе эти же значения выражаются в синкретичной форме одним показателем (одной моделью M). Эта модель (M) выражает соответствующее значение в более обобщенном виде, так как она совмещает в себе два значения, которые в несинкретичных формах выражаются различными морфологическими показателями, а следовательно, и более конкретно¹. Ср.:

Тогда существование двух моделей с конкретным значением (m_1 , m_2), наряду с обобщенной моделью (M), является тем фоном, без которого невозможно говорить о явлении синкретизма. Выражение определенного категориального значения обобщенной моделью может свидетельствовать о преобразовании прежнего состояния определенной категории (об уменьшении числа членов парадигмы и ее свертывании), что говорит о происходящих в языке изменениях. Исконный синкретизм свидетельствует о нерасчлененности той или иной категории. Например, синкретизм форм времени в системе ирреалиса объясняется молодостью этого наклонения по сравнению с индикативом.

Взаимосвязанными в языковой подсистеме являются также гетеронимия и синкретизм, так как явление гетеронимии в парадигме глагола sein обуславливает существование разрешимого [12, с. 34] (термин предложен Л.С. Ермолаевой) синкретизма

¹ Для конкретизации этого более общего значения необходим контекст.

в парадигме регулярных глаголов. Например, форма первого лица единственного числа реалиса (ich) *gehe*, синкретичная в отношении волеизъявления/неволеизъявления, представляет собой пример разрешимого синкретизма, так как в парадигме глагола *sein* наблюдается явление гетеронимии между соответствующими формами *bin/sein*. Разрушение непосредственной корреляции (исчезновение гетеронимии) приводит к преобразованию разрешимого синкретизма в неразрешимый. Так, например, в древневерхненемецком языке гетеронимия форм *birut/weset* обуславливала существование у регулярных глаголов разрешимого синкретизма (*fraget*, *teilet* и т.д.). В современном немецком языке форма второго лица множественного числа реалиса представляет собой пример неразрешимого синкретизма, так как в парадигме глагола *sein* соответствующее явление гетеронимии более не существует. Ср.:

Древневерхненемецкий	Современный немецкий
<pre> birut / weset \ / / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ fraget (разрешимый синкретизм) </pre>	<pre> seid / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ / \ fragt (неразрешимый синкретизм) </pre>

С другой стороны, различная системная соотношенность омонимии и гетеронимии, синкретизма и супплетивизма свидетельствует о различном статусе этих явлений в процессе развития языка. Существование явлений супплетивизма невозможно без того, чтобы соответствующие значения формообразования выражались регулярными морфологическими показателями у регулярных глаголов (см. приведенное выше определение супплетивизма). Следовательно, первоначальное распространение в языке имело явление гетеронимии, так как соответствующие значения не выражались морфологическими показателями (в языке отсутствовали модели для их выражения)¹. По мере развития последних гетеронимия перерождалась в супплетивизм. Тогда явления гетеронимии становятся единичными в глагольной системе. Как показывает пример из истории немецкого языка, приведенный выше, корреляция разнокоренных единиц *birut/weset* (ср.: *fraget*, *teilet* и т.д.) исчезает как корреляция, не поддержанная системой. Существующая в современном немецком языке гетеронимичная форма первого лица единственного числа императива

sei малоупотребительна. Наоборот, степень сохраняемости супплетивизма в глагольной системе современного немецкого языка велика², так как в случае супплетивизма корреляции разнокоренных единиц опираются на регулярные ряды большинства глаголов, то есть супплетивизм поддерживается всей глагольной системой и, следовательно, является системообусловленным. Разрушение гетерогамии ведет к тому, что формы глагола *sein* не дают дополнительных оппозиций по сравнению с регулярными глаголами. Кроме того, роль супплетивных форм глагола *sein* возросла с возникновением аналитических форм. Употребляясь в качестве вспомогательного глагола в аналитических формах, формы глагола *sein*, выражающие в таком употреблении соответствующие грамматические значения, приобретают регулярный характер. Функционируя в современном немецком языке в аналитических формах, формы глагола *sein* новых оппозиций не обнаруживают.

Синкретизм представляет собой также системообусловленное явление. Само возникновение и существование синкретичных форм в языковой системе связано с изменениями, затрагивающими тип языка. «Если исходить из определения языкового типа как формы организации понятийного содержания, то *различные формы расчленения понятий* или *синкретизм понятий* (выделено автором. — Н.Ж.) имеют прямое отношение к проблеме выделения языковых типов» [13, с. 53]. Наличие/отсутствие синкретичных форм свидетельствует о перестройке соответствующих категорий. Если, например, в древневерхненемецком языке случаи синкретизма единичны, то в современном немецком все категории, кроме категорий залога и наклонения, имеют синкретичные формы.

Таким образом, в процессе развития языка возрастает роль синкретичных форм (и дело не просто в увеличении их числа). Наличие/отсутствие синкретичных форм в составе определенных грамматических категорий и отраженный/неотраженный³ характер значения этих категорий могут служить критериями их «продуктивности»⁴. Явление синкретизма связано с типологической характеристикой языка, а именно — с проявлением тенденции к аналитизму [16, с. 21; 17, с. 173]. Ср. в этой связи точку зрения о том, что рост флексийной омонимии является одним из признаков аналитических тенденций [18, с. 11; 19, с. 155; 20, с. 148; 21,

¹ В.П.Конецкая [2, с.19] приводит пример из хеттского (неситского), который дает возможность предположить, что в процессе развития языков, в результате изменения условий проявления системных отношений языковых единиц принципиально возможен переход гетеронимического (гетероклитического) типа их корреляции в супплетивный.

² Коэффициент сохраняемости супплетивных форм глагола бытия в немецком 100 %. [2, с. 165].

³ Категории с отраженным значением относятся к периферии грамматической системы [14, с. 44].

⁴ О понятии «продуктивности» см. [15, с. 1].

с. 161–162]. В данном случае в силу традиции тождественные формы в микропарадигме трактуются не как синкретичные, а как омонимичные, то есть не проводится разграничение омонимии и синкретизма.

Появление синкретичных форм свидетельствует о преодолении системной избыточности, которая возникает в языке с развитием синтаксических средств, когда одно и то же значение выражается и морфологически, и средствами других уровней. В отношении омонимии необходимо отметить, что возможна только межпарадигматическая омонимия [22, с. 19]. Тогда для грамматических категорий омонимия не характерна. Так, например, случаи омонимии форм *sagte* ‘сказал’ / *sagte* ‘würde sagen’, *lebe* / *lebe* находятся на периферии категорий наклонения, «если учесть тенденцию к вытеснению форм типа нем. “*sagte*” кондиционализмом и стилистическую ограниченность форм 3-го лица императива, а также субъюнктива (по традиционной терминологии конъюнктив) косвенной речи» [16, с. 21]. В древневерхненемецком языке, где глагол

имел тематические гласные, омонимия форм также не была распространена и не характеризовала грамматические категории.

Синкретизм свидетельствует об изменениях, связанных с типом языка, и может приводить к свертыванию парадигмы, соответственно, к исчезновению категории (ср. случай с субъюнктивом [23, с. 11]). Омонимия, идентичная в плане выражения синкретизму, но не связанная с соответствующей подсистемой, не играет в отличие от последнего такой роли в процессе развития языка.

Таким образом, соблюдение системного подхода дает возможность показать, что за внешним сходством явлений (в случае гетеронимии и супплетивизма – корреляция разнокоренных единиц, в случае омонимии и синкретизма – фонетическое тождество форм) скрываются различные языковые сущности. Кроме того, проведенный анализ подтверждает на конкретных языковых явлениях интересную мысль И.А. Бодуэна де Куртене о том, что в ходе исторического развития языка в нем растет системность¹.

Литература

1. Скредина Л.М. Изучение означаемого и означающего в истории языка // НДВШ, ФН. 1978. № 6.
2. Конечная В.П. Супплетивизм в германских языках. 1973.
3. Гухман М.М. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования // Вопр. языкознания. 1957. № 5.
4. Ахманова О.С. Фонология, морфонология, морфология. 1966.
5. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
7. Золотова Г.А. К типологии простого предложения // Вопр. языкознания. 1978. № 3.
8. Будагов Р.А. Понятие системы и системных отношений в языке в связи с разграничением синхронии и диахронии // Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета, посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка. М., 1957.
9. Мухин А.М. Лингвистический анализ. Л., 1976.
10. Жукова Н.С. Взаимодействие единиц различных уровней и явления синкретизма и омонимии в морфологии // Сборник научных трудов МГПИИЯ, вып. 161. 1980.
11. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
12. Ельмслев Л. Прологомены и теория языка // Новое в лингвистике. Вып. 1, М., 1960.
13. Ярцева В.Н. «Языковой тип» среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
14. Адмони В.Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка // Вопр. языкознания. 1975. № 1.
15. Жукова Н.С. Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
16. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонения в германских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1978.
17. Hutterer C.J. Über die Möglichkeit einer historischen Typologie der germanischen Sprachen // Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages. Budapest, 1970.
18. Виноградов В.В. О грамматической омонимии // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.
19. Тмка В. Bemerkungen zur Homonymie // TCLP, 1931. № 4.
20. Kramsky J. Notes on quantitative typology of languages // Linguistica generalia. I.
21. Tesitelowa M. Das Tschechische als Sprachtyp aus quantitativer Sicht // Linguistica generalia, I.

¹ «...В самом языке уменьшается богатство форм обособленных, друг с другом не связанных...» [24, с. 95].

22. Кураков В.И. Явление синкретизма в морфологии немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1976.
23. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
24. Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 2.

О.В. Соболевская

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАР СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

В готском языке наименования явлений природы принадлежат к различным типам склонения [1, 2].

К гласным типам склонения относятся ***dags**, м. р. (а) «день» (перешло из s-основ); **frius**, ср. р. (а (?)) «стужа»; **himins**, м. р. (а) «небо»; **land**, ср. р. (а) «земля, территория»; **liuhap**, ср. р. (а) «свет»; **malma**, м. р. (а) «песок»; **maurgin**, м. р. (а) «утро»; **rign**, ср. р. (а) «дождь»; **riqis**, ср. р. (а) «тьма» (перешло из s-основ); ***tuggl**, ср. р. (а) «звезда, созвездие» (гlossа к лат. *stabim* (**staffs*) «вещественные начала мира»); **winds**, м. р. (а) «ветер»; **sauil**, ср. р. (а) «солнце» (в ИЕ относилось к гетероклитическому склонению *l/n*); **snaiws**, м. р. (wa) «снег» (в ИЕ относилось к корневым); **ahva**, ж. р. (ō) «река, воды»; **airpa**, ж. р. (ō) «земля»; **skura**, ж. р. (ō) «буря»; ***stafs**, м. р. (i) «стихии»; **asans**, ж. р. (i) «лето (время урожая)»; **fairguni**, ср. р. (i, a) «гора, горная цепь»; **wegs**, м. р., а (i-основа в дат. п. *wegim*) «буря, волнение (на море)»; ***lauhmuni**, ж. р., (i, ō) «молния»; **nahts**, ж. р. (i) «ночь» (в ИЕ относилось к корневым основам); **flodus**, ж. р. (u (?)) «поток, река»; ***hallus**, м. р. (u) «скала, утес»; ***luftus**, м. р. (u (?)) «воздух»; **wintrus**, м. р. (u) «зима»; **skadus**, м. р. (u) «тень» (перешло из wa-основ).

К консонантному типу склонения относятся **brunna**, м. р. (an) «источник, ключ»; **fōn**, ср. р. (an) «огонь» (в ИЕ относилось к гетероклитич. склонению *r/n*); **milhma**, м. р. (an) «облако»; **mena**, м. р. (an) «луна»; **wato**, ср. р. (an) «вода» (в ИЕ относилось к гетероклитич. склонению *r/n*); ***skuggwa**, м. р. (wan) «тусклое стекло» (несмотря на то, что семантика лексемы в данном случае далека от явлений природы, этимологический анализ слова и наличие параллелей в других германских языках в значении «тень» позволяют предположить некую связь лексемы **skuggwa* с природными явлениями); ***stairno**, ж. р. (ōn) «звезда»; **rinno**, ж. р. (ōn) «поток»; **sunno**, ж. р. (ōn), ср. р. (an) «солнце» (в ИЕ относилось к гетероклитич. склонению *l/n*); ***peihvo**, ж. р. (wōn) «гром»; ***uhtwo**, ж. р. (wōn) «рассвет»; **marei**, ж. р. (īn) «море» (в других герм. языках ср. р. i-основы).

К корневым основам относится ***saiws**, м. р. «море».

Нетрудно заметить, что для наименований многих явлений природы, принадлежащих к консонантному типу склонения на -n, существуют синонимичные или сходные по значению наименования, маркированные различными показателями гласных типов основ: 1) **sunno**, ж. р. (ōn), ср. р. (an) «солнце» – **sauil**, ср. р. (а) «солнце»; 2) ***uhtwo**, ж. р. (wōn) «рассвет, раннее утро» – **maurgin**, м. р. (а) «утро»; 3) ***stairno**, ж. р. (ōn) «звезда» – ***tuggl**, ср. р. (а) «звезда, созвездие»; 4) ***skuggwa**, м. р. (wan) «тусклое стекло (тень)» – **skadus**, м. р. (u) «тень»; 5) **wato**, ср. р. (an) «вода» – **ahva**, ж. р. (ō) «река, воды»; 6) **rinno**, ж. р. (ōn) «поток» – **flodus**, ж. р. (u (?)) «поток, река». В данном исследовании мы остановимся на первых четырех парах, обозначающих атмосферные явления и небесные тела.

Прежде чем приступить к этимологическому и контекстному анализу перечисленных оппозиций и отдельных лексем, необходимо обратиться к истории возникновения различных типов основ и их вероятной семантической мотивировке.

Первоначально все существительные в праиндоевропейском языке делились по принципу активности/инактивности [3, с. 83; 4, с. 345–346]. Как отмечается, в склонении существительных на консонантные основы в древнегерманских языках наблюдается концентрация существительных с одушевленной семантикой [1, с. 79–81], что позволило О.А. Осиповой предположить, что маркировка активных (одушевленных) существительных первоначально осуществлялась консонантными основообразующими суффиксами [5]. Гласные основы появились хронологически позже и, кроме оформления самостоятельных семантических классов, активно включились в распределение существительных по родам [6; 7, с. 175; 8, с. 45]. По мере развития языков происходило перераспределение существительных по типам основ, и первоначальное разделение существительных на активные/ин-активные (одушевленные/неодушевленные) стира-

лось, грамматические показатели именных классов частично (или полностью) теряли некоторые свои функции и приобретали новые значения.

Так, И.В. Новицкая, обобщая имеющиеся исследования форманта -n, предполагает, что для выражения инновативной для германских языков категории определенности/неопределенности, наряду с препозитивным артиклем, использовался формант -n-, и предлагает следующую возможную цепочку развития этого его значения: показатель определенного семантического класса (+ возможно, принадлежность к чему-то или кому-то) → одушевленность + принадлежность → более обобщенная принадлежность → определенность + реляционность [9, с. 60]. В готском языке основы на -an, -jan, -wan считаются более древними [1], следовательно, более раннее значение одушевленности/неодушевленности вероятнее искать в них, тогда как основы -ōn, -wōn более позднего происхождения и наряду с делением существительных на одушевленные/неодушевленные отражают родовую дифференциацию. Самой поздней германской инновацией являются -īn-основы [1, с. 214], значение которых И.В. Новицкая связывает с категорией определенности [9, с. 60].

Таким образом, консонантные основообразующие суффиксы характеризовались в готском языке полифункциональностью: они служили не только показателями склонений, но и выполняли функцию маркеров одушевленности (активности), принадлежности и определенности [5, 9]. К гласным типам основ на -a, -ō, -i, несмотря на семантическую неоднородность этих групп, принадлежит достаточно большое количество абстрактных существительных [1, с. 76, 79]. Что касается основы на -u, то О.А. Осипова, относя ее к консонантному типу основ, также восстанавливает первоначальное значение одушевленности и принадлежности, а также на хронологически более позднем уровне – значение определенности [10, с. 19–20].

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что перечисленные выше синонимические пары можно рассматривать по шкалам «активность (одушевленность)/инактивность (неодушевленность)», «абстрактность/конкретность», «определенность/неопределенность», учитывая, однако, особенности архаичного мышления, в котором категоризация предметов и явлений могла отличаться от современного [11, с. 15, 32], и разделение предметов на одушевленные/неодушевленные могло быть иным, чем в нашем понимании.

Перейдем к этимологическому и контекстуальному анализу выделенных синонимов.

1) **sunno**, ж. р. (n), ср. р. (n) «солнце» – **sauil**, ср. р. (a) «солнце».

Э. Бенвенист восстанавливает для общеиндоевропейского языка форму *s(a)uHel-/n- (цит. по [12,

с. 684]). Значение этого слова можно понять из др.-инд. вед. *suvar-*, род. п. *surah*, ср. р. «солнце, свет, небо, блеск, сияние». К этому корню также восходят, по Гамкрелидзе, Иванову, гот. *sauil* ср. р., двн. *sunna*, др.-англ. *sunne*, лат. *sol* «солнце» [12, с. 684].

Ю. Покорный возводит гот. *sunno*, ж. р. (n), ср. р. (n) «солнце» к ОИЕ *sauel*, *suuel*, *suel*, *sul* «солнце» [13, с. 881]. Однако он подчеркивает, что развитие значений от этого корня пошло по двум направлениям. Такие слова, как гот. *sauil* ср. р., лат. *sol*, др.-исл. *sol* ж. р. «солнце» и, вероятно, др.-англ. *swegl* «солнце, небо», как и гот. *sugil* и др.-англ. *sigel*, стали развиваться от основы с основообразующим суффиксом -l-. Сюда же относятся др.-инд. вед. *suvar-*, род. п. *surah*, ср. р. со значением «солнце, свет, небо, блеск, сияние». От основы с основообразующим суффиксом -en- произошли авест. *x^həng* «солнце» (инд.-г. **suen-s*), гот. *sunno*, др.-англ. *sunna*, двн. *sunno*, *sunna* «солнце».

Таким образом, первоначально слово «солнце» характеризовалось неразделенной семантикой, так как, вероятно, человек в древности воспринимал солнце, небо и свет как нечто единое, противоположность ночи и тьме. Позже, когда из парадигмы гетероклитического склонения выделилась форма косвенного падежа (-n), она, скорее всего, стала обозначать активный, одушевленный в понимании древних предмет, тогда как форма именительного падежа закрепила за собой значение света, чего-то более абстрактного, инактивного, и стала оформляться, соответственно, основой на -a. Следующие примеры из готской Библии [14] подтверждают это: *mirþanei þan sagq sunno* (L 4.40) «когда заходило солнце»; *þan gasaggq sauil* (Mc 1.32) «когда зашло солнце». Форма претерита глагола *siqqan* «опускаться, падать, оседать, тонуть» в первом примере показывает активный процесс, тогда как использование префикса *ga-*, выражающего перфектное значение, показывает скорее состояние, нежели процесс.

В примерах *at sunnin þan urrinnandin* (Mk 4.6) «при солнце восходящем»; *at urrinnandin sunnin* (Mk 16.2) «при восходящем солнце»; *und þatei urrinnai sunno ...* «когда восходило солнце» (Neh 7.3) используется глагол *ginnaþ* «бегать, быстро бежать, мчаться», что указывает на активность, одушевленность предмета, обозначаемого существительным *sunno*. Употребление причастия I от этого глагола также подтверждает семантику активности. В примере *sunnon seinu urranneip* (M 5.45) «(повелевает) солнцу Своему восходить» также используется притяжательное местоимение, что указывает на конкретность и определенность данного предмета.

Солнце в значении «солнечный свет», как понятие довольно абстрактное, выступает в примере *sauil riqizeip jah mena ni gibip liuhap sein* (Mc 13.24)

«солнце померкнет, и луна не даст света своего». Вероятно, здесь идет речь о солнечном свете, т.к. он противопоставляется свету луны. Кроме того, глагол *riqizjan* «становиться темным, мрачным» обозначает перемену состояния, но никак не активное действие.

2) ***uhtwo**, ж. р. (n) «рассвет» – **maurgin**, м. р. (a) «утро».

Гот. ***uhtwo** ж. р. (n) «рассвет» возводится к ОИЕ *nktw-ā*, основывающееся на *nek^u-(t-)* «ночь» [2, с. 374–375]. В готской Библии это слово встречается только в дат. п. ед. ч. *in air uhtwon* (Mk 1.35) «рано утром». Исходя из принадлежностного значения суффикса -n, можно предположить, что рассвет воспринимался как часть ночи, то есть принадлежал ей. Кроме того, вероятно, это мог быть вполне конкретный промежуток времени, о чем свидетельствует санскр. *aktus* «последняя часть ночи, темнота сразу перед рассветом» [2, с. 374–375].

Гот. **maurgin**, м. р. (a) «утро» основывается на ОИЕ корне *mer-* «мерцать, тускло светить», «блестеть, сверкать», возможно, также возводится к ИЕ *ā-merjan* «очищаться» [2, с. 248].

Следующие примеры из Библии не проясняют причин отнесенности существительного *maurgin* к данному типу основ: *fanuh was maurgins* (J 18.28) «было утро»; *in maurgin* (Mk 11.20, Mk 16.9) «утром»; *At maurgin þan waurþanana* (M 27.1) «Когда же настало утро»; *unte du maurgina gaswiltam* (1C 15.32) «ибо завтра умрем»; *Jah sunsaiw in maurgin garuni taujandans* (Mk 15.1) «немедленно поутру». Однако то, что к а-основе относится большое количество отглагольных отвлеченных существительных, позволяет воспринимать гот. **maurgin**, м. р. (a) «утро» как состояние, время, когда уже светло.

3) ***stairno**, ж. р. (ōn) «звезда» – ***tuggl**, ср. р. (a) «звезда, созвездие».

Гот. ***stairno**, ж. р. (ōn) «звезда» имеет этимологические параллели в древнегерманских языках: двн. *sterro, sterno* м. р., др.-исл. *stjarna*, ж. р., др.-сакс. *sterro*, м. р., др.-фриз. *stēra*, др.-англ. *steorra*, м. р. [2, с. 322] и возводится к ИЕ (s)tēr-, род. п. (s)trās «звезда». Предпринимались также попытки установить более ранний источник: Крогман предлагал возводить первый слог к ИЕ корню *ās-* «жечь, пылать», другие лингвисты связывали это слово с ИЕ корнем *ster-* «разбрасывать», объясняя это тем, что звезды – это объекты, «разбросанные» по небу [2, с. 322]. В готском тексте слово ***stairno** встречается только в им. п., мн. ч. (-nons): *jah stairnons himinis wairþand driusandeins* (Mk 13.25) «и звезды небесные будут падающими». Использование притяжательного падежа подтверждает принадлежностное значение форманта -n, а также семантика глагола *driusan* «падать» подчеркивает значение конкретности (так как может ли падать что-либо аб-

страктное?). Об активности звезд свидетельствует причастие I от глагола *driusan*.

Этимология гот. ***tuggl**, ср. р. (a) «звезда, созвездие» неясна. Это слово встречается только в дат. п. (uf) *tugglam* (G 4.3A), как глосса к (uf) *stabim* (þis fairhvaus) «стихии (мира)» [2, с. 348]: *swa jah weis, þan wesum barniskai, uf stabim þis fairhvaus wesum skalkinondans*. (G 4.3A) «Так и мы, доколе были в детстве, были поработаны вещественными началами мира». Отнесение этого слова к а-основе предполагает более абстрактную семантику, чем гот. ***stairno**.

4) ***skuggwa**, м. р. (wan) «тусклое стекло (тьень)» – **skadus**, м. р. (u) «тьень».

Гот. ***skuggwa**, м. р. (wan) «тусклое стекло (тьень)» возводится к ОИЕ (s)kewə-, (s)kū «покрывать» и имеет параллели в других германских языках: др.-англ. *scuwa, scūa*, двн. *scuwo, scū* «тьень», двн. *skūr* «защита» [2, с. 313]. В готской Библии это слово употребляется только один раз в вин. п., ед. ч. (-wan) в значении «тусклое стекло»: *saihvam þu þairh skuggwan* (1C 13.12) Теперь мы видим как бы **сквозь тусклое стекло**.

Гот. существительное м. р. **skadus** (u) первоначально склонялось по wa-основам [1, с. 84] и имеет также параллели в германских языках: др.-англ. *skeadu* м. р., *scead* ж. р., двн. *scato* «тьень, полумрак», др.-сев. *skodd(a)* «туман». У Леманн связывает это слово с ОИЕ корнем *skot-* «тьень, темнота» [2, с. 307–308].

Более раннее отнесение гот. **skadus** «тьень» к основе на гласную (-a) и отсутствие указания на активную семантику в этимологии позволяет предположить, что это слово выражало инактивное состояние. В примере *gabairhtjan þaim in riqiza jah skadau dauþus sitandam* (L 1.79) «просветить сидящих во тьме и тени смертной» тень выступает как некое пространство (наряду с гот. *riqis* «тьма» (а-основа)), в котором можно находиться.

Гот. ***skuggwa** происходит от глагола активного действия и оформляется консонантным формантом -n, что свидетельствует о большей его активности и конкретности. О конкретности гот. ***skuggwa** может свидетельствовать употребление в примере предлога *þairh* «через, сквозь», что подразумевает довольно четкую форму предмета. К сожалению, предположение о его активности не может быть подтверждено на готском материале из-за отсутствия других примеров в готском языке.

Что касается перехода гот. **skadus** «тьень» в склонение на -u, то, по мнению О.А. Осиповой, это может быть связано с реляционной семантикой форманта -u и, следовательно, выражением категории определенности/неопределенности [10, с. 11–12]. Употребление этого слова с существительными в притяжательном падеже свидетельствует о значе-

нии принадлежности и, вероятно, определенности: *gabairhtjan þaim in riqiza jah skadau dauþus sitandam* (L 1.79) «просветить сидящих во тьме и *мени смертной*»; *þatei ist skadus þize anawairþane* (Col 2.17) «это есть *тьнь будущего*». На принадлежность также указывает притяжательное местоимение в примере *swaswe magun uf skadau is fuglos himinis gabauan* (Mk 4.32) «так что под *тенью его* (деревя) могут укрываться птицы небесные».

Выводы:

1. В готском языке слова, обозначающие одни и те же или сходные явления природы, не всегда являются синонимами.

2. Принадлежность их к различным типам склонения имеет семантическую значимость.

3. Основообразующие суффиксы характеризуются несколькими значениями, что обусловлено долгой историей развития языка, и могут выражать категории активности/инактивности, одушевленности/неодушевленности, родовую принадлежность, посессивность, а также определенность/неопределенность.

4. Этимологический и контекстный анализ во многом помогает прояснить причины оформления данных слов различными основообразующими формантами.

Литература

1. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. М., 1963.
2. Lehmann W.P. A gothic etymological dictionary. Based on the third edition of *Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache*. Leiden, 1986.
3. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2002.
5. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности (неодушевленности) в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
6. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции. Л., 1967.
7. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
8. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике: переводы. М., 1988.
9. Новицкая И.В. Историческая интерпретация абстрактных существительных в системе склонения в готском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
10. Осипова О.А. Место древнегерманских существительных с основами на -и в склонении // Языковые единицы в системе и тексте. Томск, 1995.
11. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М., 1988.
12. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
13. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959.
14. Streitberg W. *Die gotische Bibel*. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1910. (1) Erster Teil: Die gotische Bibel.

Принятые сокращения

ИЕ – индоевропейский, ОИЕ – общеиндоевропейский, двн. – древневерхненемецкий, др.-англ. – древнеанглийский, др.-сакс. – древнесаксонский, др.-сев. – древнесеверный, др.-исл. – древнеис-

ландский, др.-фриз. – древнефризский, лат. – латинский, гот. – готский, авест. – авестийский, др.-инд. вед. – древнеиндийский ведический.

Э.Л. Шубина

КОНСТРУКЦИИ ТИПА *EINE TASSE HEIßER KAFFEE* И *EINE ART UNIVERSELLE SPRACHE* В ИХ ОТНОШЕНИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Московский государственный университет

В современном немецком языке представлены весьма интересные с точки зрения синтаксического построения конструкции типа *eine Tasse heißer Kaffee* и *eine Art universelle Sprache*. Они заметно отличаются от других субстантивных словосочетаний колебаниями при выборе вида синтаксической связи, на основе которой они организованы. Действительно, словосочетания данного типа оформляются в литературном языке либо при помощи генитивного управления (*eine Flasche guten Weines*, *eine Art sommerlicher Erinnerung*), либо при помощи предложного управления (*Hunderte von deutschen Anlegern*, *eine Art von riesigen Rosen*), а также при помощи согласования (*ein Glas kaltes Wasser*, *eine Art mentales Training*). Кроме того, по мнению некоторых авторов нормативных грамматик, существует еще одна возможность грамматического оформления рассматриваемых конструкций. Речь идет о примыкании. Примыкание как способ оформления подчинительной связи между компонентами словосочетаний бесспорно констатируется лишь в том случае, если первый компонент выражен существительными в одном из косвенных падежей, а второй компонент употреблен в именительном падеже. Примеры этого типа приводятся в девятом томе справочного издания «Der Duden in 12 Bänden», посвященного основным трудностям немецкого языка (*mit einem Korb reife Äpfel*; *mit einem Strauß rote Rosen*) [4, S. 5]. Однако в материале, легшем в основу данной работы, эта разновидность подчинительной связи не представлена.

Задачи данной статьи заключаются в том, чтобы показать, насколько точно нормативные грамматики отражают предпочтения в употреблении того или иного вида подчинительной связи, а также какие факторы оказывают влияние на выбор вида подчинительной связи. Для ответа на эти вопросы были проанализированы количественные словосочетания *ein Glas kaltes Wasser* и словосочетания типа *eine Art universelle Sprache* из произведений немецкоязычных авторов XX столетия. Источником материала послужили произведения Г. Бёлля, Р. Вальзера, Г. Грасса, П. Зюскинда, Ф. Кафки, М.Л. Кашнитц, Г. Конзалика, Э. Кестнера, В. Кёппена, Б. Келлерманна, Г. Линд, З. Ленца, Б. Травена, Б. Фришмут, Э. Штриттматтера и др.

Авторитетные авторы нормативных грамматик дают следующие рекомендации грамматического оформления данных конструкций. Так, с точки зрения авторов девятого тома из серии «Der Duden in 12 Bänden» словосочетания, первый компонент которых обозначает единицы измерения веса, длины и т.п., а второй компонент – существительное в единственном числе, оформлены при помощи согласования (*ein Glas guter Wein (gehoben) guten Weines*). Словосочетания, второй компонент которых – существительное во множественном числе, а первый компонент обозначает определенное количество и при этом стоит в именительном и винительном падежах, оформлены также при помощи согласования (*ein Dutzend frische Eier (selten: frischer) Eier*). Авторы считают, что в данных случаях словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, употребляются в «...торжественных случаях и производят впечатление высокопарности». [4, S. 105]. Эти рекомендации касаются и словосочетаний типа *eine Art universelle Sprache*.

Однако в некоторых случаях предпочтительнее употребление родительного падежа, а именно: 1) если первый компонент обозначает неопределенное количество (*in einer Menge tanzender Jugendlichen*); 2) если первый компонент стоит в родительном падеже (*um eines Pfundes gekochten Schinkens willen*).

Словосочетания, первый компонент которых стоит в дательном падеже, а второй компонент – существительное во множественном числе, могут быть организованы на основе управления и примыкания: *mit einem Korb reifer (reife) Äpfel* (вместо *mit einem Korb reifen Äpfeln*). Таким образом, авторы связывают выбор вида подчинительной связи с семантикой первого компонента, с падежной формой первого компонента и с родом и числом второго компонента.

Необходимо отметить, что существительные, используемые в качестве первого компонента и способные выражать количественные характеристики субстанции, обозначаемой вторым компонентом, обладают более разнообразной семантикой и могут обозначать: 1) числа (*Paar, Dutzend, Hundert*); 2) единицы измерения веса, объема, длины и т.п.

(Gramm, Meter); 3) бытовые единицы измерения (Glas, Löffel, Tasse); 4) стандартную меру или количество (Flasche, Schoppen); 5) не называемое точно, но известное количество (Portion, Lage); 6) часть целого (Teil, Rest); 7) неопределенно-большое количество (Menge, Unzahl); 8) неопределенно-малое количество (Prise); 9) некоторое неопределенное количество (Anzahl, Gruppe). На наш взгляд, это наиболее точная классификация всех квантитативных словосочетаний, которая была представлена М.В. Раевским. Имеющийся в нашем распоряжении материал будет рассмотрен в следующем порядке: количественные словосочетания в соответствии с классификацией М.В. Раевского, конструкции типа *eine Art universelle Sprache*.

Так, словосочетания семантической группы с общим значением «определенное количество каких-то предметов и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными Paar, Dutzend, Hundert и т.д., оформлены при помощи генитивного управления и согласования (соответственно 185 и 177 примеров): «*Er bekam Geld genug für ein Paar aus Westdeutschland importierter Schuhe*» (Т. Bernhard); «*Es sind 1,8 Millionen dänische Kronen*» (Н. Konsalik).

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных единиц измерения предметов, веществ и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными Gramm, Kilogramm, Tonne, Kubikmeter, Milliliter и т.д., оформлены при помощи управления и согласования (соответственно 50 и 78 примеров): «*Auch findet sich an diesem Tier kein Gramm reinen Fleisches*» (В. Frischmuth); «*Der Hauptgewinn bestand aus eindreiviertel Pfund magerem Speck*» (Е. Kästner).

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное число бытовых единиц измерения предметов, веществ и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными Schale, Krug, Glas, Tasse и т.д., оформлены при помощи генитивного управления и согласования (соответственно 68 и 87 примеров): «*Die meisten haben eine Tasse grünen Tees nebensich*» (А. Muschg); «*Er hatte eine Karaffe offenen Wein vor sich*» (Е.М. Remarque).

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных мер какого-то вещества», первые компоненты которых представлены существительными Flasche, Faß, Büchse, Dose и т.д., организованы также на основе генитивного управления и согласования (соответственно 93 и 83 примера): «*Eine Dose versammelter Konservenerbsen hatte er zurückgebracht*» (G. Grass); «*Auf dem Tisch stand bereits eine Flasche purpurner Krimwein mit drei Gläsern*» (Н. Konsalik).

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное, но варьируемое количество вещества, предметов», первые компоненты которых представлены существительными Portion, Lage, Posten и т.д., оформлены при помощи управления и согласования (соответственно 12 и 14 примеров): «*...man trinkt Bier zu einer Portion saurer Lebern*» (М. Walser); «*...ich drückte ihm eine Ladung kaltes Wasser ins Gesicht*» (Н. Lind).

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое количество частей целого», первые компоненты которых представлены существительными Stück, Teil, Fetzen, Kanten и т.д., оформлены при помощи генитивного управления и согласования (соответственно 146 и 158 примеров): «*An der Wand hängt ein Stück grüner Papp*» (Е. Strittmatter); «*...und du siehst einen Fetzen blauen Himmel*» (W. Heiduczek).

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно-большое количество вещества, предметов, людей», первые компоненты которых представлены существительными Menge, Haufen, Unmenge и т.д., оформляются в нашем материале с помощью генитивного управления, предложного управления и согласования (соответственно 195, 10 и 26 примеров): «*Ludwig sah ein Häufchen glimmender Kohle*» (М.Л. Kaschnitz); «*Nicht nur im Kopf, sondern auch in einer Menge von schmalen Büchlein*» (Н. Hesse); «*Dafür sahen wir eine Menge große Felsenstücke*» (Н. Hesse).

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно-малое количество вещества», первые компоненты которых представлены существительными Schluck, Schuss, Prise и т.д., оформлены при помощи управления и согласования (соответственно 37 и 19 примеров): «*...und auf ihrer Oberlippe stehen ein paar winzige Tropfen frühsummerlichen Schweißes*» (В. Frischmuth); «*Eine Ordonnanz bringt ihm einen Schluck salzigen Tee*» (К. Opitz).

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое неопределенное количество предметов, людей и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными Reihe, Anzahl, Truppe, Strauß и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, предложного управления и согласования (соответственно 255, 25 и 15 примеров): «*Auch ein riesiger Strauß gelber Nelken war gut*» (Н.Е. Nossack); «*Ein Schwarm von weißen Vögeln kehrte um*» (P. Handke); «*...dass Eddi Amsel ein biersaures Bündel geschlitzte und blutverkrustete Uniformen in Empfang nehmen konnte*» (G. Grass).

Таким образом, языковой материал показывает, что не существует жесткой зависимости, на которую указывают нормативные грамматики в

оформлении конструкций этого типа от падежа существительных, выступающих в роли первых компонентов, а также от рода и числа существительных, выступающих в качестве вторых компонентов. Так, в словосочетаниях, оформленных при помощи управления и согласования, первый компонент может стоять в предложениях во всех трех падежах¹ (генитивное управление – *Nom.: auf dem Tisch stand ein Glas fetter Milch; Dat.: ...mit einer Tasse starken Kaffees; Akk.: sie stellt ein Schälchen grünen Tee*; согласование – *Nom.: eine Flasche bulgarischer Rotwein; Dat. – mit zwei Flaschen schwerem Bordeaux; Akk. er holte zwei Dosen chinesisches Bier*).

В роли вторых компонентов словосочетаний, оформленных при помощи управления и согласования, выступают существительные всех трех родов (генитивное управление – *eine Flasche tiefroten Krimweins, Flaschen guten Biers, eine Büchse kondensierter Milch*; согласование – *einen Schluck heißen Wein; eine Prise grobes Salz; ein Stück blaue Kreide*).

Словосочетания со вторыми компонентами – существительными во множественном числе – могут быть оформлены при помощи генитивного управления, предложного управления и согласования (генитивное управление – *ein Dutzend ausgewählter Bücher*; предложное управление – *eine Menge von gleichgültigen Ämtern*; согласование – *ein Berg rohe Kohlrüben*).

Как показало исследование, выбор вида подчинительной связи главным образом зависит от семантики первого компонента. Наиболее часто к управлению прибегают в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими: а) некоторое неопределенно-большое количество людей, предметов и т.д. (*Menge, Haufen*); б) некоторое неопределенное количество предметов, людей и т.п. (*Reihe, Anzahl, Strauß*).

В большинстве случаев согласование проводится в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающим единицы измерения веса, длины, площади и т.п. (*Gramm, Liter, Meter*).

В некоторых случаях выбор вида подчинительной связи зависит и от семантики второго компонента. Если в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими часть целого, второй компонент – абстрактное существительное, то преобладает конструкция с управлением (*ein Stück möglichen Lebens*), если второй компонент – существительное, обозначающее конкретные предметы, то преобладает конструкция с согласованием (*ein Stückchen weißer Stoff*).

Анализ приведенного материала показывает, норма характеризуется сильными колебаниями. На выбор типа синтаксической связи в большей или меньшей степени влияют все упомянутые в данной работе факторы. Однако они настолько тесно переплетаются друг с другом, что однозначно выделить влияние какого-то определенного фактора невозможно. К примеру, в предложении «*Ich trinke lieber ein Glas kaltes Wasser*», с одной стороны, выбор согласования диктуется средним родом и единственным числом существительного, выступающего в роли второго компонента словосочетания *ein Glas kaltes Wasser*, с другой стороны, семантикой и падежом существительного, выступающего в роли первого компонента. Таким образом, в сфере словосочетаний этого типа не может быть установлена строгая грамматическая норма, и можно говорить лишь об определенных тенденциях в их грамматическом оформлении.

В языке немецкой художественной литературы описываемого периода субстантивные словосочетания типа *eine Art + AdjN* организованы на основе двух видов подчинительной связи: управления и согласования. Количественное соотношение вариантов форм в обследованных текстах выглядит следующим образом:

1) словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, составляют примерно треть от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа: *Es handle sich um eine Art poetischen Feuerwerks* (P. Härtling);

2) словосочетания, оформленные при помощи предложного управления, составляют также примерно треть от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа: *...das hängt mit einer Art von seelichem Erlebnis zusammen* (H. Hesse);

3) словосочетания, оформленные при помощи согласования, составляют примерно треть от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа: *Die Schuld ist eine Art unvermeidliches Patengeschenk* (S. Lenz).

Материалы исследования показали, что существует определенная зависимость в оформлении конструкций исследуемого типа от падежа существительных, выступающих в роли первых компонентов, а также от рода и числа существительных, выступающих в качестве вторых компонентов.

Так, словосочетания оформлялись при именительном падеже первого компонента преимущественно при помощи согласования (*Jetzt ist es eine Art prächig verkleideter Triumphwagen*), при дательном падеже первого компонента чаще всего с помощью предложного управления (*...das hängt mit einer*

¹ Невозможно точно определить вид подчинительной связи в случаях, когда первый компонент употребляется в родительном падеже.

Art von seelichem Erlebnis zusammen), а при винительном падеже в подавляющем большинстве случаев при помощи генитивного управления (*Er verspürte eine Art hoffnungslosen Hungers nach diesen leichtbekleideten Braungebrannten*).

В качестве вторых компонентов данных словосочетаний, оформленных при помощи как генитивного, так и предложного управления представлены в подавляющем большинстве случаев существительные женского рода (*Es ist eine Art sommerlicher Erinnerung*), а в роли вторых компонентов, словосочетаний, организованных на основе согласования, чаще всего встречались существительные мужского и среднего рода (*Sie schienen fortgezogen zu werden von einer Art bräutlichem Schmerz*). Все словосочетания со вторыми компонентами – существительными во множественном числе – оформлены исключительно при помощи генитивного и предложного управления (*eine Art goldfarbener gemusterter Pluderhosen, eine Art von riesigen Rosen*).

Таким образом, можно утверждать, что словосочетания исследуемого типа оформляются примерно в равной степени при помощи генитивного и предложного управления, а также согласования. Следует особо подчеркнуть, что, несмотря на то, что нормативные грамматики современного немецкого языка рекомендуют выбирать согласование как вид подчинительной связи, генитивное и предложное управление не только не исчезает из словосочетаний данного типа, но и остается наиболее часто используемым видом подчинительной связи. По-видимому, реальный узус в способах оформления рассматриваемых словосочетаний еще не устоялся в достаточной мере, чтобы формулировать нормативные рекомендации столь однозначно. Вместе с этим подтверждается гипотеза о том, что синтаксическое оформление данных конструкций определяется грамматическими характеристиками их компонентов.

Литература

1. Габрите Е.К. Немаркированные падежные формы в современном немецком языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
2. Кутасина Е.С. Раевский М.В. Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1985. № 2.
3. Blatz Fr. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. 3. völlig neu bearb. Aufl. Karlsruhe, 1896. Bd. II. Satzlehre.
4. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
5. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin (West), 1977.
6. Mensing O., Erdmann O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Stuttgart, 1898. 2. Abt.

A.V. Pirozhkov

STATISTISCHE UNTERSUCHUNGEN ZUM BEKANNTHEITSGRAD RUSSISCHER (U.A. SLAWISCHER) ENTLEHNUNGEN IN DER DEUTSCHEN SPRACHE DER GEGENWART UND IHRER ABHÄNGIGKEIT VOM ALTER UND VOM WOHNORT

Universität Potsdam, Deutschland

Die Anwendungsmöglichkeiten mathematischer und statistischer Methoden in der linguistischen Forschung sind umfangreich. In der Anfangsphase ging es zuerst um einfache deskriptive Methoden der Zusammenfassung und Darstellung von Daten und um statistische Verfahren zur Verarbeitung empirischer linguistischer Daten. Danach hat man mehr auf Introspektion zurückgegriffen. Heute ermöglicht Statistik allen empirischen Wissenschaften objektive Entscheidungen über die Brauchbarkeit der überprüften Hypothesen.

Der Teilaspekt der Statistik, der sich mit der Überprüfung von Hypothesen befasst und mit dem wir uns

im Weiteren beschäftigen möchten, wird als analytische Statistik oder Inferenz-(schließende) Statistik bezeichnet [vgl. Bortz 1993: 1-5]. In der Inferenzstatistik formuliert man eine statistische Hypothese: das ist eine präzisierte Annahme über die Häufigkeitsfunktion einer beobachtbaren Zufallsvariablen in der Grundgesamtheit, insbesondere über unbekannte Parameter dieser Häufigkeitsfunktion. Die zu prüfende statistische Hypothese nennt man Nullhypothese und bezeichnet sie mit H_0 . Es wird angenommen, dass die wirkliche Differenz Null ist. So kann man auch *unsere Prämisse*, dass *der Sprachgebrauch entlehnter Wörter des unter-*

suchten Korpus vom Alter und von der regionalen Gegebenheit abhängig ist, als Nullhypothese betrachten.

Weil noch keine Theorie, aus der die Arbeitshypothese abgeleitet werden kann, existiert, wird unsere Untersuchung als ein Erkundungsexperiment bezeichnet. Bevor die Hypothese zu einer praktisch brauchbaren, allgemein gültigen Theorie zusammengefasst werden kann, bedarf es weiterer Untersuchungen, in denen mit inferenzstatistischen Verfahren die Gültigkeit der „erkundeten“ Ziele überprüft wird.

Die Ziele der statistischen Untersuchungen in dieser Arbeit sind folgende:

1) die Überprüfung der Häufigkeit der Bekanntmachung russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen in der deutschen Sprache der Gegenwart;

2) Die Abhängigkeit/Unabhängigkeit des Bekanntheitsgrades vom Alter und vom Wohnort der Probanden im Ost- und Westteil Deutschlands.

Gebäuchliche Methode der empirischen Sozialforschung ist die Informantenbefragung. Durch Fragen (verbale Stimuli) werden Antworten (verbale Reaktionen) hervorgerufen. In jeder Befragung manifestiert sich ein Interesse: der aktiv Fragende wünscht Informationen solcher Art, dass ein Bezug zwischen Frage und Antwort erkennbar ist. Das Ziel dieser Arbeit war es, durch die Befragung aufzuklären, ob die vorgeschlagenen Entlehnungen den Informanten bekannt oder unbekannt sind, genauer gesagt, ob die Versuchspersonen („Vpn“) oder Probanden diese Entlehnungen vom Blatt und ohne Kontext verstehen oder nicht. Formales Ziel der Befragung war es, eine möglichst hohe Übereinstimmung in der Kommunikation zu erreichen. Eine solche ist auch Indiz dafür, dass das Ungleichgewicht der Motivation geringer, die Verlässlichkeit der Wiedergabe einer Meinungsstruktur höher ist. Je geringer der Grad der Gemeinsamkeit in der Kommunikation, desto selektiver sind die Reaktionen. Das bedeutet, dass Antworten nur jenen Teil der Erfahrungswelt des Befragten erreichen können, der durch die Struktur der Befragung gegeben ist.

Die Informanten erhielten Fragebögen. Aus den Wörterbüchern von Klien [1954], Duden [1989, 1990, 1994], Wahrig [1986], Klappenbach [1967–1978], Pfeifer [1989], Kluge [1975] wurde der untersuchte Korpus russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen zusammengestellt und später durch andere Quellen, wie z.B. Bellmann [1971], Opel'baum [1971] ergänzt. Jedem Probanden wurden 473 Entlehnungen für die Analyse vorgelegt.

Für die Untersuchung wurde die schriftliche Form der Befragung gewählt. Bei der mündlichen Form wäre es zu kompliziert und anstrengend für die Vpn, 473 Wörter durch direktes Hören oder vom Tonband zu rezipieren und sofort in einem gewissen Tempo eine Antwort zu geben. Bei der schriftlichen Form ist es

dagegen einfacher, eine größere Zahl von Informanten (für diese Arbeit waren es 552) zu befragen. Eine schriftliche Befragung kommt nur dann in Frage, wenn der Fragebogen als Frage-Antwort-Medium kaum Schwierigkeiten für die Informanten bereitet.

Der Fragebogen mit den Entlehnungen wurde dem Probanden übergeben und gleichzeitig das Ziel der Untersuchung und die Arbeitsmethode erklärt: Entlehnungen, die der Befragte vom Blatt versteht, muss er ankreuzen und ihm „unbekannte“/„unverständliche“ Wörter unmarkiert lassen.

Für die Befragung wurden grundsätzlich positiv eingestellte Probanden gesucht, d.h. solche, die für die Beantwortung Zeit und Interesse hatten. Die Antworten wurden anonym ausgewertet. Das Alter und der Ort, wo der Informant erzogen wurde oder wohnt, haben für die Untersuchung eine wichtige Rolle gespielt. Beruf, Ausbildung, Eltern und andere sozialen Parameter, wie z.B. die Migration vor und nach der Wende, wurden nicht in die Untersuchung einbezogen, weil es unmöglich ist, alle erhaltenen Daten mit den statistischen Methoden im Rahmen nur einer Arbeit zu bearbeiten. Außerdem war es auch ausgeschlossen, allein, ohne Arbeitsgruppe, Fragebögen für verschiedene Schichten auszuarbeiten und auszuwerten.

Schleswig-Holstein, Baden-Württemberg, Bremen, Hamburg und Niedersachsen repräsentieren in meiner Untersuchung die westlichen Länder. Sachsen, Berlin (Ost) und Brandenburg die östlichen Regionen. Aus jeder Region wurde ungefähr eine gleiche Zahl von Probanden für die Befragung gewählt: Schleswig-Holstein – 88, Baden-Württemberg – 87, Bremen/Hamburg – 101, Niedersachsen – 88, Sachsen – 85, Berlin/Brandenburg – 103. Da der Einfluß der russischen Sprache in den westlichen und östlichen Ländern Deutschlands unterschiedlich war, u. zw. im Westteil kleiner und im Ostteil größer, haben wir 66 % der Befragungen in westlichen Regionen durchgeführt, weil die Qualität und Quantität russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen in diesen Regionen bisher nicht so ausführlich wie in den östlichen Ländern analysiert worden ist. Nach der Bearbeitung der Fragebögen wurden für jedes Wort die folgenden Arbeitstabellen entworfen:

Beispiel: Die Tabelle *Statistik* für die Entlehnung *der Irbis*

	16–29	30–59	60–82
Schleswig-Holstein	4 23	8 25	9 19
Baden-Württemberg	3 28	6 21	4 25
Bremen/Hamburg	13 28	11 21	14 14
Niedersachsen	3 23	4 26	8 24

	16–29	30–59	60–82
Sachsen	4 23	3 27	9 19
Berlin/Brandenburg	12 23	19 13	15 21

Die sechs waagerechten Reihen in Spalte 1 stellen die Länder dar und die drei weiteren Spalten zeigen die Altersgrenzen. Jede obere Zahl in der Reihe gibt uns die Information, dass dieses Wort den Befragten bekannt ist. Unten steht die Zahl derer, die das Wort vom Blatt und ohne Kontext nicht verstehen. Beispielsweise ist das vorgeschlagene Wort *der Irbis* in Schleswig-Holstein in der Altersgruppe 16–29 nur für 4 Personen bekannt und für 23 Informanten dieser Untergruppe ist die Entlehnung fremd. Für den sinnvollen Einsatz der Inferenzstatistik in dieser Untersuchung ist es erforderlich, dass die „erkundeten“ Ziele und die Arbeitshypothese im Weiteren an den Beispielen der Entlehnungen des Korpus durch das Chi-Quadrat-Kriterium überprüft und näher betrachtet werden.

Das Merkmal AC (das Alter)

Beispiel 1

Untersucht werden soll, ob der Bekanntheitsgrad eines gegebenen Wortes vom Alter des Respondenten abhängig ist. Die erhaltenen Angaben wurden durch das Chi-Quadrat-Kriterium bearbeitet und im Weiteren analysiert. Bei dem untersuchten Merkmal handelt es sich um eine stetige konstituierliche Variable, wobei das Alter und der Wohnort als Verhältnisskala auftreten.

Wir gehen zum Beispiel vom Wort „die Arbuse“ aus und prüfen, ob die Bekanntmachung des Wortes vom Alter der Respondenten abhängig ist. Dazu wurden folgende Bezeichnungen eingeführt: wenn der Proband das Wort versteht, dann hat das Wort das Merkmal *A*, wenn nicht, das Merkmal „kein *A*“ oder „⊕“, das bedeutet, daß das Merkmal *A* fehlt.

Alle Probanden werden in drei Gruppen eingeordnet. Die Gruppe C_1 – Alter von 16 bis 29, die Gruppe C_2 – Alter von 30 bis 59, die Gruppe C_3 – Alter von 60 bis 82. So können die Untersuchungsergebnisse, die mit dem Wort „die Arbuse“ und dem Alter des Respondenten verbunden sind, in Form einer Tabelle von abhängigen Merkmalen dargestellt werden, wobei das Merkmal *A* die Wortgebräuchlichkeit ist und *C* das Alter der Untersuchungsteilnehmer darstellt.

die Arbuse

<i>CA</i>	<i>A</i>	⊕
C_1	$n_{1,1} = 1$	$n_{1,2} = 186$
C_2	$n_{2,1} = 5$	$n_{2,2} = 179$
C_3	$n_{3,1} = 5$	$n_{3,2} = 176$

Eine Person im Alter von 16 bis 29 versteht das Wort „die Arbuse“, 186 Personen verstehen das Wort nicht. 5 Personen im Alter von 30 bis 59 verstehen dieses Wort und 179 nicht. Im Alter von 60 bis 82 verstehen das Wort 5 Personen und 176 ist es fremd.

Die zu prüfende statistische Hypothese besagt folgendes: Das Merkmal *A* ist vom Merkmal *C* unabhängig, in unserer Situation hängt die Gebräuchlichkeit des Wortes „die Arbuse“ vom Alter des Respondenten nicht ab. Durch die Zahlen aus der Tabelle wird die χ^2 -Statistik nach der Formel 1:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^r \sum_{j=1}^s \frac{(n_{ij} - np_i \cdot p_j)^2}{np_i \cdot p_j}$$

[Cramer 1976: 478–479], berechnet:

$$\chi^2 = n \left(\sum_{i=1}^3 \sum_{j=1}^2 \frac{n_{ij}^2}{n_i \cdot n_j} - 1 \right) = n \left(\frac{n_{11}^2}{n_1 \cdot n_{.1}} + \frac{n_{12}^2}{n_1 \cdot n_{.2}} + \frac{n_{21}^2}{n_2 \cdot n_{.1}} + \frac{n_{22}^2}{n_2 \cdot n_{.2}} + \frac{n_{31}^2}{n_3 \cdot n_{.1}} + \frac{n_{32}^2}{n_3 \cdot n_{.2}} - 1 \right)$$

Vorhergehend wurden

$$n = \sum_{i=1}^3 \sum_{j=1}^2 n_{ij} = n_{11} + n_{12} + n_{21} + n_{22} + n_{31} + n_{32} = 552$$

und

$$n_1 = n_{11} + n_{12} = 187;$$

$$n_2 = n_{21} + n_{22} = 184;$$

$$n_3 = n_{31} + n_{32} = 181;$$

$$n_{.1} = n_{11} + n_{21} + n_{31} = 11;$$

$$n_{.2} = n_{12} + n_{22} + n_{32} = 541$$

ausgerechnet.

Zur Übereinstimmung mit dem χ^2 -Kriterium ist es notwendig, die Irrtumswahrscheinlichkeit – das Bedeutungs-niveau α – zu wählen. Hypothesen, die unter Zugrundelegung einer Irrtumswahrscheinlichkeit von $\alpha = 0.05 = 5\%$ (Signifikanzniveau) zurückgewiesen werden, stützen Aussagen, von denen man sagt, sie „liegen auf dem 5-Prozent-Niveau der Verlässlichkeit“. Entsprechend bezeichnet man Aussagen, denen eine Irrtumswahrscheinlichkeit $\alpha = 0.01 = 1\%$ zugrunde liegt, als „auf dem 1-Prozent-Niveau der Verlässlichkeit“ gesichert [Claus/Ebner 1974: 186–191].

Außerdem muss man die entsprechende Anzahl der Freiheitsgrade zählen, wie in unserem Beispiel $df = (3-1) \cdot (2-1) = 3$. Dann finden wir durch die Tabelle der χ^2 -Verteilung [Cramer 1976 : 610] den kritischen Wert $\chi_{0,05,2}^2 = 5.991$ über den Schnittpunkt der dritten Zeile und der elften Spalte, der der Irrtumswahrschein-

lichkeit 0.05 entspricht. Weiter wird der berechnete Wert der χ^2 -Statistik mit dem kritischen Wert verglichen.

Beim Prüfen von Hypothesen auf Stichprobenbasis können zwei Arten von Fehlschlüssen eintreten:

– wenn der berechnete Wert der Statistik χ^2 kleiner als χ_0^2 ($\chi^2 < \chi_0^2$) ist, wird eine Hypothese über die Unabhängigkeit der Merkmale auf Grund der Bedeutsamkeit angenommen.

– Wenn χ^2 gleich oder größer als χ_0^2 ($\chi^2 \geq \chi_0^2$) ist, wird die Hypothese über die Unabhängigkeit der Merkmale auf Grund der Bedeutsamkeit abgelehnt.

Wenn $\chi^2 < \chi_0^2$, in unserer Situation $3.079 < 5.991$, bedeutet das, dass eine Nullhypothese angenommen wird, d. h. die Gebräuchlichkeit des Wortes „die Arbeit“ hängt vom Alter der Respondenten nicht ab.

Beispiel 2

Nehmen wir noch ein anderes Beispiel: das Wort „der/das Kolchos“ und prüfen wir, ob der Bekanntheitsgrad des Wortes vom Alter der Respondenten abhängt. Die entsprechende Tabelle der Merkmale sieht so aus:

der/das Kolchos

C/A	A	\oplus
C_1	$n_{11} = 56$	$n_{12} = 131$
C_2	$n_{21} = 82$	$n_{22} = 102$
C_3	$n_{31} = 96$	$n_{32} = 85$

In diesem Fall wird die χ^2 -Statistik nach der oben genannten Formel 1 berechnet, dabei ist

$$n = n_{11} + n_{12} + n_{21} + n_{22} + n_{31} + n_{32} = 552$$

und

$$n_{1.} = n_{11} + n_{12} = 187;$$

$$n_{2.} = n_{21} + n_{22} = 184;$$

$$n_{3.} = n_{31} + n_{32} = 181;$$

$$n_{.1} = n_{11} + n_{21} + n_{31} = 234;$$

$$n_{.2} = n_{12} + n_{22} + n_{32} = 318.$$

Der χ^2 -Wert ist 20,617. Für dieselbe Irrtumswahrscheinlichkeit und die Anzahl der Freiheitsgrade bleibt der kritische Wert derselbe, u. zw. $\chi_0^2 = 5.991$. Vergleichen wir diese zwei Werte: $\chi^2 > \chi_0^2 - 20.617 > 5.991$. Das bedeutet, daß die Nullhypothese abgelehnt wird und der Bekanntheitsgrad dieses Wortes vom Alter des Respondenten abhängt. In diesem Falle wird dieses Abhängigkeitsmaß durch den Kontingenzkoeffizienten der Merkmale charakterisiert. Der Kontingenzkoeffizient informiert über den Grad des Zusammenhangs zwi-

schen zwei Variablen. Sind die Variablen nominalskaliert (entstammen die Merkmale qualitativ verschiedenen Gegenstandsklassen), dann wird ihr Zusammenhang durch einen Kontingenzkoeffizienten ausgedrückt [Claus/Ebner 1974: 115-116]. Nach der Formel [Kendall, Stuart 1973: 747]

$$C = \sqrt{\frac{\chi^2}{n \min(r-1)(m-1)}}$$

die Kramer vorgeschlagen hat, wird der Koeffizient bestimmt. n ist die Zahl der befragten Respondenten ($n = 552$), r ist die Altersgruppenzahl ($r = 3$), und m ist die Zahl der Gruppenmerkmale ($m = 2$). Als Ergebnis erhalten wir, dass $C = 0.193$, was für eine schwache Abhängigkeit dieser Merkmale spricht. Dieser Koeffizient wird von 0 für unabhängige Merkmale bis +1 für funktionell verbundene Merkmale (im Fall der vollen Verbindung) angewendet ($0 \leq C < +1$).

Schlußüberlegungen

Ausgehend von den erhaltenen Daten wollen wir fragen:

1. Wie ist der Bekanntheitsgrad der Entlehnungen in den einzelnen Altersgruppen (1–3)?
2. Gibt es einen statistisch signifikanten Unterschied beim Alter in der Gruppe der Probanden aus dem Osten, d.h. kennen die jüngeren Generationen weniger russische (u.a. slawische) Entlehnungen als die älteren?

Bevor die gegenwärtige Situation der Abhängigkeit/Unabhängigkeit entlehnter Wörter des untersuchten Korpus vom Alter der Vpn im Weiteren konstatiert wird, muss man diese Fragen beantworten. Zu 1) Bei der Arbeitshypothese sind wir davon ausgegangen, dass die Auswirkungen der staatlichen Teilung Deutschlands im Sprachgebrauch russischer (u.a. slawischer) Wörter über mehr als eine Generation zu neuen Unterschieden führten. Die Sprachveränderungen (bei der Untersuchung handelt es sich um den Bekanntheitsgrad entlehnter Wörter im Osten und Westen) werden in einem solchen Zeitraum als Generationsunterschiede im lexikalischen Bereich betrachtet, die man auch in relativ homogenen Sprechergemeinschaft beobachten kann. Natürlich darf man nicht vergessen, dass mit der staatlichen Teilung ab 1949 und gänzlich ab 1961 abrupt die Sprachbeziehungen zwischen den Regionen eingeschränkt wurden. Die Wirkung der russischen Sprache auf die östlichen Regionen und der englischen auf die westlichen wurde mehr oder weniger in den regionalen Generationsunterschieden fixiert. An dieser Stelle muss betont werden, dass die regionale Diversifikation des deutschen Sprachgebietes nicht neu ist. Damit ist es gemeint, dass sie die Elemente aller sogenannter Stammesdialekte (Alemannisch, Bairisch, Fränkisch und Altsächsisch/Niederdeutsch) umfasst,

worauf hier nicht näher eingegangen zu werden braucht.

Ausgehend von den erhaltenen Daten sind 28 % russischer (u.a. slawischer) Entlehnungen vom Alter der Untersuchungsteilnehmer abhängig. Die erste Altersgruppe (16–29) wird durch prozentuale Verhältnis 29 % zu 34 % (genauer 29.31 % zu 33.63 %) – West – Ost – charakterisiert. 33 % im Westen und 44 % im Osten (32.67 % zu 44.04 %) beweisen bei der zweiten Altersgruppe (30–59), dass der russische Spracheinfluss auf diese Generation im Osten stärker als im Westen war. Der Bekanntheitsgrad der Entlehnungen in der Altersgruppe (60–82) ist 36 % zu 48 % (35.46 % zu 47.73 %).

Wir kommen zur zweiten Eingangsfrage, ob es einen statistisch signifikanten Unterschied beim Alter in der Gruppe der Probanden aus dem Osten gibt. Nach der vergleichenden Analyse der erhaltenen Daten ist der Unterschied sichtbar: 34 % – 44 % – 48 %.

Daraus ergibt sich folgende Schlussfolgerung: die Bekanntmachung der zu prüfenden russischen (u.a. slawischen) Entlehnungen hängt bei 28 % der untersuchten Wörter vom Alter der Respondenten ab.

Das Merkmal AB (der Wohnort)

Es wird überprüft, wie die untersuchten Wörter mit dem Wohnort der Informanten verbunden sind, d.h., ob die regionale Gegebenheit irgendeine Rolle für den Bekanntheitsgrad dieser Wörter in der Rede spielt.

Das Merkmal A ist mit dem Bekanntheitsgrad des Wortes verknüpft und das Merkmal B hat sechs Bedeutungen: B₁ – Schleswig-Holstein, B₂ – Baden-Württemberg, B₃ – Bremen/ Hamburg, B₄ – Niedersachsen, B₅ – Sachsen, B₆ – Ost-Berlin/Brandenburg.

B₁, B₂, B₃, B₄ stehen für die westlichen Länder. B₅ und B₆ repräsentieren die östlichen Länder. Bremen und Hamburg auf der eine Seite, und Berlin und Brandenburg auf der anderen Seite, bilden in dieser Studie eine Einheit. Das hat keine politischen Gründe. Zuerst haben wir eine Befragung von Informanten durchgeführt und danach diese Länder (Hamburg/Bremen, Berlin/Brandenburg) zusammengefasst.

Beispiel 1

Im ersten Beispiel schauen wir uns das Wort „der Sputnik“ an. In der folgenden Tabelle sind die entsprechenden Werte zusammengestellt.

der Sputnik

B/A	A	⊕
B ₁	n ₁₁ = 86	n ₁₂ = 2
B ₂	n ₂₁ = 76	n ₂₂ = 11
B ₃	n ₃₁ = 95	n ₃₂ = 6
B ₄	n ₄₁ = 84	n ₄₂ = 4

B/A	A	⊕
B ₅	n ₅₁ = 84	n ₅₂ = 1
B ₆	n ₆₁ = 100	n ₆₂ = 3

Ausgehend von den Daten in der Tabelle kann man folgern, dass 86 Personen im Alter von 16 bis 82 aus Schleswig-Holstein das Wort „Sputnik“ verstehen und dass für 2 dieses Wort unbekannt ist. Im Baden-Württemberg verstehen das Wort 76 Personen und 11 nicht. Für 95 Personen im Alter von 16 bis 82 aus Bremen und Hamburg ist dieses Wort verständlich, für 6 ist das Wort unverständlich. 84 Respondenten aus Niedersachsen und dieselbe Zahl aus Sachsen verstehen das Wort. 4 Respondenten aus Niedersachsen und nur ein befragter Informant aus Sachsen verstehen „der Sputnik“ nicht. In Berlin und Brandenburg ist das Wort für 100 Respondenten verständlich und für 3 unverständlich.

Die Nullhypothese lautet: das Merkmal A hat mit dem Merkmal B nichts zu tun, in unserem Beispiel ist der Bekanntheitsgrad des Wortes mit dem Wohnort der Respondenten nicht verknüpft.

Nach Cramer [1976: 479] wird die χ²-Formel angewendet. Vorhergehend wurden alle notwendigen Werte für die arithmetische Grundrechenart berechnet, u. zw.

$$n = \sum_{i=1}^6 \sum_{j=1}^2 n_{ij} = n_{11} + n_{12} + n_{21} + n_{22} + n_{31} + n_{32} + n_{41} + n_{42} + n_{51} + n_{52} + n_{61} + n_{62} = 552.$$

$$n_1 = n_{11} + n_{12} = 88;$$

$$n_2 = n_{21} + n_{22} = 88;$$

$$n_3 = n_{31} + n_{32} = 11;$$

$$n_4 = n_{41} + n_{42} = 88;$$

$$n_5 = n_{51} + n_{52} = 85;$$

$$n_6 = n_{61} + n_{62} = 103;$$

$$n_{.1} = n_{11} + n_{21} + n_{31} + n_{41} + n_{51} + n_{61} = 525;$$

$$n_{.2} = n_{12} + n_{22} + n_{32} + n_{42} + n_{52} + n_{62} = 27.$$

Wie es schon gesagt wurde, sieht die Hauptstatistik für die Merkmale A und B so aus:

$$\chi^2 = \left(\sum_{i=1}^6 \sum_{j=1}^2 \frac{n_{ij}^2}{n_i n_j} - 1 \right) n.$$

Die entsprechende Anzahl der Freiheitsgrade ist 5 df_{AB} = (6–1)(2–1). Danach finden wir durch die Tabelle der χ²-Verteilung der Irrtumswahrscheinlichkeit von α = 0,05 des kritischen Wertes χ_{0,05,5} = 11.070 = χ_{α,f} = χ₀².

Jetzt wird der berechnete Wert der χ²-Statistik mit dem kritischen Wert verglichen.

Als Kriterium bleibt:

- wenn $\chi^2 < \chi_0^2$, dann Annahme von H_0 ;
- wenn $\chi^2 \geq \chi_0^2$, dann Zurückweisung von H_0 .

In unserem Beispiel $\chi^2 = 16.186$ ist größer als $\chi_0^2 = 11.070$ ($\chi^2 > \chi_0^2$), das bedeutet, dass der Bekanntheitsgrad des Wortes vom Wohnort der Respondenten abhängig ist. In diesem Falle kann die Abhängigkeit durch den Koeffizienten von Kramer charakterisiert werden

$$C = \sqrt{\frac{\chi^2}{n \min(r-1)(m-1)}}$$

wo n die Zahl der befragten Informanten ist ($n = 552$), r als die Zahl der Länder auftritt ($r = 6$), und m die Zahl der Gruppenmerkmale ist ($m = 2$). Als Ergebnis erhalten wir, dass C 0.171 gleich ist. Der Koeffizient zeigt die schwache Abhängigkeit.

Beispiel 2

Als weiteres Beispiel wählen wir das Wort *die Balalaika*.

Die entsprechende Tabelle hat folgendes Aussehen:

die Balalaika

B/A	A	⊕
B_1	$n_{11} = 70$	$n_{12} = 18$
B_2	$n_{21} = 64$	$n_{22} = 23$
B_3	$n_{31} = 87$	$n_{32} = 14$
B_4	$n_{41} = 70$	$n_{42} = 18$
B_5	$n_{51} = 69$	$n_{52} = 16$
B_6	$n_{61} = 72$	$n_{62} = 31$

Die χ^2 -Statistik wird durch die Formel 1 erhalten, dabei gilt

$$n = n_{11} + n_{12} + n_{21} + n_{22} + n_{31} + n_{32} + n_{41} + n_{42} + n_{51} + n_{52} + n_{61} + n_{62} = 552.$$

$$n_1 = n_{11} + n_{12} = 88;$$

$$n_2 = n_{21} + n_{22} = 87;$$

$$n_3 = n_{31} + n_{32} = 101;$$

$$n_4 = n_{41} + n_{42} = 88;$$

$$n_5 = n_{51} + n_{52} = 85;$$

$$n_6 = n_{61} + n_{62} = 103;$$

$$n_{.1} = n_{11} + n_{21} + n_{31} + n_{41} + n_{51} + n_{61} = 432;$$

$$n_{.2} = n_{12} + n_{22} + n_{32} + n_{42} + n_{52} + n_{62} = 120.$$

Die entsprechende Anzahl der Freiheitsgrade ist $df_{AB} = (6-1)(2-1) = 5$. Der kritische Wert χ_0^2 ist derselbe geblieben und ist 11.070 gleich. $\chi^2 = 9.637$. Der χ^2 -Wert wird mit dem χ_0^2 -Wert verglichen. Daraus folgt, dass χ^2 (9.637) kleiner als χ_0^2 (11.070) ist. Das bedeutet, dass die Nullhypothese angenommen wird und die Merkmale unabhängig sind.

Nach der Bearbeitung der Ergebnisse für die Merkmale *AB*, kann man feststellen, dass für 148 Wörter ($\approx 31\%$) die Nullhypothese angenommen wird und die Merkmale unabhängig sind, weil $\chi^2 < \chi_{\alpha, f}^2$. Für die anderen 325 Wörter kann man dagegen nicht sagen, dass die Merkmale unabhängig sind, weil $\chi^2 > \chi_{\alpha, f}^2$, und dann kann man die Kontingenzkoeffizienten – C berechnen, die die Abhängigkeit bestimmen.

Gegenwärtig wird die Frage nach russischen Wörtern im Deutschen kaum noch diskutiert. Bereits Bielheldt [1982: IX] hatte betont: „Eine sowohl alles umfassende und zugleich geschlossene Monographie über die slawischen, russischen Wörter im Deutschen aller Zeiten, geographischen Bereiche und Sprachschichten gibt es nicht und wird es vielleicht nie geben“. Wünschenswert und nötig scheint mir aber, eine weitere interdisziplinäre Zusammenarbeit von Germanisten und Slavisten auf dem Gebiet der Entlehnungen, die den Einfluss der Russizismen (u.a. slawischer Integrate) auf die deutsche Sprache genauer untersucht, und zwar in allen Kommunikationsbereichen. Wichtig wären auch Forschungsarbeiten zu den Stufen der Interferenz, zu den Fragen der Eindeutschung slawischer Integrate und zur Aufgabe, wieweit Russizismen in gemeinsprachlichen Texten die Kommunikation beeinflussen. Zur Zeit scheint in der Folge bestimmter politischer Entscheidungen auch ein anderer Problemkreis untersuchungswert, u. zw. die Fragen, die mit dem Zuzug von Deutschen aus Russland in die BRD verbunden sind.

Literaturverzeichnis

1. G. Bellmann. Slavoteonica. Lexikalische Untersuchungen zum slawisch-deutschen Sprachkontakt im Ostmitteleutschen. Berlin, New York 1971.
2. H. H. Bielheldt. Die slawischen Wörter im Deutschen. Ausgewählte Schriften 1950–1978. Leipzig, 1982.
3. J. Bortz. Statistik für Sprachwissenschaftler. Berlin, Heidelberg, New York, London 1993.
4. G. Claus, H. Ebner. Grundlagen der Statistik für Psychologen, Pädagogen und Soziologen. Berlin, 1974.
5. H. Cramer. Matematičeskie metodi statistiki. Moskva, 1976.

6. M. Kendall/A. Stuart. Statisticeskie vyvody i svjasi. Moskva, 1973.
7. E. Opel'baum. Vostocnoslavjanskije lexiceskie elementy v nemeckom jazyke. Kiev, 1971.

Wörterbücher

1. H. Klien. Fremdwörterbuch. Leipzig, 1954.
2. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A–Z. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
3. Duden. Fremdwörterbuch. Der Duden in 10 Bänder. Bd. 5. Mannheim; Wien; Zürich, 1990.
4. Duden. Das große Fremdwörterbuch. Mannheim, Leipzig, 1994.
5. R. Klappenbach/W. Steiniz. 1.Bd.-1967, 2.Bd.-1968, 3.Bd.-1970, 4.Bd.-1975, 5.Bd.-1976, 6.Bd.-1978: Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin.
6. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York, 1975.
7. W. Pfeifer. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989.
8. G. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. München, 1986.

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ

О.С. Потанина

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский политехнический университет

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам изучения класса абстрактных имен существительных и проблеме выделения данного класса в языке. Мы рассматриваем также классификации внутри этого класса в хантыйском языке и другие способы языковой репрезентации абстрактных понятий. Концептуальный анализ абстрактных имен в хантыйском языке будет основываться на сопоставительном исследовании с привлечением данных атабаскского языка навахо.

Как известно, словарный состав языка представляет собой определенную систему, единицы которой распределяются по частям речи на основе их семантико-грамматических признаков. Внутри каждой части речи выделяются лексико-грамматические разряды слов, которые непосредственно связаны с определенными морфологическими категориями.

В области имен существительных, в зависимости от онтологического характера предметов обозначения, Н.Г. Комлев выделяет следующие семантические классы слов-понятий, которые группируются по этому признаку на: субстанциальные, процессуальные, абстрактные, конструктивные. Это деление базируется на образах реального и лингвомыслительного мира [1, с. 45]. Свою классификацию имен существительных предлагает З.Н. Вердиева. Она считает, что все имена можно распределить на пять лексико-грамматических разрядов: а) подкласс живых существ; б) подкласс предметных имен существительных; в) подкласс веществ; г) подкласс событий и д) подкласс абстрактных понятий [2, с. 66]. В данном случае семантический признак положен в основу классификации абстрактных существительных. Согласно ее точке зрения, можно выделить лексико-семантические группы абстрактных существительных, обозначающие состояния, действия, качества, количество, время, пространственную ориентацию, способности, метод действия, результат мыслительной деятельности, определенные системы (язык), сведения, информацию [2, с. 106–110].

В лингвистической литературе вопрос о таксономии класса имен существительных можно счи-

тать до сих пор открытым, так как в силу того, что критерии разграничения слов на абстрактные и конкретные недостаточно изучены и теоретически обоснованы, а границы между абстрактными и конкретными существительными относительно, многие предложенные классификации имен существительных можно считать весьма условными. На основе принципов словообразования и стилистической принадлежности В. Сташайтене распределяет абстрактные существительные, с одной стороны, деривационной, на: а) имена как таковые (час, пора); б) существительные, восходящие к прилагательным (теплота < теплый); в) существительные, восходящие к глаголу (ходьба < ходить). С другой стороны, стилистической, все абстрактные существительные могут быть сгруппированы в соответствии с имеющимися стилистическими категориями: метафоры, аллегории и т.д. Кроме того, автор отмечает возможность распределения данных лексем на группы в зависимости от характерного отличительного смыслового признака [3].

Референциальная теория значений, по мнению Е. Кубряковой, также не очень удачна при анализе абстрактных имен, поскольку не у всех слов есть визуальные аналоги, образы и не всем могут сопутствовать сенсорные представления, не все слова могут вызывать их при своем употреблении [4, с. 71].

В грамматиках современных языков (например, русского, английского, немецкого) отмечается, что в плане морфологии абстрактные существительные могут быть охарактеризованы как преимущественно суффиксальные образования и в подавляющем большинстве не имеющие категории числа.

В хантыйском языке морфологическое образование абстрактных имен существительных развито слабо, оно представлено лишь несколькими малопродуктивными словообразовательными суффиксами. Большинство абстрактных существительных хантыйского языка представляют собой односложные корневые слова, что говорит о более древнем их происхождении. Классификация, предложенная А.А. Уфимцевой, наиболее приближенно характе-

ризует класс имен существительных в хантыйском языке. А.А. Уфимцева выделяет конкретную, конкретно-абстрактную и абстрактную лексику, каждая из которых разбивается на более мелкие подгруппы. Так, к конкретной лексике, по мнению ученого, относятся имена, обозначающие: а) конкретные неодушевленные исчисляемые предметы; б) вещества и материалы; в) одушевленные лица и г) представителей животного мира. На границе абстрактной и конкретной лексики находятся слова, обозначающие: д) названия химических, физических и механических свойств; е) уникальные предметы физического мира, явления природы. В подкласс абстрактных имен включены: ж) имена ирреальных предметов и мыслительных конструктов; з) названия родовых понятий и к) имена метаязыковых понятий [5, с. 105, 108, 113; 6, с. 128–130]. Примером данной классификации в хантыйском языке может служить шкала конкретности–абстрактности.

Наивысшую степень абстрактности в хантыйском языке имеют общие имена, «безденотатные» имена. Примеров научных терминов, выражающих чисто теоретические понятия из различных сфер интеллектуальной деятельности человека, по известным причинам не обнаружено. Основным признаком, по которому выделяются абстрактные существительные, – это «отсутствие денотата, который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности» [7, с. 6–7].

Например:

(вас.) *il* «душа», *lil* «дух», *tordm* «бог», *junʃ* «дьявол», *tärj-aŋ junʃ* «злой дух», *kum* «время», *pormds* «вещь», *tin* «цена», *wer* «дело», *laŋ* «слух», *aj* «жалоба», *inär* «действие», *pilt-dw* «помощь», *unal juʃ* «веха», *wal-wds* «жизнь», *aja* «удача», *tsäʃaf* «стыд, гадость» (окказиональная абстрактность), *kinʃ* «беда», *kor-ds* «ноша», *ärjan* «долг», *kanʃ-wds* «болезнь», *ʃkar* «зараза», *tuj* «яд, отравка», *ip* «жертва», *alaŋ* «начало, сначала», *ewjal* «запах», *konör* «мгновение», *jönä* «основа», *sermja* «уровень», *kor* «образ»;

(вах.) *jol* «колдовство», *kor-as* «внешность», *nul-wds* «клятва», *laldm-wds* «воровство»;

(шур.) *aj pora* «детство», *aj* «новость», *altel* «бремя, ноша», *anʃ* «польза», *art* «время, возраст», *woy-apsd* «просьба, призыв», *kafʃ* «болезнь», *lij* «дыхание», *lij fuw* «воздух», *ljalʃ* «борьба, война», *muf* «болезнь, рана», *njöt-apsd* «помощь», *nufa* «бедность», *nip* «ноша», *ontas* «польза», *part-apsd* «просьба», *pojʃ* «просьба, мольба», *goraʃ* «обман», *ripata* «работа», *sarm* «смерть», *sart* «беда», *sjasʃ* «чутье», *toras* «препятствие», *tin* «цена», *ul-apsd* «жизнь», *umasʃ* «чудо», *yanja* «тайна», *ʃitam* «тишина», *epal* «запах, вкус».

В «Русской грамматике» отмечается, что абстрактные существительные обозначают различные

понятия времени, меры, массы, веса, расстояния, понятия категорий предметного мира, географические реалии, астрономические и природные явления, понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам его деятельности [8, с. 462].

Ниже по шкале абстрактности следуют имена, называющие обобщенные черты качеств, состояний, присущих человеку (связанные с интеллектуальной, психологической деятельностью и моралью).

Например:

(вас.) *wij* «злость, хитрость», *nam-ds* «ум», *wöy* «сила», *njalʃi-wds* «радость», *os* «терпение», *tus* «умение»;

(вах.) *pit-wds* «злость», *lij-wds* «упрямство»;

(шур.) *amt-apsd* «радость», *wew* «слабость», *wura* «упрямство», *eldm* «стыд», *lij* «злость», *mutra* «мудрость», *oi* «счастье», *paltap* «страх», *renʃ* «сила», *yor-as* «внешний вид, красота», *anja* «красота», *jur* «гордость», *kaf* «веселье», *lepalt-apsd* «обман», *marem* «скука», *maf* «каприз», *num-as* «ум», *nur* «вина», *olam* «сон», *sjöm* «сила», *sjunʃ* «счастье, богатство», *yor-am* «красота, украшение», *fuk* «горе, лень», *jast-apsd* «обещание, долг».

Далее следуют понятия времени, меры, веса, расстояния.

Например:

(вас.) *kjalva* «расстояние до видимого», *kow-at* «длина», *ket* «период». Эти абстрактные существительные часто оформляются посессивными суффиксами: *jeʃat-al* «его размер», *kamtat-al* «его длина», *pjalat-am* «мой рост»;

(шур.) *wut-aŋ* «ширина», *jis* «век», *kum* «время», *kut* «период», *lawart* «тяжесть», *low-at* «размер», *pal* «рост», *yuw-at* «длина».

Ученые единодушны в отношении того, что обозначают или подразумевают абстрактные существительные, нельзя увидеть или потрогать. То есть их денотаты непредметны, они не принадлежат к конкретному физическому миру. «За собственно абстрактными субстантивами стоит мир метафизический, а за всеми абстрактными именами – мир невидимый» [9, с. 286].

Наиболее приближенными к классу конкретных имен оказываются слова, отсылающие к объектам реальности (посредством конкретных слов, формирующих абстрактное понятие). Эта группа немногочисленна. Сюда же можно отнести имена уникальных объектов, реалий, природных явлений.

Например:

(вас.) *para* «стая», *jaʃ* «народ», *waj-ki* «табун, стая», *if* «запас», *täsʃ* «имущество»;

(шур.) *woi-yul* «стадо», *jöy* «народ», *letdt* «еда», *porm-ds* «утварь», *pukt* «стая», *rut* «родня», *tasʃ* «богатство, стадо», *sop-ds* «запас»;

(вас.) *masam, kjatäm* «жара», *ir* «ненастье», *meľäk* «теплота»;

(шур.) *ički* «холод, мороз», *jölay* «прохлада», *ert* «дождь», *meľdk* «оттепель», *nai* «солнце», *nuľju* «радуга», *ruw* «жара», *turđm* «небо», *tiľaç* «луна», *yatl* «солнце, день», *yus* «звезда», *yuč* «рассвет», *yutl-đp* «заря», *fuw* «туман».

Х.-Й. Шмид выделяет так называемые абстрактные shell nouns, которые являются важным универсальным лингвистическим и концептуальным средством, мощным орудием характеристики высказывания, выражения своего отношения и даже манипуляции своими и чужими идеями [10]. С помощью таких абстрактных существительных говорящий может описать «кусочек» своего опыта в довольно общем виде, поскольку слово периодически употребляется и относится к определенному типу опыта, и эта повторяющаяся ассоциация между языковой формой и идеей приводит к формированию более или менее устойчивого понятия [10, с. 15–16].

В работах лингвистов встречаются также следующие термины для обозначения таких существительных, как shell nouns у Х.-Й. Шмида: у Вендлера [11, с. 72–82] – это container nouns; у Халлидея и Хасана [12, с. 274–277] – general nouns (напр., вещь, предмет, дело, место, идея и т.д.), которые в основном служат для связности текста; у Болингера [13] и Уинтера (цитата по: [12]) – unspecific nouns; у Франсиса (цитата по: [12]) – anaphoric nouns (существительные «познания» – анализ, концепт, сомнение, перспектива, вид и т.д.; «бесхозные» существительные – аспект, контекст, факт, вопрос, проблема); у Кренна (цитата по: [12]) – «lexical references» (вещь, суть, вопрос); у Иванича (цитата по: [12]) – cartier nouns.

В случае исследования семантики абстрактного имени метод компонентного анализа семантики слова «уступает место концептуальному анализу, формализующему то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии (речью)» [9, с. 286].

Эмоциональные концепты, такие как «счастье», например, не находят своего прямого и точного отражения в хантыйском языке. Тем не менее, выразительного потенциала языка достаточно для того, чтобы выразить эмоциональные состояния человека. На примере эмоциональных концептов «счастье», «радость» и «страх» мы попробуем выявить специфику выражения этих абстрактных понятий в хантыйском языке и сравним языковые интерпретации этих понятий с их интерпретациями в языке навахо.

Счастье понимается и носителями хантыйского языка и навахо в первую очередь как удача, успех и благосостояние:

(шур.) *oi* «счастье»

(шур.) *sjun* ' «счастье, богатство»

(алекс.) *im wişđm* «Я живу хорошо»

(нав.) *hózhó náhástlii'* досл. «все стало снова хорошо»

(нав.) *hózhó 'ó úiná ádoohhiť* досл. «вы (двое) хорошо устройте свою жизнь»

(нав.) *hazhó 'ó naniná* досл. «осторожно иди (по жизни)»

Примеры выше дают основание заключить, что счастье носителями обоих языков понимается как везение, удачно складывающиеся жизненные обстоятельства.

Но в обоих языках также обнаруживаются примеры, которые демонстрируют связь понятия счастья с состоянием удовольствия, удовлетворения и радости.

(алекс.) *jemeki* «хороший»

(алекс.) *mänä jemeki* «я чувствую себя хорошо»

(алекс.) *mä tistaldm* «я грущу»

(нав.) *hózhó* «доброта»

(нав.) *nizhóni* «красивый»

(нав.) *hózhóni* «хороший, добрый»

(нав.) *shiť hozhó* «я счастлива»,

(нав.) *biť hózhó* «он счастлив»

Можно отметить, что в обоих языках находит выражение инвариантная часть концепта счастье, которая отражает общую форму человеческого отношения к миру.

Концепт «радость» понимается носителями обоих языков как внутреннее состояние человека. В языке навахо также обнаруживается важность чувства радости для толкования понятия счастья.

(шур.) *amtapsđ* «радость»

(шур.) *kaf* «веселье»

(алекс.) *jemeki* «хороший»

(алекс.) *mänä jemeki iki* «мне хорошо (весело)»

(алекс.) *manä atamaki iki* «мне плохо (грустно)»

(каз.) *sametan amdť tailđm* «в сердце радость держу»

(вас.) *mä nätläysđm* «я веселюсь»

(вас.) *njal'kijwđs* «радость»

(нав.) *biť hózhó* «он/она счастлив»

Из этих примеров следует, что «радость» носителями обоих языков понимается как внутреннее состояние духа субъекта. Данные примеры не свидетельствуют о том, что такое состояние может включать в себя отношения двух субъектов: как радовать кого-то или кто-то (что-то) радует меня.

Анализ этих примеров позволяет исследовать определенные части концепта, которые репрезентируются в данных языках, какие различия и сходства в мировоззрении носителей этих языков они обнаруживают.

В заключение можно отметить, что при недостаточных внутренних словообразовательных ресурсах в языке тем не менее находят свое выражение сложные абстрактные понятия, хотя сопоставительный анализ свидетельствует, что четких описательных моделей не существует.

Литература

1. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992.
2. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М., 1986.
3. Сташайтене В. Абстрактная лексика на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков. Вильнюс, 1973.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
7. Феокистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л., 1984.
8. Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1, 2.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
10. Schmid H.-J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells: from Corpus to Cognition // Topics in English Linguistics 34 (eds. Kortmann B., Traugott E.C.). Berlin, New York, 2000.
11. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. Papers on formal linguistics 5. The Hague, Paris, 1968.
12. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, New York, 1976.
13. Bolinger D. Meaning and form. London, New York, 1977.
14. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
15. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л., 1985.

Принятые сокращения

алекс. — александровский диалект хантыйского языка, вас. — васюганский диалект хантыйского языка, вах. — ваховский диалект хантыйского языка, шур. — шурышкарский диалект хантыйского языка, нав. — навахо.

П.М. Кузнецов

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТА В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский государственный педагогический университет

Под средствами выражения признака предмета (СВПП) мы понимаем совокупность лексических единиц, которые могут употребляться в функции определения к именам существительным. Предмет понимается нами в широком смысле: он может быть конкретным и абстрактным, одушевленным и неодушевленным.

Сначала рассмотрим морфологически неоформленные СВПП, которые мы называем формами основного падежа существительного в роли средств выражения признака предмета (ФОПС СВПП), так как они формально совпадают с основным падежом существительного. Представляется возможным провести классификацию данных определений по критерию атрибутивных отношений, существующих между определяемой и определяющей основами, в результате чего выделяются разряды ФОПС СВПП, где последние обозначают: 1) признак, связанный с принадлежностью определяемому лицу или границам территории, напр.: *as'i nam* (шурш.)

‘имя отца’ (*as'i* ‘отец’, *nam* ‘имя’) [1, с. 19]; *jäyäl äysäl* (вас.) ‘гриб, произрастающий в березняке’ (*jäyäl* ‘березняк’, *äysäl* ‘гриб’) [2, с. 65]; *pan rüt* (шурш.) ‘песок на отмели’ (*pan* ‘отмель’, *rüt* ‘песок’) [1, с. 93]; 2) признак, связанный с тем, что определяемое является частью целого, напр.: *oypi aŋkäl* (тр.-юг.) ‘дверной косяк’ (*oypi* ‘дверь’, *aŋkäl* ‘столб’) [2, с. 24]; *sohäl wur* (каз.) ‘край доски’ (*sohäl* ‘доска’, *wur* ‘край’) [3, с. 23]; 3) признак, связанный с национальным происхождением определяемого, напр.: *səran oŋk* (вах.-вас.) ‘сера зырян’ (смола) (*səran* ‘зыряне’, *oŋk* ‘сера’) [2, с. 447]; *ur hot* (шурш.) ‘ненецкий дом’ (чум) (*ur* ‘ненец’, *hot* ‘дом’) [1, с. 83]; 4) признак, связанный с отношением определяемого к биологическому виду (флоры или фауны), а также к части тела или ко всему телу человека или животного, напр.: *n'ayər löy* (вах.-вас.) ‘скорлупа кедровых орехов’ (*n'ayər* ‘кедр’, *löy* ‘кость’) [4, с. 995]; *mojpar hot* (каз.) ‘берлога’ (*mojpar* ‘медведь’, *hot* ‘дом’) [4, с. 896]; 5) признак, связанный

с отношением определяемого ко времени, напр.: *ittn un't'l'* (юг.) 'вечерняя заря' (*ittn* 'вечер', *un't'l'* 'заря') [2, с. 57]; *alaŋ hun't* (шурш.) 'утренняя заря' (*alaŋ* 'утро', *hun't* 'заря') [1, с. 13]; 6) признак, связанный с материалом, из которого изготовлено определяемое, напр.: *oŋk čäm* (вас.) 'стеариновая свеча' (*oŋk* 'смола', *čäm* 'свеча') [2, с. 39]; *kew hot* (каз.) 'каменный дом' (*kew* 'камень', *hot* 'дом') [4, с. 41]; 7) признак, связанный с предназначением определяемого для чего-либо, напр.: *aŋərnə ƙotəp* (сал.) 'сеть для ловли язей' (*aŋərnə* 'язь', *ƙotəp* 'ставная рыболовная сеть') [2, с. 21]; *šaj put* (шурш.) 'чайник' (*šaj* 'чай', *put* 'котел') [1, с. 94].

Значение первого, определяющего слова во многом обусловлено значением определяемого. Выявленные нами семантические разряды существуют как в северной, так и восточной диалектной группе.

Атрибутивная функция в диалектах хантыйского языка выражается также морфологически оформленными СВПП. Причем существуют простые и сложные морфологически оформленные СВПП. Сначала рассмотрим простые СВПП, состоящие из одной основы, морфологически оформленной суффиксом, придающим данному слову значение признака предмета. Проанализируем значения таких суффиксов в диалектах хантыйского языка.

В хантыйском языке наиболее распространены четыре суффикса, каждый из которых, присоединяясь к именной основе, способен образовать лексему со значением атрибутивности. Это суффиксы *-i/-i* (повс.), *-ŋ* (повс.) и *-ləy* (вах.-вас.)/*-ləy* (сев.-вост., кроме сал.)/*-tə* (сал.)/*-l̥i* (северн.). Два и более из указанных суффиксов одновременно к одной именной основе присоединиться не могут.

В хантыйском языке основное значение суффикса *-i/-i* можно обобщенно интерпретировать как «относящийся к чему-либо». СВПП на *-i/-i* могут обозначать признак предмета по его содержанию, наполнению. Наполнение в данном случае – это множество мелких однородных предметов, обозначаемых собирательным существительным, либо то, что предмет содержит в себе, напр.: *juy-i pāsar* (аг., у.-аг.) 'поленница' (*juy* 'дерево', *pāsar* 'поленница') [2, с. 87]; *jəŋk-i lat* (вах.) 'лужа, топкое место' (*jəŋk* (повс.) 'вода, жидкость', *lat* (вах.) 'место') [2, с. 94]; *hul-i oŋəl* (каз.) 'нарта с рыбой' (*hul* 'рыба', *oŋəl* 'нарта') [4, с. 40].

СВПП на *-i/-i* также могут обозначать признак, который определяет предмет по его отношению ко времени, напр.: *huŋ-i waj* (шурш.) 'летняя обувь' (*huŋ* 'лето', *waj* 'обувь') [1, с. 42].

Значение суффикса *-ŋ* во всех диалектах и восточной, и северной групп можно обобщенно интерпретировать так же, как и значение аналогичных суффиксов в других угорских языках – «значение

обладания». Об этом можно говорить, основываясь на исследованиях ученых [5, с. 56; 6, с. 66], а также – на результатах сплошной выборки из словарей, содержащих материал по диалектам различных групп хантыйского языка [1, 2, 3, 4, 7 и 8].

Представляется возможным разложить значение обладания на ряд составляющих. Так, СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, который определяет предмет по обладанию другим предметом или вещью. Обладание мыслится как неотъемлемая часть определяемого предмета. Определяемое характеризуется здесь в материальном (физическом) аспекте, напр.: *awt-əŋ* (вах.-вас.) 'волосатый, лохматый, кудлатый' (*awt* (вах.-вас.) 'волос') [2, с. 20]; *təh̄l-əŋ homelha* (каз.) 'стрекоза, шершень' (*təh̄l* 'крыло', *homelha* 'букашка', т.е. досл.: «букашка с крыльями») [4, с. 497].

СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, который определяет предмет по обладанию другим предметом в качестве собственности. Причем предмет владения не является неотъемлемой частью определяемого, напр.: *šaj-əŋ* (вас.) 'зажиточный' (*šaj* 'одежда') [4, с. 243]; *law-aŋ* (шурш.) 'имеющий лошадь' (*law* 'лошадь') [1, с. 40].

СВПП на *-ŋ* иногда обозначают и признак, характеризующий определяемый предмет по обладанию навыками какого-либо дела или по отношению к какому-либо делу или мероприятию, в которое он (определяемый предмет) вовлечен, напр.: *čipān-əŋ* (вах.-вас.) 'умеющий колдовать, знающий колдовство' (*čipān* (вах.-вас.) 'колдовство') [2, с. 42]; *tus-aŋ* (шурш.) 'умелый' (*tus* 'умение, мастерство') [1, с. 81].

Помимо этого СВПП на *-ŋ* могут обозначать признак, характеризующий определяемый предмет по обладанию чем-либо, что метафорически интерпретируется как обладание свойством или качеством и в конечном счете имеет метафорическое значение, напр.: *sətm-əŋ ƙo* (тр.-юг.) 'смелый человек' (*sətm* 'сердце', *ƙo* 'человек') [2, с. 447], т.е. досл.: «человек с сердцем»; *uŋəl-aŋ-n'alam-aŋ* (шурш.) 'очень разговорчивый' (*uŋəl* 'рот', *n'alam* 'язык'), т.е. досл.: «имеющий рот и язык» [1, с. 83].

Единицы с суффиксом *-ləy/-ləy/-tə/-l̥i* обнаруживают два значения.

Во-первых, СВПП с суффиксом лишительности обозначают признак, характеризующий определяемый предмет по отсутствию у него другого предмета или вещества. Определяемое характеризуется здесь в материальном (физическом) аспекте, напр.: *āŋət-ləy weli* (вах.-вас.) 'безрогий олень' (*āŋət* 'рог', *weli* 'олень') [2, с. 32]; *sām-l̥i* (шурш.) 'слепой' (*sām* 'глаз') [1, с. 220].

Во-вторых, СВПП с суффиксом лишительности обозначают признак, характеризующий определяемый предмет по отсутствию какого-либо качества

(как обязательного свойства определяемого). Определяемое характеризуется здесь в аспекте отсутствия вещей, при определении которых используются абстрактные понятия, напр.: *ǎj-ləy* (вах.), *ǎj-tə* (сал.) ‘несчастный’ (*ǎjə* (вах.), *ǎtə* (сал.) ‘счастье’) [2, с. 30]; *möt-lǐ* (каз.) ‘здоровый’ (*möt* ‘болезнь’) [4, с. 891].

Судя по проработанному материалу, ни один из суффиксов, указывающих на значение СВПП, не имеет такого значения, которое имелось бы в одном диалекте и отсутствовало бы в другом. Значения всех суффиксов во всех затронутых нами диалектах схожи.

Далее рассмотрим словообразовательную и семантическую структуру хантыйских сложных СВПП, а также произведем их классификацию с учетом семантического и грамматического критериев.

При классификации мы будем руководствоваться двумя критериями: грамматическим (к какой части речи принадлежит первая основа композита) и семантическим (по какому параметру характеризуется вторая основа). Первоначально мы проведем грамматическую классификацию и выделим разряды по принадлежности первой основы к той или иной части речи. Внутри данных разрядов проведем семантическую классификацию.

В композитах с первой основой – прилагательным закрытого класса – по семантическому критерию обозначаемый признак может быть охарактеризован по целому ряду параметров.

Так, первая основа таких композитов может характеризовать обозначаемый признак по цвету, напр.: *w'artä-ḡos-əw* (вас.) ‘краснозвездный’ (от *w'artä* ‘красный’; *ḡos* ‘звезда’) [7, с. 57]; *pitǐ-tuš'-əp iki* (каз.) ‘чернобородый, черноусый старик’ (*pitǐ* ‘черный’, *tuš'* ‘усы и борода’, *iki* ‘старик’) [9, с. 5].

Обозначаемый признак может характеризоваться по интенсивности, насыщенности, степени его содержания, напр.: *alkǐ-kör'-əw* (вас.) ‘слабоногий’ (от *alkǐ* (вас.) ‘слабый’; *kör* ‘нога’) [7, с. 28]; *ohəl-olm-əp* (каз.) ‘имеющий слабый сон’ (*ohəl* ‘зыбкий, некрепкий’, *oləm* ‘сон’) [4, с. 67].

Прилагательные закрытого класса в роли первой основы сложных СВПП могут характеризовать обозначаемый признак по форме или внешнему виду, напр.: *walaḡ-sämp'-əw* (вас.) ‘косоглазый’ (от *walaḡ* ‘косой’, *sämp* ‘глаз’) [7, с. 44].

Обозначаемый признак может характеризоваться и по физическому свойству или состоянию, напр.: *ḡomsəy-oy-əw* (вас.) ‘пустоголовый’ (от *ḡomsəy* ‘пустой’, *oy* ‘голова’) [7, с. 108]; *lawərt-uh-əp ne* (низ.) ‘беременная женщина’ (*lawərt* ‘тяжелый’, *uh* ‘живот’) [4, с. 743].

Обозначаемый признак иногда характеризуется по размерам и прочим свойствам в пространстве,

напр.: *ǎllə-juy-əw jāyəl* (вас.) ‘березняк из больших деревьев’ (*ǎllə* ‘большой’, *juy* ‘дерево’, *jāyəl* ‘березняк’) [2, с. 65].

В качестве первой основы сложных СВПП в хантыйских диалектах могут выступать прилагательные закрытого класса, имеющие значение оценки («плохой» и «хороший»), напр.: *ätəm-ewl'-əw* (вас.) ‘худобахнувший’ (от *ätəm* ‘плохой’; *ewəl* ‘запах’) [7, с. 41]; *wan-nöms-əp* (каз.) ‘неуравновешенный’ (*wan* ‘большой’, *nöms* ‘душа’, т.е. досл.: «с большой душой») [4, с. 1002].

Кроме того, обозначаемый признак может быть охарактеризован по физическим свойствам людей и животных, напр.: *köli-tur-p ḡo* (тр.-юг.) ‘человек с чистым, звонким голосом’ (*köli* ‘гладкий, хорошо идущий’, *tur* ‘горло’) [4, с. 625]; *n'ar-oh-pi* (шурш.) ‘лысый’ (*n'ar* ‘голый’, *oh* ‘голова’) [1, с. 56].

Сложные СВПП с определяющей основой – ФОПС СВПП – по семантическому критерию мы подразделяем на две группы. Во-первых, обозначаемый такими композитами признак может быть охарактеризован по умственным и духовным качествам людей и животных, напр.: *wij-nams-əw* (вас.) ‘хитроумный’ (от *wij* ‘злой, хитрый’; *nams* ‘ум’) [7, с. 53]. Во-вторых, определяющая (первая) основа данных сложных СВПП может обозначать предмет, с которым сравнивается то, на что указывает их вторая основа, напр.: *kör'ak-n'öl-əw* (вас.) ‘горбоносый (с горбатым носом)’ (от *kör'ak* ‘орел’, *n'öl* ‘нос’) [2, с. 81], т.е. досл.: «имеющий нос, как у орла».

Композиты с первой основой – именем на *-ŋ* – характеризуют обозначаемый признак по обладанию чем-либо, напр.: *awtaŋ-oy-əw ḡasǐ* (вах.), *optəŋ-oy-əp ḡo* (тр.-юг.) ‘человек с лохматой головой’ (*awtaŋ* (вах.), *opt-əŋ* (тр.-юг.) ‘волосатый, с волосами’, *oy* ‘голова’, *ḡasǐ* (вах.), *ḡo* (тр.-юг.) ‘человек’) [2, с. 20].

Довольно многочисленную группу составляют композиты, первой основой которых является имя числительное, напр.: *kit-jöt-əp ḡat* (тр.-юг.) ‘двухэтажный дом’ (*kit* ‘два’, *jöt* ‘этаж’, *ḡat* ‘дом’) [2, с. 87]; *əj-jij-pi* (обд.) ‘от одного отца’ (*əj* ‘один’, *jij* ‘отец’) [4, с. 17].

Выделяются также композиты с первой основой – наречием «много» или «мало», напр.: *ārki-jay-əw* (вас.) ‘многолюдный’ (от *ārki* ‘много’; *jay* ‘люди’) [7, с. 37–38]; *ḡičəl-täs'-əw* (вас.) ‘малоимущий’ (от *ḡičəl* ‘мало’; *täs* ‘имущество’) [7, с. 119]; *ar-hor-pi* (шурш.) ‘разный’ (*ar* ‘много’, *hor* ‘образ’), т.е. «имеющий много образов» [1, с. 15].

Суффиксы *-i/-ǐ* и *-ŋ* также иногда оформляют композиты со значением СВПП в хантыйском языке. Отмечаются случаи параллельного употребления этих суффиксов с формантом *-əw/-əp/-pi*, когда к одной и той же основе, занимающей второе место в композите, присоединяется и один из суффиксов

-i/-i или -η и также суффикс -əw/-əp/-pi, напр.: *kaγ-oy-əw r'at*, *kaγ-oy-əη r'at* (вас.) 'седоголовый старик' (*kaγ* 'седой', *oy* 'голова', *r'at* 'старик') [2, с. 142; 7, с. 102].

В качестве СВПП в хантыйских диалектах может выступать и причастие как настоящего времени (причастие-I), так и прошедшего времени (причастие-II). Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-I в значении активного залога может обозначать: 1) признак, состоящий в предназначении определяемого (неодушевленного) предмета со значением, как правило, рабочего инструмента, напр.: *wəsitə way* (у.-аг.) 'долото' (*wəsitə* 'дырявящий', *way* 'железный предмет') [2, с. 28]; *jöntastī mašina* (шурш.) 'швейная машина' (*jöntastī* 'шьющий', *mašina* 'машина') [1, с. 26]; 2) признак, связанный с родом деятельности определяемого (одушевленного) предмета, самое существенное для определяемого предмета занятие, на основании которого его можно выделить из прочих ему подобных и по критерию которого можно объединить ряд (одушевленных) предметов в такую общность, как «люди определенной профессии» или «вид животных», напр.: *l'al'stī jöh* (шурш.) 'солдаты' (*l'al'stī* 'воюющий', *jöh* 'люди') [1, с. 24]; *lähliłtə kaməlki* (вах.) 'пчела' (*lähliłtə* 'летающий', *kaməlki* 'букашка'), т.е. досл.: «летающая букашка» [4, с. 738]; *n'ahitj woj* (шурш.) 'куропатка' (*n'ahitj* 'смеющийся', *woj* 'зверь') [1, с. 81]. Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-I в значении пассивного залога может обозначать: 1) признак, показывающий, что определяемый предмет является местом, предназначенным для проведения действия, напр.: *aməstə pəsän* (тр.-юг.) 'стул' (*aməstə* 'сидящий', *pəsän* 'стол'), т.е. досл.: «стол, подверженный сидению» [2, с. 28]; *hatlitj taha* (шурш.) 'каток' (*hatlitj* 'скользящий', *taha* 'место'), т.е. досл.: «место, подверженное скольжению» [1, с. 87] (повсеместно); 2) признак, состоящий в том, что предмет является непосредственным объектом действия, напр.: *altj kešj* (берез., каз., обд.) 'шашка' (*altj* 'носить', *kešj* 'нож'), т.е. досл.: «нож, подвергаемый ношению» [4, с. 77] (только северные диалекты).

Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-II в значении активного залога может обозначать признак, появившийся у предмета после совершения данным предметом определенного действия, выраженного глагольной основой причастия-II, напр.: *čitəm n'an* (аг.) 'кислый хлеб' (*čitəm* 'скисший', *n'an* 'хлеб') [2, с. 42]; *hojm lipat* (шурш.) 'упавший лист' (*hojm* 'упавший', *lipat* 'лист') [1, с. 88]. Выполняя определительную функцию, хантыйское причастие-II в значении пассивного залога обозначает признак, который появился у предмета после того, как данный предмет подвергся определенному действию, которое выражено

глагольной основой причастия-II, напр.: *ältəm l'opi* (вах.) 'поношенная одежда' (*ältəm* 'поношенный', *l'opi* 'одежда') [4, с. 77]; *sāwam* (шурш.) 'связанный' [1, с. 75].

Говоря об определительной функции, нужно затронуть и проблему выражения значений степеней сравнения в хантыйском языке. Превосходная степень в хантыйском языке выражается аналитически – сочетанием СВПП с наречием, имеющим значение «очень», или с местоименным прилагательным, имеющим значение «самый», напр.: *čəkkə əllə* (вас.) 'очень большой' (*čəkkə* 'очень', *əllə* 'большой') [7, с. 289]; *šəjk huramaŋ* (каз.) 'очень красивый' (*šəjk* 'очень', *huramaŋ* 'красивый'); *met huramaŋ* (каз.) 'самый красивый' (*met* 'самый', *huramaŋ* 'красивый') [4, с. 435]. В северных диалектах превосходная степень может выражаться и послеложными конструкциями количественного сравнения.

Сравнительная степень во всех диалектах хантыйского языка выражается посредством послеложных конструкций количественного сравнения (ККС). В выражении обеих степеней сравнения между северными и восточными диалектами обнаруживаются различия.

В ККС, выражающих сравнительную степень, в северных диалектах используются два послелога (*kinš'a* 'в сравнении', *əwəlt* 'от'), в то время как в восточных диалектах – только один послелог (*kin't'a* (сев.-вост.), *niŋit* (вах.), *niŋə* (вас.)). Послелоги северной группы могут присоединять притяжательные и падежные окончания, напр.: *Apsem ma kinšam-a karas* (каз.) 'Мой младший брат выше меня' (*apsem* 'мой младший брат'; *ma* 'я'; *kinšam* – послелог сравнения + прит. аффикс ед. ч. 1-го л. -m + формант дат.-направительного пад. -a; *karas* 'высокий').

В отличие от этого, послелог восточных диалектов, кроме вах-васюганского, может оформляться только притяжательными аффиксами, напр.: *Lūy ma kin't'a-γət ənəl* (юг., аг., у.-аг., у.-юг., тр.-юг.) 'Он старше меня' (*lūy* 'он'; *ma* 'я'; *kin't'a* – послелог сравнения + прит. суфф. 1-го лица ед. числа -γət; *ənəl* 'старший') [2, с. 112].

В вах-васюганских ККС послелог сравнения *niŋit* (вах.) и *niŋə* (вас.) морфологически не оформляется вообще, напр.: *Lūy mən niŋit əlləki* (вах.) 'Он меня старше' (*lūy* 'он'; *mən* – меня; *niŋit* – послелог сравнения; *əllə* 'большой' + предикативный суфф. -aki) [2, с. 536].

В выражении превосходной степени различия следующие: в северных диалектах употребляются ККС со значением по типу «Платье белее белого (Платье от белого белое)», напр.: *Jernäs-l nuwi kinš'a nuwi* (каз.) 'Платье белее белого' (*jernäs* 'платье' + прит. аффикс 3-го лица ед. ч. -l, *nuwi* 'белый', *kinš'a* – в сравнении) [4, с. 435]. В восточных диа-

лектах превосходную степень сравнения ККС не выражают и употребляются только для выражения сравнительной степени. Так же в вах-васюганском диалекте восточной группы отсутствует наречие со значением «самый», которое есть в остальных восточных диалектах (mata) и в северных диалектах (met).

Таким образом, о всех диалектах хантыйского языка в роли СВПП могут выступать: 1) прилагательные закрытого класса; 2) форма основного па-

дежа имени существительного в препозиции к определяемому имени; 3) именные основы, оформленные суффиксами, указывающими на атрибутивное значение получившихся образований (суффиксы *-η* (повс.), *-i/-ĭ* (повс.), *-əw* (вост.) / *-əp* (сев.-вост., северн.) / *-pi* (северн.), *-ləy* (вах.-вас.) / *-ləy* (сев.-вост., кроме сал.) / *-tə* (сал., низ.) / *-li* (северн., кроме низ.)); 4) причастия. Употребление данных частей речи в роли СВПП обнаруживает сходство во всех диалектах хантыйского языка.

Литература

1. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Хантыйский словарь (шурьшкарский диалект). Л., 1985.
2. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
3. Молданова С.П., Нёмысова Е.А., Ремезанова В.Н. Хантыйский словарь (казымский диалект). Л., 1988.
4. Steiniz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin.
5. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961.
6. Gulya J. The Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
7. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
8. Karjalainen K.F. Karjalainens Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
9. Хантыйские народные загадки. СПб., 1997.

Принятые сокращения

аг. – аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; берёз. – берёзовский диалект северной диалектной группы; вас. – васюганский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах. – ваховский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах-вас. – вах-васюганский диалект восточной диалектной группы; вост. – восточная диалектная группа хантыйского языка; каз. – казымский диалект северной диалектной группы; обд. – обдорский диалект северной диалектной группы; повс. – повсеместно; сал. – салымский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; сев.-вост. – северо-восточная подгруппа восточной

диалектной группы; северн. – северная диалектная группа хантыйского языка; сург. – сургутский диалект восточной диалектной группы; тр.-юг. – тромюганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-аг. – усть-аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-юг. – усть-юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; шерк. – шеркальский говор средне-обского диалекта северной диалектной группы; шурш. – шурьшкарский говор берёзовского диалекта северной диалектной группы; юг. – юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы.

А.В. Есипова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЮРКСКОГО СЛОВА: ПРОИЗВОДЯЩАЯ ОСНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА)

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

Словообразование относится к недостаточно изученным разделам шорского языкознания. Несмотря на то, что первые сведения об образовании имен и глаголов в шорском языке были опубликованы еще во второй половине XIX в., описания словообразования как языковой системы нет не

только в шорском языке, но и во всех тюркских языках Сибири, а также в большинстве тюркских языков мира.

Первая работа, в которой затрагивались вопросы шорского словообразования, появилась в 1869 г. В ней представлены 36 словообразовательных аф-

фиксов, которые участвуют в производстве слов шорского языка [1, с. 20–29]. В *Грамматике шорского языка*, вышедшей в 1941 г., Н.П. Дыренок приводит 49 аффиксов, служащих для образования имен и глаголов, и называет основные значения некоторых из них [2, с. 27–35, 141–145]. В очень ограниченном объеме шорское словообразование рассматривается также в учебной литературе, подготовленной сотрудниками Новокузнецкого государственного педагогического института (ныне КузГПА – Кузбасская государственная педагогическая академия) [3–7]. Эта же тема является объектом исследования четырех небольших по объему статей С.П. Тимониной. Ее работы посвящены описанию способов выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка, анализу значений некоторых аффиксов имени действующего лица, а также исследованию структуры и семантики сложных имен в шорском языке [8–11]. Словообразовательная тематика представлена и в работе Г.В. Косточакова *Историко-лингвистические исследования шорской антропонимии* [12, с. 9–12], где вторая глава посвящена структурно-семантическому анализу названного пласта шорской лексики. В 1999 г. вышло учебное пособие И.В. Шенцовой *Словообразование в шорском языке*. В нем в сжатой форме излагаются основные положения общей словообразовательной теории, иллюстрируемые шорскими примерами, и предлагаются практические задания для самостоятельной работы [13].

Как показывает анализ перечисленных выше работ, несмотря на значительный период времени (более 130 лет), в течение которого поднимались отдельные вопросы образования слов в шорском языке, полного и системного описания словообразовательных процессов шорского языка не существует.

В последнее десятилетие предпринимается попытка описания словообразовательной системы шорского языка. В русле этого подхода А.В. Есиповой опубликовано 17 [см., например, 14–26] и сдано в печать 5 статей. Данная публикация продолжает серию этих статей и посвящена рассмотрению одного из компонентов словообразовательной структуры слова – производящей основе, анализу ее структуры и значения в тюркских языках на базе шорского языка.

Часть морфологической структуры слова без морфологических показателей составляет словообразовательную структуру слова. Словообразовательная структура слова завершается словообразовательным аффиксом, вызывающим изменение значения первичного или вторичного корня. Например, в слове аймак=чы=лар=ыбыс=таң=заар (Силер аймакчыларыбыстаңзаар ба? ‘Вы из наших гостей?’) словообразовательная структура заканчива-

ется аффиксом =чы, образующим имена со значением деятеля: аймакчы ‘гость’ от аймак ‘селение’, а в словах таш=та=па=д=ылар ‘они не бросили’ и таш=та=б=ыс=ча=м ‘я (неожиданно, быстро) бросаю’ – аффиксом =та, служащим для производства глаголов от именных основ: ташта= ‘бросать’ от таш ‘камень’.

Словообразовательная структура слова включает производящую основу и словообразовательный аффикс (или аффиксы). Например, эш=ки=чи ‘гребец’ от эш=ки ‘весло’, образованного от глагола эш= ‘грести’. Слово эшкичи содержит два словообразовательных аффикса: =ки и =чи.

Производящая основа – это та часть слова, к которой присоединяется словообразовательный аффикс. Она не совпадает с морфологической основой слова, которая включает словоизменяемые аффиксы. Производящая основа является составной частью морфологической основы слова и совпадает с первичным или вторичным корнем. Первичный корень – это основная морфема в структуре слова. Она является носителем лексического значения, не изменяется в процессе морфологической деривации и остается после устранения всех словоизменяемых и словообразовательных элементов. Под вторичным корнем понимается производная основа, значение которой складывается из суммы значений, составляющих ее морфем, корневой и словообразовательной. Так, в словоформах аймак=чы=лар=ыбыс=таң=заар и таш=та=б=ыс=ча=м морфологическими основами являются аймак=чы=лар=ыбыс и таш=та=б=ыс=ча, а производящими основами – аймак ‘селение’ и таш ‘камень’. Данные основы представляют собой первичные корни, так как не содержат словообразовательных аффиксов. Примером вторичного корня служит производящая основа эшки ‘весло’ в слове эшкичи ‘гребец’, состоящая из корня эш= и словообразовательного аффикса =ки.

Производящая основа имеет план выражения и план содержания. План выражения соответствует структуре производящей основы, план содержания – ее лексическому значению.

1. Структура производящей основы

По структуре производящие основы делятся на синтетические и аналитические, производные и непроизводные, простые и сложные. Рассмотрим более подробно названные структурные разновидности производящих основ.

1.1. Производящая основа бывает *синтетической* или *аналитической*.

Синтетическая производящая основа не организована как словосочетание, а состоит из одного слова и является непроницаемой, например, пас=пак ‘каменная терка’ от пас= ‘давить’, ачык=чы ‘охотник’ от ачык ‘охота, промысел’, серки=ш=чи

‘плясун, танцор’ от серки=ш ‘пляска, танцы’ → серки= ‘плясать, танцевать’, қараташ=чы ‘шахтер’. В данных словах мы видим синтетические основы¹, так как они состоят из одного слова, которое является простым – пас= и ачық, производным – серки=ш или сложным словом – қараташ, образованным от определительного сочетания қара таш ‘каменный уголь (досл.: ‘черный камень’)’.

Аналитическая производящая основа состоит из нескольких составляющих (как правило, двух), которые семантически и функционально равнозначны одному слову, например, толап ал=ачы (к.) ‘искупитель’ от толап ал= → тола= (к.) ‘выкупить, искупить’.

Синтетическая основа слитно выражает комплекс значений, которые в аналитической основе выражаются расчлененно, т.е. синтетизм основы проявляется в передаче одним компонентом комплекса значений, выражаемых в аналитической основе несколькими компонентами. Сравните, например: уғ=аачы и сбе уғ=аачы ‘послушный’.

Отношения между компонентами аналитической основы могут быть: а) неидиоматическими (когда значение основы вытекает из суммы значений ее составляющих) и б) идиоматическими (когда значение основы не равно сумме значений ее компонентов). Сравните, например: мал қада=чы ‘пастух’ от мал ‘скот’ и қада= ‘пасти’ с сағышқа қал=аачы ‘старательный, заботливый’ от сағышқа қал= ‘заботиться (досл.: ‘в мыслях остаться’)’. Если значение первого производного мал қада=чы ‘пастух’ однозначно выводится из значения его составляющих мал ‘скот’ и қада= ‘пасти’, так как пастух – это человек, пасущий скот, то во втором производном такой однозначности нет: вполне возможно предположить, что сочетание сағышқа қал=аачы означает ‘(человек), остающийся в мыслях, т.е. задумчивый человек’, а не ‘заботливый; старательный (человек)’, как это есть на самом деле.

Аналитические основы организованы как словосочетания. Перестановка их компонентов невозможна, но иногда они допускают включение частиц. Например:

Шор. Чөпке ле кир=ечи кижилерди алар керек. ‘Только покладистых людей брать (на работу) нужно’ (АЛ).

В сочетании чөпке кир=еечи ‘покладистый, уступчивый’, образованного от аналитического глагола чөпке кир= ‘уступать’, вклинилась частица ле ‘только’.

1.2. Производящая основа может быть *производной* или *непроизводной*.

К *непроизводным* основам относятся основы, состоящие только из корня слова или его части. Не-

производная основа часто выражается автономным словом. Данное слово может быть: 1) корневым, 2) производным с исторической точки зрения (т.е. неразложимым на значимые морфемы на современном этапе развития языка) или 3) заимствованным из неродственных языков. Например: 1) иш=чи ‘рабочий’ от иш ‘работа’, күш=тиг ‘сильный’ от күш ‘сила’; 2) пулан=ак ‘лосенок (детеныш лося)’ от пулан ‘лось’, чыбран=ак ‘детеныш суслика’ от чыбран ‘суслик’, пүүн=гү ‘сегодняшний’ от пүүн ‘сегодня’; 3) санке=чек ‘саночки’ от русск. санки.

В словах иш=чи ‘рабочий’ и күш=тиг ‘сильный’ производящая основа совпадает с корнем слова: иш ‘работа’ и күш ‘сила’. В словах пул=ан=ак и чыбр=ан=ак производящие основы исторически были производными. Они сложились путем присоединения аффикса =ан, видимо, служившего для образования названий животных, к основам **пул** и **чыбр**. В современном шорском языке выделенные корни ничего не значат, т.е. в настоящее время анализируемые основы **пулан** и **чыбран** нельзя расчленить на значимые морфемы, следовательно, они являются непроизводными.

Производящее пүүн ‘сегодня’ образовано путем сложения слов по ‘этот’ и күн ‘день’: по+күн > по+гүн > пб+гүн > пү+гүн > пүгүн > пүүн. Развитие языка привело к слиянию компонентов словосочетания, и теперь в нем не выделяются значимые элементы, т.е. и основы, подобные этой, следует считать непроизводными.

С точки зрения языка-источника, заимствования включают как непроизводные, так и производные слова, однако в заимствующем языке обе эти структурные разновидности слов воспринимаются как неделимые. Например, в производном санке=чек ‘саночки (т.е. маленькие сани)’ исходной основой является русское слово *санки*. Оно состоит из корня «сан», суффикса «к» и окончания «и». В шорском языке слово *санке* (от русского *санки*) считается нечленимым, поэтому словообразовательный аффикс =чек следует за окончанием «и», видоизменившемся в «е» согласно фонетическим законам.

К *производным* относятся основы, состоящие из корня и словообразовательного аффикса, а также основы, являющиеся сложными словами.

Например: пажа=ачы ‘руководитель, глава, вождь’ от паж=а= ‘начинать, приступать’ → паш ‘голова’; чайқал=чак ‘качающий’ от чайқа=л= ‘качаться’ → чайқа= ‘качать’; сабырт=қыш ‘веялка (механизм, предназначенный для веяния, приводящийся в действие ветром, т.е. механизм, который ветер заставляет работать)’ от сабырт=т= ‘заставить веять’ → сабырт= ‘веять, дуть (о ветре)’; тебирчол=чы ‘железнодорожник’ от тебир чол ‘железная дорога’.

¹ В данном исследовании термин «основа» употребляется только в одном значении – как эквивалент термина «производящая основа».

В приведенных примерах производящие основы паж=а=, чайқа=л= и сабыр=т= состоят из корня и аффикса, т.е. являются аффиксальными, а последняя основа выражена сложным существительным тебирчол.

1.3. Производящая основа может быть *простой* или *сложной*.

Простая основа включает один корень, *сложная* – несколько корней (как правило, два). Простыми являются корневые и аффиксальные основы. Сложными считаются основы, представляющие собой сложные слова. Сравните, например, слова, образованные от простых основ: тōш=түк ‘передник’ от тōш ‘грудь’, öз=ұм ‘рост, всхожесть’ от öс= ‘расти’ и ағыс=па ‘невод’ от ағ=ыс= ‘заставить течь’ → ақ= ‘течь, плыть (непроизвольно)’, со словами, образованными от сложных основ: қаантегри=чи ‘астроном’ от қаан тегри ‘небо, космос (досл.: ‘хан небо’)’ и таш көбүр=чи ‘угольщик’ от таш көбүр ‘каменный уголь’.

1.4. Производящая основа может представлять собой «*свободный*» или «*связанный*» корень.

«*Свободный*» корень способен функционировать без словообразовательного аффикса, а «*связанный*» – без словообразовательного аффикса употребляться не может. Например: аң=нык ‘сеть на соболя’ от аң ‘зверь’, шачылан=чык ‘вспыльчивый; склонный дуться, сердиться’ от шачылан= ‘сердиться, дуться’. Как показывают примеры, основы аң и шачылан= обладают собственным лексическим значением и, естественно, могут употребляться самостоятельно, следовательно, представляют собой свободные корни.

Связанный корень мы видим в словах чажыт ‘тайна’, чажыр= ‘прятать’, чажын= ‘прятаться’. Хотя данные слова семантически мотивированы, «этимологический корень *чаиш ~ чажы в свободном виде в шорском языке не встречается (корень чаиш ‘возраст’, ‘молодой’, ‘жизнь’ омонимичен рассматриваемому)» [13, с. 24].

2. Мотивирующая основа

Термином «мотивирующая основа» обозначается план содержания производящей основы, т.е. ее лексическое значение. Носителем лексического значения слова является, как известно, его корень. В шорском языке, как и в русском, по семантическому признаку можно выделить четыре типа корней:

1. Корни с предметным значением (таш ‘камень’, таш=тыг ‘каменный’, таш=та= ‘бросать’).

2. Корни с процессуальным значением (ақ= ‘плыть (непроизвольно); течь’, ағ=ын ‘проточный, быстрый (о воде)’, ағ=ыш ‘течение (реки)’, ағ=ыс= ‘сплавлять (лес)’).

3. Корни с признаковым значением (ақ ‘белый’, ағ=ар ‘белеть’, ақ=тыг ‘честный’).

4. Корни с количественным значением (ийги ‘два’; ийги=ле ‘сомневаться’; ийгиле=ш ‘сомнение,

нерешительность, неуверенность’; ийгилеш=тиг ‘сомнительный, нерешительный, неуверенный’).

Мотивирующая основа, выраженная автономным словом, называется мотивирующим словом. Мотивирующее слово важно не только для формирования лексического значения образованного от него нового слова, но и для выделения словообразовательного аффикса. Так, для выявления словообразовательного аффикса в слове қазағаны ‘укол’ без установления мотивирующего слова не обойтись. Учитывая, что шорский язык относится к языкам с правосторонней агглютинацией и, следовательно, имеет прозрачный морфемный состав, вполне возможно было бы предположить, что производное қазағаны ‘укол’ состоит из следующих морфем: корневого – қаза= ‘втыкать, вонзить’, формообразовательного – =ған и словообразовательного – =ы. Это означало бы, что производное қазағаны ‘укол’ образовано от производящего қаза=ған ‘уколовший’. Однако из слова «уколовший» трудно вывести значение слова «укол». Очевидно, что формальный подход к выделению производящего и к вычленению словообразовательного аффикса привел бы к выявлению ложных связей. Опора на содержание дает другую картину, которая и соответствует действительности. Производное қазағаны ‘укол’ мотивировано не причастием қазаған ‘уколовший’, а глаголом қаза= ‘втыкать, вонзить’, так как оно означает результат произведенного действия, т.е. называет «то, что является следствием укалывания/вонзания», а именно, «укол».

Значение производного қазағаны ‘укол’ складывается из суммы значений трех составляющих. Можно подумать, что такими составляющими являются значение корня, значение формообразовательного аффикса и значение словообразовательного аффикса, т.е. «название действия» + «динамический признак» + «то, что ...». Однако в действительности в результате координации значений формо- и словообразовательного аффикса формообразовательный аффикс утрачивает значение «динамического признака» и сохраняет только значение «характеристики действия по его завершенности». Как было показано ранее [21], значение «характеристики действия» является словообразовательным. Следовательно, значение производного равно сумме одного лексического значения и двух словообразовательных значений. Это свидетельствует о том, что аффикс =ғаны относится к сложным словообразовательным аффиксам, так как оба словообразовательных аффикса в его составе сохранили свое значение, и новое словообразовательное значение «название результата действия» равно сумме этих значений «наименование действия» (=ы) + «результат» (=ған) = «наименование результата действия» (=ғаны).

Значит, значение рассматриваемого производного формировалось следующим образом: каза= = 'втыкать, вонзить' + =ған = 'завершенный' + =ы 'то, что ...' = каза=ған=ы 'то, что возникло в результате завершенного действия, названного производящей основой' или 'то, что является следствием завершенного действия, называемого производящей основой', а именно: 'то, что является результатом (следствием) втыкания вонзания', т.е. 'укол'. Естественно, что здесь присутствует еще элемент фразеологизации, так как не каждое «вонзание, втыкание» дает в результате «укол».

Мотивирующее слово помогает правильно определить производящее и тем самым выявить словообразовательный аффикс в том случае, когда производящее и производное имеют одинаковое количество морфем. Сравните, например, ныңнақ 'легкий' и ныңнат= 'облегчать'. В данных родственных словах содержится корень с признаковым значением (ныңнақ

'легкий'), следовательно, производным является глагол, к тому же значение производного шире значения производящего и включает его как составной элемент: 'облегчать' означает 'делать легким'. Следовательно, слово ныңна=т= образовано от ныңнақ путем усечения конечного согласного корня қ и присоединения словообразовательного аффикса =т.

В тюркологии термины «производящая основа», «исходная основа» и «мотивирующая основа» традиционно употребляются для обозначения одного и того же понятия, а именно, первого члена словообразовательной пары, т.е. производящего. На наш взгляд, термин «производящая основа» предпочтительнее использовать как для обозначения производящего слова в единстве двух его планов – плана выражения и плана содержания, так и для обозначения структуры производящей основы, т.е. плана выражения. Для обозначения плана содержания лучше употреблять термин «мотивирующая основа».

Литература

1. Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869. VIII.
2. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка / Н.П. Дыренкова. М.-Л., 1941.
3. Амзоров М.П. Шор тилинің грамматикасы: Грамматика шорского языка / М.П. Амзоров. Новокузнецк, 1992.
4. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992.
5. Чиспияков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка: Учеб. пос. для преподавателей и студентов / Э.Ф. Чиспияков. [Редкол.: Н.Н. Широбокова и др.]. Кемерово, 1992.
6. Чиспиякова Ф.Г. Некоторые особенности в словообразовании в кондомском и мрасском диалектах шорского языка / Ф.Г. Чиспиякова // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды междунар. конф. в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. Том 1. [Редкол.: Э.Р. Тенишев (отв. ред.) и др.]. Казань, 1992.
7. Насилов Д.М. Шор тилинге үргенчабыс. Изучаем шорский язык: Учеб. пос. по шорскому языку для студентов и школьников / Д.М. Насилов, И.В. Шенцова. Кемерово, 1994.
8. Тимонина С.П. Способы выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка / С.П. Тимонина // Языки народов Сибири // Сборник научных трудов. Кемерово, 1980.
9. Тимонина С.П. О некоторых аффиксах имени действующего лица в шорском языке / С.П. Тимонина // Вопр. языка и литературы. Новокузнецк, 1981.
10. Тимонина С.П. Сложные имена в шорском языке / С.П. Тимонина. // Языки и топонимия. Томск, 1976.
11. Тимонина С.П. Сложные имена в шорском языке / С.П. Тимонина // Языки и топонимия. Томск, 1978.
12. Косточаков Г.В. Историко-лингвистические исследования шорской антропонимии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1995.
13. Есипова А.В. Аффиксальное образование имен существительных в шорском языке / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
14. Шенцова И.В. Словообразование в шорском языке: Учеб. пос. / И.В. Шенцова. Новокузнецкий госпединститут: Новокузнецк, 1999.
15. Есипова А.В. Производные на =чы от именных основ в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
16. Есипова А.В. Производные на =чы от глагольных основ в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
17. Есипова А.В. Образование имен посредством аффикса =чыл в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
18. Есипова А.В. Основной вариант и схематическое представление словообразовательного аффикса (на материале шорского языка). / А.В. Есипова. / Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования // Сб. научных статей. Новосибирск, 1998.

19. Есипова А.В. Формы субъективной оценки. / А.В. Есипова / Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. // Сб. научных статей. Новосибирск, 1998.
20. Есипова А.В. Причастная форма на =аачы в тюркских языках Сибири / А.В. Есипова. // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа: доклады науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию А.И. Чудоякова. 26–27 ноября 1998 г. Новокузнецк, 1998.
21. Есипова А.В. Адъективация причастий (на материале шорского языка) / А.В. Есипова // Чтения памяти Э.Ф. Чиспякова (к 70-летию со дня рождения): Мат-лы науч. конф. Новокузнецкого гос. пед. ин-та. Ч. 1. Новокузнецк, 2000.
22. Есипова А.В. О статусе причастных субстантивов / А.В. Есипова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. Преподавание национальных языков: Мат-лы междунар. конф. XXII Дульзонские чтения. Томск, 2000.
23. Есипова А.В. Механизм выделения словообразовательных и словоизменительных аффиксов / А.В. Есипова. // Становление и развитие науки в Туве. Ч. 1.: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию тувинской письменности. Кызыл, 2000.
24. Есипова А.В. Производные на =лыг в шорском эпическом сказании «Казыр Тоо» / А.В. Есипова, А. Воробьева, Е. Ершова / Язык фольклорного произведения. // Сб. науч. ст. Новокузнецк, 2003.
25. Esipova. A. Shor participles of transition into another state. / A. Esipova. // *Turkic Languages (scientific journal)*, Nr. 4, Heft 2. Wiesbaden, 2000.
26. Esipova. A. Shor-Tyrkish parallels in derivation: Derivatives with –çi. / A. Esipova. // ICTL-2000: X. Uluslararası Türk Kurultayı (Tenth International Conferens on Turkish Linguistics) 16-18 Ağustos, 2000. ÖZETLER ABSTRACS. Istanbul: Boğaziçi Üniversitesi Batı Dilleri ve Bölümü DİL UYGAR Merkezi, 2000.X

Принятые сокращения

АЛ – Арбачакова Любовь Никитовна – информант.

М.В. Филимонов

ПРИЧАСТНЫЕ СУФФИКСЫ В ПРОТОЕНИСЕЙСКОМ

Томский государственный педагогический университет

Как справедливо отметил Г.К. Вернер: «Выделение именных форм глагола в традиционном их понимании – инфинитив, причастие, деепричастие – оказалось в отношении енисейских языков проблематичным» [1, с. 7]. Все неличные формы глагола объединяются обычно под одним термином «инфинитив» [2, с. 464–485; 3; 1; 4, с. 175–181; 5; 6, с. 205], при этом оговаривается, что енисейскому инфинитиву свойственны широкие функции, сближающие его с причастием, герундием, супином. М.А. Кастрен использовал термин *Nomen verbale* в отношении коттского глагола [7, с. 104]. По этой причине в существующих исследованиях по енисейским языкам категория причастия специально почти не изучалась, исключение составляет только суффикс *s/si* субстантивированных причастий [4, с. 175; 8, с. 82–83; 9, с. 9] (вариант *-si*, возможно, имеет особое местоименно-предикативное происхождение с учетом существования варианта *-su/-so*, ср. ар. *berek sas-šu* «дурен», асс. (кан.) *hon-šu* «темно»); кроме того, существовали особые локативно-генитивно-предикативные суффиксы *-s* и *-se*, ср. кот. *an-še* «мой» при *aj* «я», кет. *ul-s* «большой водоем», досл. «воду имеющий», «с водой» (эти вопросы заслуживают специального исследования по грамматической омонимии). Основные результаты в изучении причастия в енисейских языках можно свести к не-

скольким положениям: 1) в кет. и юг. установлено существование суффикса субстантивированных причастий *-s/si* (ср. кет. *i*: «точить», *i:s'* «точащий, наточенный»), причем вариант *še/ši* есть и в коттском, ср. *urki* «мыть», *urki-še* «мыло», *fatai* «взвешивать», *fatai-še/fatai-ši* «безмен»; 2) в енисейских языках в атрибутивно-причастной функции используется инфинитив, ср. кет. *inej ket* «нюющий/ворчливый человек»; 3) в кот. языке М.А. Кастреном отмечены пассивные причастия, образованные от форм прошедшего времени [7, с. 139–140], однако синтаксические примеры не представлены; 4) в кот. языке форма 3-го лица претерита глаголов может иметь адъективно-причастное значение, напр., *onka* «мертвый/умерший», *mapari* «созревший; это созрело» [7, с. 39]. Идентичная ситуация в кет. и юг. языках: юг. *ku:l'dobind'ou ket* «побритый человек», *us'nintet' a?x* «расколотые дрова» [10, с. 156], ср. еще ар. *inqo* «мертвый», букв. «умерший», *intoro* «мерзок», букв. «мерзлый, замерзший».

Особо следует остановиться на работе Л.Е. Виноградовой [11]. В ней сделана попытка установить претеритное происхождение некоторых существительных кет. языка (фактически работа посвящена обоснованию причастно-субстантивированного происхождения некоторых кет. существительных, что логически оправдано, так как в кот.

отмечены пассивные причастия, образованные от форм прошедшего времени). Очень важен вывод автора, что решение проблемы «осложняется трудностью установления глаголов, от которых эти существительные образованы» [11, с. 34].

За последние 30 лет в енисеистике произошел огромный прогресс как в синхронном, так и в историко-этимологическом изучении енисейских языков. Опубликованы новые большие архивные и полевые материалы по енисейским языкам, выявлены серьезные древние генетические связи с другими языками енисейской группировки (северокавказские, шумерский, ительменский, синотибетские, южно-бахнарические и т.д.). Исходя из этого автор решил обратиться к этой проблематике на новом этапе развития енисеистики и изложить свои взгляды на этот вопрос, опираясь на собственные этимологические решения как на внутриенисейском уровне, так и на уровне внешнего сравнения с шумерским и ительменским. Автор учитывает результаты этимологических словарей С.А. Старостина и Г.К. Вернера [12–15], а также ностратические материалы В.М. Иллич-Свитыча [16, 17].

Устанавливаются следующие причастные суффиксы в протоенисейском.

1. Суффиксы $г$ и $г_1$ (кет. l/l' , юг. $г$, кот. l/r). В системе енисейского глагола енисейские суффиксы $г$ и $г_1$ (кет. l/l' , юг. $г$) выражали длительность, непрерывность, многократность, дуративность в отличие от суффикса n , который выражал предельность, однократность [18; 10, с. 160–162]. 1. Е $gdm\dot{g}$ «кривой»/gamur [15, с. 226] – Ш gam «сгибать, согнуть». 2. Кет. kyt- l' «зарубка, знак-предупреждение». Л.Е. Виноградова сближает с кет. qytajet «предупреждаю его», qytoyut «предупреждаю тебя» и т.д. [11, с. 33]. Возможно сравнение с Ш kud «рубить, резать, расчленять» и т.д. 3. Е $q\dot{c}tyr_1/\chi\dot{c}tyr_1$ «сукно, войлок» [15, с. 305]. Ср. ПН KütΛ «связывать» («сплетать, ткать») [16; 1, с. 312]. 4. Ар. čun-pas-ol «сенокос» при ар. čuju «трава», Е pas «ломать, трескаться(ся)». В итоге имеем «ломка» («резка») «травы», ср. кет. hđstynej «трескаться, трещать, лопаться» (о дровах, ветках, деревьях, льде на реке).

2. Суффикс n . А.П. Дульзон считал его аффиксом достигнутого состояния [2, с. 572]. В системе енисейского глагола суффикс n является частью претеритного показателя и выполняет видовую функцию предельности, завершенности, однократности, мгновенности [18; 10, с. 160–162]. 5. Ар. čuin boson «сено, солома» (ср. № 4), досл. «трава» «сломанная / скошенная / срезанная». 5. Асс. -gin – возможно, суффикс со значением «ставший» в асс. tylohata-gin/tylohala-gin «сытый». Исходный корень Е ge/ ga «идти («становиться»)». 6. Пумп. din – суффикс прилагательных, возможно, имевший значение «ставший» от Е de (кет. bo-a-de «я иду»). Ср. пумп. chalči-din «светлый», kon-či-din «темный»,

utty-či-din «теплый», kii-či-din «холодный». 7. Асс. -kon – возможно, причастный суффикс в асс. esrolokon «пьяный» при асс. esrola-gin, кот. esirolog «пьяный». Исходный корень Е qo «идти, следовать», ср. кот. aš-ko «быть должным», досл. «по(чему-либо)» «следовать» = «в соответствии с чем-либо поступать». 8. Е sin/ sin' «старый, дряхлый» [15, с. 275], досл. «отживший» от исходного корня Ш zi (эме-гир), ši (эме-сал) «жизнь, жить; дышать (Е sisal «легкое»), душа (Е si «дух, колдовской»)». 9. Зит. тхо-н-кол «пень» при юг. ko?l «пень». В ительменском дословно «вытесанный/отрезанный пень». Зит. (западно-ительменский) тхо связано с Е džo? «тесать, брить» в кет. dɔ:, юг. d'ou. Ит. tx регулярно соответствует Е dž. Ср. ит. тхес-тхес, Е džds «моча»; ит. кутх «род духа», Е qu?udž «шаманить, душа/дух/дар шамана» и т.д. 10. Зит. хе-н-ч «нет» (запрет) при зит. хе-нг «сказать», Е qa/qe? «слово, сказать и т.д.». Ит. слово можно осмыслить как «сказано/велено-суть», ит. ч/ч? соответствует Е s.

3. Суффикс p . 11. Е $pi?p$ «распорка» в кет. hi?p «распорка для сушки шкур» связано с Е $pi?(ij)/pi?v/piGv$ «втыкать (колья); вставлять, ставить, устанавливать» и т.д. [15, с. 249]. 12. Юг. la?p «кусочек» (ср. Ш lagab «кусочек») сближается А.П. Дульзоном с корнем -ла «откусывать» [2, с. 293]. 13. Ар. l'ul'ar «веревка», возможно, субстантивированное причастие к Е lo? /l'a(?) «закреплять» («связывать, сплестать») [15, с. 244] в кот. d'a? – ut «закрепление», d'o?-ut-aη «закреплять».

4. Суффикс -m. В енисейских языках довольно много прилагательных с этим суффиксом. Г.К. Вернер связывает его с предикативным суффиксом вещного класса в кет. языке, который был в праязыке и от которого образовывались прилагательные. (В южно-енисейских языках он был вытеснен предикативным суффиксом a) [19, с. 47–48]. По наблюдениям автора, в енисейских языках встречаются слова, для которых можно предполагать отглагольное (причастное) происхождение. 14. Ар. pis «сеять» – ребет «поле», досл. «засеянное». 15. Е r'e'm «доска» («стол») связано с кет. le-η «строгать», Ш de/di/ge/ri «делить». Кеты делали доски методом раскалывания, расщепления бревен на плахи-доски. 16. Многочисленные топоформанты в России Им, скорее всего, означали «река, вода, увлажненное место». Эту морфему можно осмыслить как субстантивированное причастие кет. глагола «мокнуть» («увлажняться»), ср. кет. bin-b-i «это мокнет», b-in-i «это вымокло». 17. Топоформанты Омь, Ум тоже связаны со словом субстантивированного причастного происхождения «вода, река, увлажненное место» от енис. глагола u в кур. d-u-tolget «намочил», пак. da u-tolget «намочила», кет. u:, юг. o:/ou «луг, заливное место». 18. Е ?im «орех, ядро ореха (в кот.)» от кет., юг. i «есть, гореть», досл. «съедаемое».

5. Суффикс -к. А.П. Дульзон считал его суффиксом однократного вида в формах состояния и однократного вида действия в пассиве [2, с. 233–234]. Существование этого аффикса в протоенисейском подтверждается на совершенно другом материале субстантивированных причастий. 19. Е duk- «плевок» в кот. tu-k «плевок», Ш tu «плевать, проклятие, вода», Ш e-tu «купальня» при е «дом». 20. Е tuk «теленок, жеребенок» (досл. «рожденный») в ар. t'ug-al «теленок», асс. ал-tuk-aj «жеребенок» (al – деминут. аффикс, aj – с. мн. ч.), Ш tu «рождать(ся)». 21. Кот. arak «худой, тощий» при тюрк. ag «похудеть, истощать». С учетом сул. у:l-aq «худой, тощий» – возможна трактовка енис. материала как адъективизированного инфинитива (aq «делать(ся)»).

6. Суффикс – η. 22. Е bo?η «старый, покойник» в кот. raη -ai «старый» (ai – суф. прилагательных, ср. кот. talai «чудесный»), кет. bo:η, юг. boη «покойник» (в кет. и юг. эвфемизм, подставное, более «мягкое» обозначение умерших; возможно, это реликт тагарского времени, где были «дома мертвых»). Е bo?η «старый, покойник» связано с Ш tu «выращивать, расти, растить». «Старый» = «выросший». Звукосоответствия Ш m- Е b-, Ш u – Е u/o/ɔ – регулярны.

22. Е ru-η/ rδ?η «сеть-плавашка» [15, с. 247] явно связано с Е ru?δ/rδ?δ/pv?v «вить (веревку и т.д.)» («плести, прясть, ткать и т.д.». [15, с. 254]. 23. Е ru?η/ry?η «опухоль» [15, с. 250] (ср. юг. -fy?η «опухоль», di:r- fu?η «я опух»), возможно, связано с Е ro?/ru? «жир («жиреть, пухнуть»)» в Е pɔ?ɔl'e «жирный» [15, с. 251], досл. «жиро-оболочный» (реликт номадизма); сюда же кот. them-ru «жир топленый (Е tδm/tom «тепло, жар, плавить», кет. Tomat «богиня тепла, теплых краев, времен года»).

В результате исследования можно сделать следующие выводы: 1. Приведенный здесь материал, по мнению автора, свидетельствует, что причастные суффиксы в протоенисейском могли быть. 2. Праенисейский и особенно протоенисейский довольно существенно отличались от существующих енисейских языков в сфере грамматики (развитая аффиксация, слова-классификаторы, причастные суффиксы, посессив-предикатив, очень развитая система дейксисов и др.). 3. Енисеистам целесообразно привлекать данные удаленных языков для решения внутриенисейских проблем особенно исторического и этимологического порядка.

Литература

1. Вернер Г.К. К типологической характеристике инфинитива в енисейских языках // Типологические исследования типологических категорий. Томск, 1989.
2. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
3. Белимов Э.И. Инфинитив в кетском языке. Новосибирск, 1973.
4. Werner, Heinrich. Die Ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. (= Tunguso-Sibirica. Band 3).
5. Вернер Г.К. Сложные атрибутивные конструкции в енисейских языках // Вопросы языкознания. 2000. № 3.
6. Успенский Б.А. О системе кетского глагола // Кетский сборник. М., 1968.
7. Castren M.A. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
8. Крейнович Е.А. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
9. Виноградова Л.Г. Словообразование имен существительных кетского языка. Л., 1984.
10. Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов н/Д, 1990.
11. Виноградова Л.Е. Претеритально-оформленные имена существительных в кетском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.
12. Werner, Heinrich. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band I. Band 2. Band 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002 (1), 2002 (2), 2002(3).
13. Вернер Г.К. Сравнительная фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.
14. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
15. Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
16. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1–2–3; 1971–1976–1984.
17. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология. 1965. 1967.
18. Гайер Р.С. О значении видо-временных показателей л, н в глаголе кетского языка // Языки и топонимия. Томск, 1980.
19. Werner Heinrich. Probleme der Wortbildung in den Jenissej Sprachen. Lincom – Europa, 1998.

Принятые сокращения

пумп. – пумпокольский; юг. – югский; ит. – Е – праенисейский; Ш – шумерский; Н – пранотельменский; зит. – западноительменский; стратический.

Д.Ф. Мырзина

АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

Принято считать, что в уральских языках (за исключением обско-угорских языков: хантыйского и мансийского) отсутствует грамматическая категория залога [1, 2]. Подобная специфичность хантыйского и мансийского языков объясняется длительной изоляцией угорской подгруппы финно-угорских языков от родственных языков.

В современном хантыйском языке выделяют два типа синтаксической конструкции: так называемые активные и пассивные конструкции. Основанием для их выделения является различное грамматическое оформление агенса (производителя действия), а также употребление морфем -aj, -ij (в западнохантыйских диалектах), -uj (в восточнохантыйских диалектах) в одном из типов синтаксической конструкции, который получил название пассивной конструкции.

Примеры, связанные с формами -aj, -ij, -uj, интерпретировались в большинстве работ по хантыйскому языку как пассивные [3–5, 2 и др.].

Однако при анализе многочисленных примеров пассивных конструкций возникают определенные сомнения в пассивном характере структуры с показателями -aj, -ij, -uj. Так, одной из особенностей хантыйского языка является то, что «пассив» употребляется как с переходными глаголами, так и с непереходными глаголами [5]. Кроме того, в ряде случаев личное окончание глагола в «пассивной форме» служит для обозначения «заинтересованного лица», т.е. того, кто должен воспользоваться результатом действия, выраженного глаголом, что также является специфичной чертой хантыйского «пассива».

Другой особенностью хантыйского языка является то, что агенс, выраженный именем существительным, в пассивном предложении имеет показатель локатива, что является свидетельством того, что субъект действия воспринимается говорящим как определенный, т.е. в данном случае реализуется категория определенности/неопределенности, характерная для финно-угорских языков. Категория определенности/неопределенности (применительно к урало-алтайским языкам) была разработана Дж. Г. Киекбаевым, который полагал, что «категория определенности/неопределенности в упомянутых языках чрезвычайно развита и представляет собой весьма сложную картину». Кроме того, он считал, что «эта категория пронизывает всю грамматическую систему урало-алтайских языков и выражается в разнообразной форме. Она отражается

как в сфере имени, так и в сфере глагола или в сфере имени и глагола одновременно» [6, с. 77].

В литературе по хантыйскому языку отмечается, что в хантыйском языке существует противопоставление субъектного и объектного типов спряжения глагола, которое обусловлено противопоставлением определенности/неопределенности объекта действия, если объект мыслится в 3-м лице [7, 3–5, 8].

Мы полагаем, что для хантыйского языка также характерно противопоставление определенности/неопределенности субъекта действия, которое находит отражение в «пассивной» конструкции.

Рассмотрим первый тип синтаксической конструкции – активную конструкцию. При анализе структуры предложения в данном типе конструкции необходимо обратить внимание на семантический характер актантов, для чего воспользуемся терминами теории глубинных падежей; а именно: Ag (агенса) – для обозначения актанта при глаголе действия; S (субъект состояния) – для обозначения актанта при глаголе состояния; Pt (пациенс, или объект) и Ben (бенефициант).

В первом типе синтаксической конструкции позицию подлежащего занимает агенс, а пациенс занимает позицию прямого объекта. Агенса (активный производитель действия) может быть выражен номинативом имен существительных либо номинативом личных местоимений.

1. Яхам савар велас (у.-п.). Муж Poss. 1Sg заяц Nom убивать, добывать-Past: 3Sg. Мой муж заяц убил (добыл).

В данном примере агенс совпадает с грамматическим подлежащим, а глагол-сказуемое согласуется с ним в лице и числе; а именно: глагол употребляется в форме 3-го л. ед. числа, т.к. подлежащее выражено именем существительным в форме 3-го л. ед. числа. Подобное согласование мы наблюдаем и в следующих примерах:

2. Асем велпаcl (у.-п.) [9, с. 7]. Отец -Poss. 1Sg охотиться-Pres: 3Sg. Мой отец охотится. (Субъектное спряжение).

3. Länki juça қantəs (вах.) [10, с. 146]. Белка Nom дерево-Lat взбираться, залезать-Past: 3Sg. Белка на дерево забралась (залезла).

4. Wäsəχ lisa pitixən (вах.) [10, с. 362]. Утка Nom петля-Lat nonadamь-Past: 3Sg. Утка в петлю попала.

В следующем примере подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го л. ед. ч. «ма», согласуется с глаголом, который принимает форму 1-го л. ед. ч. субъектного спряжения.

5. Ма ра қата мәнләм вәлтахә (тр.-юг.) [10, с. 343]. Я другой, чужой дом-Lat иди-Pres: 1Sg жить. Я в другой дом пойду жить. (Субъектное спряжение).

В (6) личное местоимение 3-го л. ед. ч. «лув» согласуется с глаголом, имеющим показатель 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения.

6. Лув ёгал / лув юкал (у.-п. / у.-с.). Он(а) танцевать-Pres: 3Sg. Он(а) танцует.

В данных примерах также реализуется категория определенности/неопределенности: здесь она обусловлена противопоставлением основного и лично-притяжательного склонения. Так, в (1, 2) существительные, обозначающие термины родства, употребляются в лично-притяжательной форме, что сообщает данным существительным значение определенности и конкретности. Напротив, в (3, 4), где агенс имеет показатель номинатива, производитель действия воспринимается говорящим как неопределенный.

Субъект действия при глаголе состояния в активном типе конструкции может быть выражен номинативом имен существительных либо номинативом личных местоимений.

7. Мә рухәлнә вәлләм (вах.) [10, с. 381]. Я юрты-Лос жить-Pres: 1Sg. Я живу в юртах. (Субъектное спряжение).

8. Эвием нумсаңа йис. (у.-п.). Дочка-Poss: 1Sg умный становится-Past: 1Sg. Моя дочка умной стала.

В активной конструкции пациенс, определяемый как пассивный участник ситуации, который претерпевает изменения в результате внешнего воздействия, может быть выражен номинативом имен существительных либо аккузативом личных местоимений.

При этом если пациенс – существительное в форме номинатива не является определенным для говорящего, то это находит отражение в глаголе-сказуемом, который получает форму субъектного спряжения.

9. Эным қыләс вәрәкәтәс (вах.) [10, с. 44]. Отец-Poss: 1Sg шалаш Nom начинать делать-Past: 3Sg. Мой отец шалаш принялся делать.

Существительное «қыләс» – шалаш играет роль прямого дополнения. Категория определенности/неопределенности реализуется в данном предложении следующим образом: пациенс является неопределенным для говорящих, следовательно, глагол-сказуемое имеет форму субъектного спряжения.

10. Юх мәнә юх әрәхтәс (вах.) [10, с. 50]. Он я-Dat лошадь-Nom обещать-Past: 3Sg. Он мне лошадь обещал. (Субъектное спряжение).

11. Яхам хоп тул (у.-п.). Муж-Poss: 1Sg лодка Nom носить, нести-Pres: 3Sg. Мой муж лодку несет. (Субъектное спряжение).

12. Пут каварлам (у.-п.). Пицца Nom готовить-Pres: 1Sg. Пищу готовлю. (Субъектное спряжение).

В (12) пациенс выражен номинативом имени существительного, а глагольная форма отражает 1-е л. ед. ч. агенса.

В следующих примерах пациенс, выраженный именем существительным в номинативе, находит отражение в глагольной форме: глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе, а с прямым дополнением – в числе.

13. әлвали суртәл ликрә пәнәсәтә (вах.) [3, с. 47]. Алвали шука – Poss: 3Sg нарты –Lat положить –Past: Ag: 3Sg/ Pt: Sg. Алвали положил свою шуку в нарты.

14. Ма tam evi vөхп masem. Я этот, тот девочка Nom деньги-Лос давать –Past: Ag: 1Sg/Pt: Sg. (казымск.) [4, с. 47]. Я дал этой девочке деньги.

15. Ма tam jernasъ jontsъlam (казымск.) [4, с. 57]. Я этот, тот рубаха-P l шить –Past: Ag: 1Sg/ Pt: Sg. Я эти рубахи сшил(а).

Определенность пациенса в данных примерах выражена при помощи глагольной формы. В (13) глагол-сказуемое имеет показатель 3-го л. ед. ч. агенса и ед. ч. пациенса. В (14) глагол выражает 1-е л. ед. ч. агенса и единственное число пациенса. В (15) глагольная форма содержит указание на 1-е л. ед. ч. агенса и множественное число пациенса.

Для рассматриваемой группы примеров активной конструкции характерно следующее расположение словоизменительных суффиксов в глагольной форме: корневая морфема + показатель времени + личный аффикс, маркирующий лицо и число агенса (в субъектном спряжении), или + личный аффикс, маркирующий лицо и число агенса и число пациенса (в объектном спряжении).

Обратимся ко второму типу синтаксической конструкции – «пассивной» конструкции. Многие исследователи хантыйского языка описывают данную конструкцию как пассивную, полагая, что морфемы -aj, -ij, -uj (где -j – эпентический знак, являющийся перед личным аффиксом глагола) являются показателем страдательного залога [5].

Рассмотрим два случая использования «пассивной» конструкции в хантыйском языке.

Проанализируем следующие примеры «пассивной» конструкции:

16. Савар яхамна велса (у.-п.). *Заяц Not муж – Poss. 1Sg -Loc добывать – Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Заяц мужем моим добыт (убит). Мой муж зайца убил.

В данном примере агенс, выраженный именем существительным в пассивной форме, стоит в форме локатива (локатив имеет показатель -нэ). Пациенс выражен именем существительным в форме номинатива. Глагол-сказуемое имеет показатель 3 л. ед. ч. прошедшего времени.

17. Саварцан яхамна велсайцан (у.-п.). *Заяц Dual муж – Poss: 1Sg добывать – Past: «Pass»: 3 Dual.* Досл.: Два зайца мужем моим добыты (два). Мой муж двух зайцев добыл (убил).

В (17) агенс, выраженный именем существительным в посессивной форме, стоит в форме локатива. Пациенс выражен именем существительным в двойственном числе в номинативе. Глагол-сказуемое согласуется с пациенсом в числе, т.е. имеет форму 3-го л. двойственного числа.

18. Саврат яхамна велсайт (у.-п.). *Заяц Pl муж – Poss: 1Sg -Loc добывать – Past: «Pass»: 3Pl.* Досл.: Зайцы (много) мужем моим добыты (убиты). Мой муж зайцев добыл (убил).

Агенс, выраженный лично-притяжательной формой существительного, употребляется в форме локатива; пациенс выражен формой существительного во множественном числе в номинативе. Глагол-сказуемое согласуется с пациенсом в числе.

Подобное согласование глагола с пациенсом наблюдается и в следующих примерах:

19. Хул йигамна катса (у.-п.). *Рыба Not сын – Poss.: 1Sg ловить – Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Рыба моим сыном поймана. Мой сын рыбу поймал.

20. Хотэв русятна омакса (у.-с.). *Дом-Poss.: 1Pl русский -Pl – Loc ставить, сажать – Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Дом наш русскими построен. Наш дом русские построили.

В данных примерах пациенс выражен именем существительным в форме номинатива, глагол-сказуемое согласуется с ним в числе (как и в объектном спряжении при наличии определенного объекта). Принято считать, что лицо деятеля здесь не указано, так как сказуемое стоит в 3-м л., а 3-е л. глагола не имеет формального показателя лица. Оно выражено посредством нулевой морфемы.

Как видно из примеров, словоизменительные аффиксы в глагольной форме в данном типе конструкции располагаются следующим образом: корневая морфема + показатель времени + суффикс «пассива» + личный аффикс, маркирующий число пациенса.

Интерес вызывает оформление в хантыйском языке агенса локативным падежом (местным, местно-

творительным в различной терминологии). А.Н. Баландин полагал, что локатив используется для выражения активного деятеля [11]. Н.А. Лыскова, вслед за Дж. Г. Киекбаевым, склонна рассматривать форму на -нэ как форму, которая «совмещает понятие активно-го падежа и одушевленности» [12, с. 64; 6].

Мы полагаем, что подобное оформление активного производителя действия связано с категорией определенности/неопределенности. Оформляя имя существительное, локатив выделяет его из числа других предметов, подчеркивая его определенный характер, указывает на то, от кого исходит действие, либо кому оно принадлежит. Так (19) *Хул йигамна катса* (у.-п.) можно перевести как «Именно мой сын рыбу поймал».

Подобное употребление локатива может быть связано с происхождением показателя местного падежа. П. Равила предполагал, например, что локатив на -нэ первоначально употреблялся в сфере указательных местоимений [13, с. 250]. Данную точку зрения разделяет также Б. Коллиндер [14, с. 239].

Рассмотрим еще несколько примеров «пассивной» конструкции:

21. қунэ хэлтоқэ ләјэм моқнат јоҳымны. *Мужчина – Loc орудие, из которого производят действие обух топора-Instr бить, колотить – Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Мужчиной обухом топора ударен (а). Мужчина обухом топора его (ее) ударил (вах.) [10, с. 50].

Агенс выражен локативом имени существительного. В грамматической структуре предложения агенс не совпадает с грамматическим подлежащим, пациенс отсутствует, но отражен в глагольной словоформе. Форма «ы» указывает на 3-е л. ед. ч. пациенса.

В следующих двух примерах агенс выражен личным местоимением «ма» в форме творительного падежа – мәннэ. Следует отметить, что употребление личного местоимения в творительном падеже для обозначения активного производителя действия в подобном роде конструкции происходит крайне редко.

22. Мәннэ пэчкәннэ ухэлтоқэ јоҳухәси (вах.) [10, с. 50]. *Я – Instr. ружье Instr-Comit. орудие, из которого производят действие стрелять, кидать – Past: «Pass»: 3Sg.* Досл.: Мной ружьем выстрелил в него (нее). Я в него (нее) из ружья выстрелил.

Агенс выражен формой творительного падежа личного местоимения «ма», имеющего показатель -на; пациенс отсутствует в предложении, но отражен в глагольной форме, которая имеет показатель 3-го л. ед. ч.

23. Сэвсэ икија мәннэ мэхәсүјән (вах.) [10, с. 50]. *Савсы старик -Lat я – Instr давать – Past: «Pass»: 2Sg.* Досл.: Старик Савсы мной отдана ты. Я тебя выдал за старика Сывсы.

Агнс выражен личным местоимением «ма» – я в творительном падеже; пациенс отражен в глагольной форме: форма -эн указывает на 2-е л. ед. ч. пациенса.

Рассмотрим второй случай использования «пассивной» конструкции в хантыйском языке, где особый интерес вызывают следующие примеры:

24. Яхна хулна катсаюв (у.-п.). Муж-Лос рыба-Лос ловить, доставать –Past: «Pass»: 1 Pl. Досл.: Мужем рыбой поймал нам (для нас). Муж рыбу для нас поймал.

Агнс в данном примере выражен именем существительным в локативе; пациенс также имеет показатель локатива. При этом агнс и пациенс могут меняться местами в отличие от первого типа «пассивной конструкции», где пациенс имеет показатель номинатива и занимает позицию в начале предложения.

В отличие от примеров «пассивной конструкции», где идет согласование в числе между пациенсом и глаголом, в данном примере глагол не согласуется в числе с пациенсом, а выражает лицо и число того, кому предназначено данное действие, указывает, в пользу кого совершается действие, т.е. выражает лицо и число бенефицианта.

25. Хапна тусайт (у.-п.). Лодка Нот носить, нести –Past: «Pass»: 3 Pl. Досл.: Лодкой принес им (для них). Лодку принес для них.

В данном предложении пациенс выражен формой локатива, агнс отсутствует в предложении. Глагольная форма обозначает лицо, которое должно воспользоваться конечным результатом ситуации.

26. Хулна йигамна катсайм (у.-п.). Рыба –Лос сын –Poss: 1Sg –Лос добывать, убивать – Past: «Pass»: 1Sg. Досл.: Рыбой сыном моим поймал мне (для меня). Мой сын для меня рыбу поймал.

Агнс выражен лично-посессивной формой существительного в форме локатива, а глагол-сказуемое указывает направление действия на 1-е л. ед. ч. «я» – меня, мне.

27. Яхамна саварцанна велсайм (у.-п.). Муж – Poss: 1Sg –Лос заяц –Dual –Лос добывать, убивать – Past: «Pass»: 1Sg. Досл.: Мужем моим зайцами (двумя) добыл (убил) мне (для меня). Мой муж двух зайцев добыл (убил) для меня.

Как видно из примеров, словоизменительные аффиксы в глагольной форме в данном типе «пассивной» конструкции располагаются следующим образом: корневая морфема + показатель времени +

суффикс «пассива» + личный аффикс, указывающий на лицо и число бенефицианта.

Кроме того, представляется возможным составить полную парадигму глагола, пользуясь показателем «пассива» -ај, -ай для всех лиц и чисел, где форма глагола отражала бы лицо и число бенефицианта, т.е. того участника ситуации, который должен воспользоваться конечным результатом.

Парадигма глагола «туда» – носить, нести в «пассивной форме»:

Няньня тусайм	хлеб принес (ли) для меня.
Няньня тусайн	хлеб принес (ли) для тебя.
Няньня туса	хлеб принес (ли) для него, нее.
Няньня тусайн	хлеб принес (ли) для нас
(двух).	
Няньня тусайтан	хлеб принес (ли) для вас
(двух).	
Няньня тусайцан	хлеб принес (ли) для них
(двух).	
Няньня тусайю	хлеб принес (ли) для нас
(многих).	
Няньня тусайт(д)ы	хлеб принес (ли) для вас
(многих).	
Няньня тусайт	хлеб принес (ли) для них
(многих).	

Особенностью данной конструкции является то, что неизвестно, кто совершает действие, т.е. форма соотносится с неопределенностью 3-го лица актанта. Подобное явление наблюдается в некоторых других языках. Так, «в ряде тюркских языков согласование подлежащего и сказуемого отсутствует в безлично-пассивных конструкциях, так как в таких конструкциях неизвестно, кем совершается или совершено действие» [6, с. 90].

В данной парадигме глагола «туда» маркируется лицо не деятеля, не пациенса, а получателя, бенефицианта, т.е. хантыйский язык демонстрирует определенное сходство с родственным ему ненецким языком, в котором выделяют лично-предназначительное склонение местоимений и существительных [15]. Формы этого склонения включают в себе указание на предназначение обозначенного именем предмета тому или иному лицу.

Нечто подобное происходит и в хантыйском языке, где в ряде случаев «пассивная» форма указывает на того, кому предназначено совершаемое действие, т.е. форма «пассива» демонстрирует свой непассивный характер. В связи с этим данное спряжение, скорее, можно рассматривать как лично-предназначительное, чем пассивное спряжение.

Тем самым примеры «пассивной» конструкции в хантыйском языке служат подтверждением особого статуса пассива в уральских языках.

Литература

1. Финно-угорские языки. Языки мира // Уральские языки. М., 1993.
2. Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. Suomalais – Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 206. Helsinki, 1989.
3. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М., Л., 1961.
4. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten, Band 9, Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Akademia Kiado. Budapest, 1980.
5. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 15. М.; Гамбург, 1995.
6. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.
7. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обский диалект). Под ред. Ю.Н. Русской. Ханты-Мансийск, 1942.
8. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.
9. Ядобчева В.Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
10. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / АН СССР, Ин-т языкознания. Л., 1981.
11. Баландин А.Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкций глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. Учен. записки Ленингр. университета. 1947. Т. 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение.
12. Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб., 2003.
13. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic languages. 1965.
14. Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
15. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь (с приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка). М., Л., 1965.

Принятые сокращения

вах. – ваховский диалект, тр.-юг. – тром-юганский говор сургутского диалекта, казымск. – казымский диалект, у.-п. – усть-полуйский говор обдорского диалекта, у.-с. – усть-собский говор обдорского диалекта.

Е.А. Крюкова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КЛАССА СЛОВ-ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный педагогический университет

Класс слов-определителей в енисейских языках выделяется на основании общих функциональных и морфологических признаков. основополагающим принципом объединения слов-определителей (далее также – СО) в один класс в кетском, югском и коттском языках является функция атрибута в широком понимании, характеризующая как сам процесс, так и участников ситуации. Следовательно, функциональная характеристика отличает СО, с одной стороны, от имен, основной функцией для которых является функция актанта, и глагола, с другой стороны, ведущей функцией которого является функция предиката. В атрибутивной функции СО в енисейских языках характеризуются морфологической неизменяемостью, которая является яркой отличительной чертой СО в атрибутивной функции. Ряд слов-определителей способен, наряду с атрибутивной функцией, выполнять функцию предиката, которая в отличие от ведущей (атрибутив-

ной) функции маркируется специальными суффиксами, указывающими класс/род, лицо и число определяемого слова. В зависимости от выполняемой функции позиция слов-определителей строго фиксирована: в атрибутивной конструкции СО выступают в препозиции к определяемому слову, а в предикативной конструкции слова-определители стоят после слова, которое они определяют (подробно о принципах выделения класса СО см. [1]).

В данной статье описание класса СО в кетском, югском и коттском языках проводится с использованием концепции функционально-семантического поля, которая помогает преодолеть трудности описания этого большого смешанного класса, объединяющего в себе как приименные, так и приглагольные определители, и позволяет системно представить как семантические группы, так и разноуровневые языковые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные).

Принятие тезиса о полевой структуре частей речи затрагивает проблемы внешних (межчастеречных) и внутренних (межразрядных) границ, т.е. во внимание принимаются как взаимодействие членов разных классов (частей речи), так и отношения между членами внутри одного класса. Использование положений теории поля позволяет рассматривать совокупность слов одной части речи как структуру с ядром и периферией и допускает плавный переход слов в пределах одной лексико-грамматической категории от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней периферии, от периферии одной части речи к периферии другой [2, с. 97].

В разрабатываемой А.В. Бондарко модели грамматики предметом анализа являются функционально-семантические поля (далее – ФСП). При построении ФСП важнейшее значение имеет принцип онтологизма, т.к. основой для исследования являются семантические категории, которые являются базовыми понятиями, отражающими объективную действительность в сознании людей. Это, например, актуальность, темпоральность, временная локализованность, модальность, бытийность, локативность и т.д. Семантические категории в каждом конкретном языке всегда находят свои способы выражения, это, например, лексико-грамматические разряды слов, различные типы синтаксических конструкций, лексические средства, сложные комбинации средств разных типов. Таким образом, в концепции А.В. Бондарко «семантические категории с системой разноразрядных средств, служащих для выражения разновидностей и вариантов данной категории в данном языке, – это и есть функционально-семантические поля» [3, с. 31–33; 4, с. 3, 10].

Понятие ФСП в концепции А.В. Бондарко связано с представлением о пространстве, в котором условно устанавливаются конфигурации центральных и периферийных компонентов поля, где в свою очередь выделяются зоны пересечения с другими полями. По структуре ядра ФСП подразделяются на моноцентрические и полицентрические. ФСП моноцентрического типа характеризуются наличием одного целостного или гетерогенного ядра, в то время как ФСП полицентрического типа отличаются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты. В своих последних работах ученый выделяет ядро ФСП по принципу, являются ли средства выражения данной семантической категории прототипическими (тогда они относятся к центру) или непрототипическими (тогда они располагаются на периферии) [5, с. 97, 101; 4, с. 11, 34–35, 52, 155; 6, с. 18–22].

Таким образом, основными критериями при построении ФСП в концепции А.В. Бондарко явля-

ются семантическое значение, соотносимое с объективной действительностью, и языковые формы, служащие для его выражения.

Принципиально другой подход к построению поля при классификации частей речи наблюдается в работах В.Я. Плоткина, который основными критериями для его структуры выдвигает морфологическую форму и синтаксическую функцию [2, с. 97, 150–155].

Концепция функционально-семантического поля в нашей работе используется для систематического описания класса СО и строится при опоре на структурные характеристики ФСП, разработанные А.В. Бондарко. Функционально-семантическое поле понимается нами как неоднородная и сложная структура моноцентрического типа, оно имеет свое ядро, окруженное ближней и дальней периферией, которая пересекается с другими ФСП, что обуславливает наличие членов класса с признаками членов другого поля. Однако функция при построении поля понимается нами только в отношении употребления слов в предложении, т.е. как синтаксическая функция.

В выборе основных параметров, по которым СО распределяются по полю, мы опираемся на функционально-морфологические характеристики выделяемых нами внутри класса слов-определителей трех семантических групп: темпоративов (СО с временным значением), локативов (СО с пространственным значением) и квалитативов (СО с качественным значением).

К ядру поля относятся СО, способные выполнять одну и только одну синтаксическую функцию атрибута в широком смысле, т.к. именно атрибутивная функция является основополагающей для выделенного нами класса слов. Исходя из того, что атрибутивная функция в рассматриваемых енисейских языках не маркируется, то морфологическая неизменяемость слова является вторым критерием отнесения того или иного слова к ядру ФСП класса слов-определителей. Таким образом, в ядро входят типичные представители класса СО: это неизменяемые слова, выступающие в качестве приименных и прилагольных атрибутов.

Функциональный анализ нашего языкового материала показал, что данным критериям в енисейских языках соответствуют СО, выражающие значение времени. Именно для темпоративов единственно возможной синтаксической функцией в речевом высказывании является функция атрибута, которая в настоящем исследовании понимается в широком смысле: как определитель актантов и как определитель предиката. Сравним кетские примеры (1–3):

(1) кет. *ēn' qonoks' – aqta qonoks'*. **Теперь** утро – хорошее утро. **Нынешнее** утро – хорошее утро.

(2) пак. **ēn**'us'ka diksoyon. **Теперь** домой придем [7, с. 26].

Как показывают приведенные примеры, СО кет. **ēn** 'теперь' может выступать как в качестве приименного (1), так и в качестве прилагольного (2) атрибута. Сочетание **ēn**' qonoks' из примера (1) вполне может интерпретироваться как 'сегодня утром' и выступать определителем при предикате, что служит еще одним доказательством единства класса прилагольных и приименных атрибутов в енисейских языках.

В югском языке темпоративы также могут выступать и как атрибуты актантов (3), и как атрибуты предикатов (4):

(3) юг. **oŋtir** šñ bīk daxin əbiratij. **Следующий** год другой трава вырастет. В **следующем** году другая трава вырастет [8, с. 243].

(4) юг. **ēn** bīt xome' iŋiŋ-esaŋ. **Теперь** гагара грешный есть. **Теперь** гагару грешно есть [8, с. 242].

Темпоративы в кетском и югском языках, и по всей вероятности в коттском языке, не способны употребляться в предикативной функции, как показали проведенный анализ текстов и опрос информантов, пример (5) не возможен в речевом высказывании.

(5)* кет./ юг. **āt ēn**'. Я **сейчас**.

Таким образом, ядро ФСП составляют следующие СО с временным значением:

кет.: **a't** 'скоро', **qonoks**' 'утром', **a'nat** 'тогда', **be'k** 'всегда', **bīs** 'вечером', **ēn**' 'теперь', **enqoŋ** 'сегодня', **in**' 'долго', **inat** 'давно', **kīm** 'тогда', **kāt** 'зимой', **omba** 'сейчас', **onna** 'только что', **qaja**, **qar'a**, **qada** 'потом', **qām** 'скоро' и др.;

юг.: **anes** 'утром', **a't** 'скоро', **bīs** 'вечером', **kupkej** 'сначала', **ēn** 'теперь, сейчас', **ennoŋ** 'сегодня', **i'n** 'долго', **inat** 'раньше, давно', **kisɔŋ** 'вчера', **kāt** 'зимой', **xa't'kej** 'потом', **sīn** 'раз', **luaj** 'раньше' и др.;

котт.: **etpaŋ** 'скоро', **mo:n etpaŋ** 'редко', **fejaŋ/ p'eaŋa** 'сначала', **i'uman** 'завтра', **hel'em hel'em** 'иногда', **unša** 'всегда', 'часто', **eaŋa** 'сейчас', **eaŋaok** 'тотчас', **inag** 'сегодня', **ha:rag** 'долго', **heš** 'недавно' и др.

Слова-определители, которые кроме основной функции атрибута способны выполнять синтаксическую функцию предиката и таким образом принимать предикативные аффиксы, распределяются по *ближней* и по *дальней* периферии.

Все СО, которые мы относим к *ближней периферии*, так же как и слова, образующие ядро, выполняют функцию атрибута, которая выражается морфологически неизменяемыми словами. Лишь небольшая группа слов может проявлять отклонения по отношению к категориальным признакам (атрибутивной функции и морфологической неизменяемости), вы-

ступая в другой функции и приобретая способность образовывать словоизменительные парадигмы. Таким образом, к ближней периферии относится группа слов, большая часть которых обладает типичными свойствами СО, и только некоторые слова из этой группы могут выполнять предикативную функцию, которая маркируется специальными аффиксами.

Данным критериям, как показал анализ языкового материала, соответствуют СО, выражающие локальное значение в енисейских языках. Основной функцией для них является функция атрибута в широком смысле, так как все слова этой группы способны выражать как приименные характеристики участников ситуации, так и прилагольные характеристики процесса. Рассмотрим примеры из кетского языка (6, 7):

(6) кел. **bēn**' **ki's'eŋ** qīm, **āt bur**' qoŋ **bēn**' itperem. Не **здешний** женщина я ее внешность не знаю. **Нездешняя** женщина, я ее не знаю в лицо.

(7) ел. **bū ki's'eŋ** duɣaŋaŋ. Он **здесь** живет. Он **здесь** живет.

Кетское СО с локативным значением *ki's'eŋ* может выступать как атрибут актанта (6), так и атрибут предиката (7).

В югском языке СО с пространственным значением тоже могут употребляться как приименные (8) или прилагольные (9) определители:

(8) юг. **xoŋkej** atou desagabdaɣ. **Передний** угол я-его брошу. В **передний** угол чума брошу я его [8, с. 259].

(9) юг. buda **ām xaŋ** daseste. Его мать **дома** сидит [8, с. 259].

Однако в отличие от слов с темпоральной семантикой некоторые локативы в кетском, югском и коттском языках способны употребляться как в основной атрибутивной функции (6–9), так и в предикативной функции (10–12).

(10) кет. **kiseŋ**=di. **Здесь**=прд.афф.1л.ед.ч. Я **здесь**.

(11) юг. da=xem=in **xaŋ**=eŋ. прт.афф.=жена=мн.ч. **дома**=прд.афф. Его жены – **дома**. [8, с. 279].

(12) котт. **hušareŋ**=t=aŋ. **дома**=соед.согл.=прд.афф.1л.ед.ч. Я **дома**. [9, с. 327].

В предикативной функции СО, в данном случае локативы, оформляются предикативными аффиксами, указывающими на лицо и число (а в третьем лице единственного числа – и класс) определяемого слова (10–12).

Как видно из приведенных материалов, некоторые локативы, как, например, СО кет. *kiseŋ* 'здесь', способны выступать в функции приименного (6) и прилагольного (7) атрибута, и в функции предиката (10).

Приведем примеры некоторых слов-определителей с пространственным значением, которые формируют ближнюю периферию ФСП:

кет.: *tiga* 'вниз по течению', *utl'* 'вверху по течению', *qo'te* 'вперед', *hita* 'вниз', *to'j* 'наверху', *əl'a* 'наружу', *kin'il* 'отсюда', *kin'iŋa* 'сюда', *tūl'* 'оттуда', *tūn'* 'здесь', *tuniŋa* 'туда', *qanil'* 'оттуда', *qaniŋa* 'туда' и др.

юг.: *tīr* 'внизу по течению', *utej* 'вверх по течению', *huti* 'вперед', *χotkej/χotej* 'вперед', *fīl* 'внизу', *čo'j* 'наверху', *lrej* 'наружу', *kə'* 'на той стороне', *kinε^h:s* 'здесь', *kin'ə:r* 'отсюда', *tunε^h:s* 'тут', *kan'* 'там', *a^h:r* 'в лесу' и др.

котт.: *bili bili* 'где-нибудь/везде', *pi:laŋ* 'дальше', *t^hi'gā* 'вниз по течению', *ujal* 'в верховье реки', *ha:nal* 'внизу', *i:tal* 'внизу', *ečal* 'наверху', *hiliga* 'наружу', *inčaŋ* 'отсюда', *unčaŋ* 'оттуда', *utiga* 'сюда', *šu:ka* 'назад' и др.

К дальней периферии мы относим группу СО, выражающих значение качественного признака, на том основании, что большая часть слов данной группы демонстрирует отклонения от категориальных признаков, т.е. они могут употребляться как в атрибутивной, так и предикативной функциях.

В отличие от локативов, для которых атрибутивная функция является превалирующей, и лишь несколько слов данной группы могут употребляться в предикативной функции, значительная часть слов с качественной семантикой способна выступать равнозначно как в атрибутивной функции в широком смысле, так и в функции предиката. Сравним примеры употребления кетского СО с качественной семантикой (13–15):

(13) кет. *bū bīt ke't*. Он **крепкий** человек.

(14) мад. *āt bīt us'egin*. Я **крепко** уснул.

(15) сур. *ki's'eŋ tude bīt=am*. Здесь это **жестко**=прд. афф.3.л.неодуш. Здесь **жестко**.

Как показывают примеры, СО *bīt* может выполнять как функцию приименного (13) и прилагательного (14) атрибута, а так и функцию предиката (15).

Предикативные конструкции с качественными СО довольно широко распространены в енисейских языках, об этом свидетельствуют языковые материалы недавно исчезнувшего югского языка, а также давно исчезнувшего коттского языка. Приведем примеры:

(16) юг. *fen'n'a=da²*, *χog=da²*, *da^h:rdaχ*. **Маленький**=прд.афф. один=прд.афф. она-жила. 3 л. ед. ч. ж. р. 3 л. ед. ч. ж. р. Она жила, была **маленькой** и одинокой. [8, с. 243].

(17) котт. *aško=taŋ*. **Виноватый**=прд.афф.1л.ед.ч. Я **виноватый** [9, с. 89].

Примеры показывают, что югское СО *fen'n'a* 'маленький' (16) и коттское СО *aško* 'виноватый' (17), выступая в предикативной функции, получают obligatory грамматические суффиксы, указывающие род/класс, число и лицо определяемого слова.

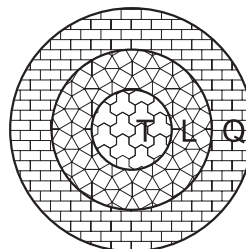
К дальней периферии ФСП относятся следующие качественные СО:

кет.: *hīs'(a)* 'кривой/криво', *aliŋ* 'быстрый/сильно', *aruŋ/adeŋ* 'сильный/сильно', *aqta* 'хороший/хорошо', *qā* 'большой/очень', *hən'a* 'маленький/немного', *alo*, *aloto* 'просторный/просторно', *anuntu* 'умный/умно' и др.;

юг.: *ε^h:t* 'спокойный', *ʃ^h:n* 'много', *χeil'* 'широкий', *χegit* 'дорогой', *χəmat* 'мало', *χūk* 'тихая', *s'ə'ə* 'тяжелый', *lχəouŋ* 'грязный', *təl'git* 'дешевый', *tən'ɔl* 'голый', *sigbuliŋ* 'на четвереньках', *əχpes* 'вдруг' и др.;

котт.: *fača* 'большой', *kišla* 'маленький', *pičar* 'толстый', *hīgal* 'широкий', *t^hūki* 'короткий', *ui* 'длинный', *hāš* 'мелкий', *hama* 'хороший', *šam* 'плохой', *koaš* 'красивый', *čal* 'холодный', *p^hal* 'теплый', *t^hui* 'легкий' и др.

Функционально-семантическое поле класса СО может быть представлено в виде рисунка (см. рисунок).

□ – ядро, □□ – ближняя периферия, □□□ – дальняя периферия

Структура ФСП класса слов-определителей в енисейских языках.

Т – темпоративы, слова с временным значением, L – локативы, слова с пространственным значением,

Q – квалитативы, слова с качественным значением

Подробное описание состава ФСП, функциональных и словообразовательных характеристик единиц, составляющих ядро, ближнюю и дальнюю периферию в кетском, югском и коттском языках, является предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Гришина Н.М., Крюкова Е.А. Новый подход к проблеме классификации частей речи в кетском языке: класс слов-определителей // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2004.
2. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989.
3. Бондарко А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1987.
4. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 2003.
5. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.
6. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариативность/вариативность / Отв. ред. Бондарко А.В., Шубик С.А. СПб., 2003.
7. Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск, 2001.
8. Werner H. Das Jugische (Sym-Ketische). (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 50) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
9. Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1. Wiesbaden, 2002.

Л.В. Парнюк

СУТОЧНЫЙ И ГОДОВОЙ ЦИКЛЫ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

У человека нет специального органа для восприятия времени, но невозможно представить себе жизнь человека, протекающую вне времени. Время не зависит от человека, а человек неотделим от времени.

Этнологи, культурологи и философы много писали о различии моделей времени в разных культурах: о концепциях «циклического», «линейного», «кругообразного», «замкнутого» времени, о возможном отсутствии летоисчисления и т.п.

В сознании человека доминируют два представления о времени – время как последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов» (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Эти представления могут противопоставляться как «наивное» и «естественнонаучное». Б.А. Успенский отмечает, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное – историческому: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем историческое сознание в принципе предполагает линейное и необратимое ...время» [1, с. 73]. Чувство времени связано с восприятием природных циклов, а психические структуры связали себя с линейным временем.

Хотя ток времени имеет направленность и предполагает однократное и окончательное уничтожение истории, это уничтожение мыслится возвращением в вечность, так что отдаленно идея циклической присутствия и здесь [2, с. 621].

Циклизация времени далеко не случайна. Время эмпирически не наблюдаемо, сознание человека

при его фиксации и членении опирается на смену дня и ночи или любой другой циклический процесс.

Цикличность в примитивном обществе рассматривается как такое представление о времени, которое организует жизнь коллектива посредством ритуалов. Жизнь первобытного общества, как и более развитого – земледельческого, определяется природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов, отраженными в обрядовой практике. Соответственно этому и время членится на замкнутые циклы [2, с. 620–621].

Циклический характер, регулярность кругового движения небесных светил по «небесной сфере», повторяющегося вновь и вновь и неподвластного каким-либо видимым изменениям, послужили естественным основанием для выбора солнечного или лунного цикла в качестве меры измерения бытия, тем более что и жизненный цикл человека и живой природы вообще тесно связан с фазами этого цикла (смена дня и ночи, времен года).

Солнце и Луна помогали человеку ориентироваться во времени по-разному. Если годичный период Солнца наглядно проявляется в смене сезонов, то динамика чередования лунных фаз чаще заметна и вследствие краткости цикла более практична. Хотя лунный месяц не выразить точно целым числом суток, год – целым числом месяцев или суток, история не знает народов, не умеющих определять время с помощью Солнца или Луны [3, с. 10].

Именно с движением Луны сопряжены самые древние календарные единицы, а первобытная ми-

фология мира к Луне обращается в целом значительно чаще, чем к Солнцу. И это не случайно. Луна – самое крупное небесное тело, которое может наблюдать невооруженным взглядом житель Земли. При этом ни одно из небесных светил не претерпевает столь значительных изменений своей видимой формы, как Луна [3, с. 12–13].

Времяисчисление по Луне, ввиду своей простоты, наглядности и краткости, является доминирующим для многих бесписьменных сообществ, благодаря чему лунный календарь у многих народов оформляется раньше солнечного. Календарные системы, основанные на лунных циклах, свойственны народам с присваивающим типом хозяйства – охотникам, собирателям, рыболовам; переход на солнечный календарь характерен для народов, занимающихся земледелием и скотоводством.

Потребности усложнявшегося производящего хозяйства надежнее удовлетворялись расчетами по наглядным ориентирам движения Солнца (суточная, годовая, сезонная периодичность), чем несоизмеримыми с ними наглядными периодами «непостоянной» Луны [3, с. 30].

По всей вероятности, в прошлом календари у народов Сибири, как и у других народов мира, были лунными, приуроченными к фазам Луны [4, с. 201; 5, с. 47; 6, с. 74–75].

Тем не менее, невозможно применить понятие «лунный год» или «лунный месяц» по отношению к календарным системам народов Сибири, в том числе и к хантам, т.к. промежутки времени, называемые нами «месяц» или «год» были лишь условны, не строго фиксированные, не строго установленные и неравной длины. Так, длительность «лунного года», «лунного месяца» могла быть разной; год для любого человека является довольно длительным периодом времени, для человека далекого прошлого «год мог казаться столь длинным, что он и вовсе не осознавал его как цикл» [7, с. 304]. Такой же точки зрения придерживается и С.Ю. Колесникова [8, с. 69].

Значимость небесных светил, цикличное восприятие времени определяются мифологичностью сознания, о чем говорят антропоморфность и персонифицирование течения времени у хантов. От верховного бога Торума зависит смена времен года и времени суток. Ханты Пима представляли себе это так: «Погоду делает верхний Торум. У него посох из семи колен. Один загнет ветер, второй – дождь, третий – снег. А четыре колена на лето, осень, зиму и весну». На Югане смены времени суток объясняли открытием и закрытием дверей в жилище Торума. Иногда, правда, он открывает дверь и ночью, тогда наступает северное сияние. По преданию, когда-то на земле был сплошной день, и от бессонницы у людей начинали болеть глаза. Увидев это, Торум решил

«сделать» ночь [9, с. 167]. «Вогулы говорят, что они потому чувствуют солнце, луну и звезды, что они видят их на небе и их свет освещает землю», – говорит Избранд, а Кастрен утверждает что остяки, вогулы и другие финские народы высоко чтут небесные светила [10, с. 44].

Илен пелек лунг (нижней стороны дух) «прибавляет и убавляет» луну. Кстати, по большинству сведений, луна – «это человек», и ее фазы объяснялись физическим ростом, а затем «уменьшением» человека [9, с. 169].

Луна тоже персонифицирована у югров, что можно видеть уже из ее названий «Старик», «Ночной старик», «Ночной свет-старик» и «Месяц-старик» [10, с. 47]. Например, *iki* (вах., вас.. аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.; *ikə* (сал.) 1) старик, дед; 2) (вах., вас.); *at* ~ (сал.) луна, месяц (*досл. ночной старик*) [11, с. 52].

«Солнце у них – это *imə* ‘старуха’, а месяц *ikə* ‘старик’» [10, с. 239] (данные по васюганским и вавховским хантам).

У шурышкарских ханты: *най* 1) солнце/солнечный, 2) хозяйка [12, с. 50].

Так, у иртышских остяков солнце называется *хатт-имэ*, у тремьюганцев – *kalt-imi*, у вогулов – *хātəl-ēkwä* – все это обозначает «Солнце-старуха». Это персонифицированное солнце югры, как и другие народы, считают женским существом [10, с. 44].

Таким образом, идея сакральности времени подчеркивается персонификацией небесных светил, а также связь деления времени на промежутки с кульгово-обрядным циклом.

И все же каноническими показателями циклического времени являются «специальные показатели циклически повторяющихся временных единиц – слов, обозначающих «искусственно» выделенные временные отрезки: суточные/годовые» [1, с. 75].

Для всех групп хантов на современном этапе характерно четырехчленное деление как суточного, так и годового цикла.

Так, например, у хантов представления о временных циклах начинались, по-видимому, с делением суточного времени на следующие части:

– *äləy* (вах., вас.; I ед. *iljəm*); *ałəy* (юг., ую-юг., у.-аг.; I ед. *iljəm*), *aləy* (аг., тр.-юг.; I ед. *iljəm*); *atəy* (сал.) утро, утром [11, с. 23]; шур., каз. алан утро [12, с. 13] – **утро**;

– *kotl* (вах., вас.); *kätl* (аг., у.-аг., тр.-юг.). *ketəl* (юг., у.-юг.), *kat* (сал.) день (новс.) [11, с. 175], шур., каз. хатл день [12, с. 87] – **день**;

– *ät* (I ед. *itəm*) вечер (вах.) [13, с. 128]; *ät* (вах.; I ед. *itəm*) вечер; *kotəl pirnə ätə y jöl* после дня наступает вечер; [11, с. 26]; *um* вечер [14, с. 73]; шур. *ила* вечер, шур. *илана*, каз. *илайна* вечером [12, с. 29];

– *jaj* (вах.)/ *aj* (вас.) ночь [11, с. 91]; *jöyən* (вах., вас.); *jöyən* (аг., у.-аг., тр.-юг.), *jöyün* (юг., у.-юг.) ночь, ночью; *jöyən jə jə* ночь наступила (тр.-юг.), *jöyün jöyət* ночью приехал (юг.), *jöyün qätlin* ночью и днем (у.-юг.), ночь [11, с. 81], *jöyən* ночью [13, с. 139]; *äy* – ночь; *ёхан* – ночью, ~ *ёрна* – в полночь [14, с. 34]; *at, ät* (сал.) ночь; [11, с. 26]; каз., шур. *am* ‘ночь’, *атла йис, ата йис* ‘ночь наступила’, *ат кўтуп, атл кўтуп* ‘полночь’ [15, с. 20] – **ночь**.

Сам суточный цикл не выделялся и, следовательно, не назывался. Не существует общей архилексемы, выражающей название временных отрезков дня и ночи для данного семантического поля [16, с. 47], что свойственно многим сибирским (и не только) языкам. Понятие о суточном цикле связывалось с понятием сна или ночевки («одна ночевка», «две ночевки» и т.д.).

Номинант «сутки» обычно состоит из двух компонентов «день-ночь».

– Сутки называются *ii(h)(g)en k(h)oodhlo(g)en* ‘день-ночь’ [17, с. 241–242] (данные по ваховским и васюганским ханты); *ёханна-котлахна* ‘днем и ночью’ (вас.) [14, с. 68]; (шур.) *атл-хатл* ‘сутки’ (досл. ночь-день); [12, с. 16]; (ночь-день) ‘сутки’ *атан-хатл, атал-хатл* [12, с. 228]; *jöyün kätlin* ‘ночью и днем’ (у.-юг.) [11, с. 81]; ‘день и ночь’ (сутки) *i’yen-k’od^sloyen* (вах., вас.) [17, с. 341].

У самой южной группы хантов, подвергшейся наибольшей степени ассимиляции, зафиксировано понятие, явно заимствованное из русского языка: *sutka* (сал.) сутки [11, с. 443].

Годовой цикл также четко делится на четыре части, но в отличие от суточного цикла может иметь словесное выражение при помощи архилексемы – *al I* (вах., вас.; I ед. вах. *uləm*); *äl* (аг., у.-ас., тр.-юг., юг., у.-юг.; I ед. *uləm*): *ot* (сал.) год; [11, с. 13], к., шур. *тал* год [12, с. 77]; либо используя два компонента, например – к., шур. *тал-лун*, к. *тала лунал* круглый год (досл. зима-лето) [12, с. 77].

Год условно делится на сезоны, которые не имели четких временных границ и могли варьироваться по длительности год от года. Тем не менее, сезоны являются хорошим показателем цикличности времени, и их вычленение из общего потока времени говорит о попытке упорядочить время в календарную систему.

– *тохы* весна; ~ *котал* весенний день, ~ *мотах валта* до весны дожить, *тохына* весной (вас.) [14, с. 282]; *тови* весна+ весенний (шур.) [12, с. 79] – **весна**;

– *ёр* лето; *ёнан* летом, *ёны от* летний (вас.) [14, с. 282]; *лун* лето/летний; (шур.) [12, с. 42]; *löy* (вах.), *jöy* (вас.); *löy* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.), *tüy* (сал.) лето; [11, с. 216] – **лето**;

– *сёхяс* осень; *сёхясна* осенью, *сёхси котал* осенний день (вас.) [14, с. 250]; *сус* осень/осенний (шур.) [12, с. 74]; *süwəs* (вах., вас.); *süwəs* (аг., у.-аг.,

тр.-юг.), *süwəs* (юг., у.-юг.); *süwəs, süwəs* (сал.) осень; *tüləy süwəs* вторая («зимняя») половина осени (тр.-юг.), *löy süwəs* первая («летняя») половина осени (тр.-юг.); *süwəs länə* в осенний период времени (вах.); *tapal süwəs* прошлая, минувшая осень (вах.) [11, с. 444] – **осень**;

– *mäləx* зима, *mälki от* зимний, *mälкян* зимой, *mäləx сахы* по-зимнему (вас.) [14, с. 272]; *тал* 1) зима/зимний; 2) год; *тал сус* поздняя осень; *тал тови* ранняя весна (шур.) [12, с. 77]; *tələy* (вах., вас.) *tüləy* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.); *tətə* (сал.) зима; *süwəs pirnə tələy pitwəl* после осени зима наступает (вах.); *tələy ikit* зимние месяцы (вах.); *tüləy latnə* в зимнюю пору (тр.-юг.); *tüləy mārə* в течение зимы (аг.) [11, с. 483] – **зима**.

Учитывая мифологизированность сознания и сакрализацию временного потока, можно установить определенную взаимосвязь между микро- (сутки) и макроциклом (год). «Цикл выступает как универсальный строительный инструмент мироздания. Любой цикл в природе выступает не изолированно, а включен в другой – более широкий. Мир в этой связи предстает как система взаимосвязанных циклов». Согласно теории Ю.Н. Соколова, цикл – структурная единица реальности [19, с. 95–96].

Так, например, в смене времен года иллюстрируется неединичность космологического цикла – природная пора (весна, лето, осень, зима) соответствует рождению, становлению, расцвету, увяданию и снова рождению. [1, с. 73] Лето живет, но умирает, превращаясь в осень. Осень живет, но умирает, превращаясь в зиму [20, с. 101].

Представление о частях дня переносится на год или на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны. Разумеется, день может делиться на большее число частей, и времен года может быть больше в тех или иных календарях, но тенденция такова: утро – рассвет, ночь – гибель растительного мира. Особенно ясно выражена эта тенденция в тех условиях, где «зиме» соответствует холод и сокращение светлой части дня ... [2, с. 614].

«Временной процесс воспринимался как регулярность повторяющихся изменений, последовательность переходов между полярными противоположностями: ночь и день, зима и лето, засуха и наводнение, зрелость и молодость, жизнь и смерть. В такой схеме прошлое не простиралось глубоко ...» [8, с. 10]

Таким образом, можно говорить о том, что деление суточного цикла на две части – день и ночь – является первичным (для годичного цикла лето–зима соответственно). Смена светлого и темного времени суток очевидна и легко наблюдаема. Пред-

положительно, понятие ночь является более древним, чем вечер, так как ночь – более яркая оппозиция светлomu времени суток. Более дробное деление суток появилось позднее, причем в разных языках это деление не обязательно было четырехчленным (утро, день, вечер, ночь), что свойственно индоевропейскому современному представлению о смене времени суток.

Для многих культур характерно деление суток на число, кратное двум, либо на числа, кратные трем или семи [21, с. 148, 158].

Первоначальное деление суточного цикла только на две части можно подтвердить архаическим сакральным делением годового цикла на две половины. У многих народов Сибири год делится на два периода: зимний и летний (холодный и теплый, например: у восточных хантов – *мелек* ‘тепло’, т.е. лето, и *этих* ‘зима’), счет велся один год за два (т.е. зимний год и летний год были самостоятельными единицами измерения времени). Например, у северных ханты и манси в погребально-поминальных обрядах действует именно такой древний счет времени – в сроках возрождения души, хранения изображений умерших, траура [6, с. 142]. Намного позднее в календарных системах стали выделять четыре сезона года, а также другие периоды (до семи), и лишь затем появились более дробные части – условные месяцы или микросезоны [4, с. 201–203]. Таким образом, можно отметить определенное соответствие в историческом развитии суточного и годового циклов.

Помимо четырехчленного деления суточного и годового цикла, время могло делиться на более дробные промежутки и обозначаться в соответ-

ствии с движением небесных светил (суточный цикл) или по фенологическим показателям (годовой цикл), например:

– *Калъ йяцы муртны йюлм*. В середине дня придду. [6, с. 17],

– *Иттэн куньл атты да’тны*. Вечерняя заря появится когда,

Ма моньч-арых архилдылм. Я сказки-песни напеваю. [6, с. 17],

– *Нйц щяха хув-ван двалдысыя, холэвт хйтл кутунн вантыя*, ... Долго ли, коротко ли, ты завтра к середине дня поджидай меня [21, с. 32–33],

– *карас кет* период бесснежья (вас.) [14, с. 99],

– *лислохан кёт* период слякоти (вас.) [14, с. 134],

– *энэл жэпк латнэ* во время большой воды (тр.-юг.) *тэлэу лят* зимнее время (вах.); *сйуэс лят* осеннее время (вах.) [11, с. 198].

Следовательно, можно сделать следующие выводы:

Исторически у хантов первичным было деление суточного и годового цикла на две части, где точками отсчета служили полярные, противопоставленные друг другу природные явления: ночь–день, зима–лето. Более дробное деление микро- и макроцикла возникло позднее, и в настоящее время календарный суточный и годовичный циклы у хантов состоят из четырех частей. При отсутствии точного способа измерения времени (понятия «час», «минута», «секунда» не являются исконно хантыйскими и заимствованы через русскую культуру и русский язык) выделяются более мелкие промежутки времени в течение суток и года, связанные с конкретными природными, фенологическими изменениями.

Литература

1. Яковлева Е.С. Языковое отражение циклической модели времени // *Вопр. языкознания* № 4. М., 1992.
2. Мифы народов мира, т. 2 // *Цикличность*. М., 1988.
3. Фролов Б.А. Происхождение календаря // *Календарь в культуре народов мира*. М., 1993.
4. Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // *Календарь в культуре народов мира*. М., 1993.
5. Меновщиков Г.А. Выражение категорий пространства и времени в эскимосско-алеутских языках // *Вопр. языкознания*, № 2. М., 1986.
6. Соколова З.П. Ханты и манси // *Семейная обрядность народов Сибири*. М., 1980.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
8. Колесникова С.Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов // *Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Томск, 2000.
9. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
10. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 1, 2, 3. Томск, 1994.
11. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.
12. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (на языке шурышкарских ханты). Л., 1985.
13. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
14. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
15. Немысова Е.А., Кононова С.П., Вожакова Е.Н. Русско-хантыйский разговорник. М., 1996.

16. Которова Е. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Сопоставительное исследование русского и немецкого языков. Франкфурт-на-Майне, 1998.
17. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
18. Калиткина Г.В. Континуум «неделя» в вершининском говоре // Проблемы документации исчезающих языков и культур (XXI Дульзонские чтения). Ч. 1. Уфа-Томск, 1999.
19. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
20. Шервуд Е.А. Календарь у древних кельтов и германцев // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
21. Слепенкова Р.К. Арём-моньцем ед ки мӓнд... (если моя песня-сказка дальше пойдет...). Ханты-Мансийск, 2003.

Л.А. Абукаева

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ КАК СООТВЕТСТВИЯ НОРМЕ В РУССКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Исследование оценочного значения, способов его оформления представляет особый интерес на современном этапе развития языкознания. Это обусловлено тем, что пристальное внимание лингвистов привлекает субъект речи, его эмоции, интенции, и в связи с этим одной из центральных проблем языкознания является проблема взаимодействия семантики и прагматики.

С категорией оценки непосредственно связана объективная (фактическая) составляющая сообщения и ее субъективная сторона, а именно оценка как намерение воздействовать на адресата речи. Выражая оценку, адресат реализует прагматическую цель – осознанно или неосознанно вызвать определенную реакцию адресата на содержание высказывания.

Категория оценки охватывает широкий диапазон языковых единиц. Оценка имплицитно или эксплицитно присутствует практически в любых видах текстов и является универсальной категорией. Н.Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5].

Положительная или отрицательная оценка связана с ориентацией на норму, на такие оценочные стереотипы, как соответствие предмета требуемым параметрам, общепринятым представлениям, сложившемуся в данном социуме мнению. В данной работе под оценочностью понимается такое отношение говорящего к предмету речи, которое выражается в характеристике предмета, признака, действия как положительного, отрицательного или соответствующего норме, принятым представлениям.

Объектом исследования в этой работе являются синтаксические фразеологизмы марийского языка, передающие значение оценки как соответствия норме в их сопоставлении с соответствующими структурами русского языка, выявляются модели фразеологизированных предложений, определяется спектр субъективно-модальных значений, выражаемых такими конструкциями.

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция [2], синтаксический идиоматизм [3], шаблонная фраза, синтаксический фразеологизм [2, 4, 5], фразеосхема [6, 7], застывший синтаксический оборот [8], связанная синтаксическая конструкция [9].

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», идентичен которому термин «синтаксический идиоматизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами, которые являются принадлежностью официально-делового стиля. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» также не в полной мере отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной, является сама модель. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить модели (структурные схемы, отвлеченные образцы), по которым строятся такие предложения, противопоставляя их предложениям нейтрального синтаксиса, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксические фразеологизмы могут быть отнесены с лексическими фразеологизмами, поскольку «подуровень синтаксической фразеологии представляет собой, с одной стороны, явление, производное от синтаксического яруса (т.е. в этом смысле явление более высокого порядка), с дру-

гой – выступает в качестве связующего звена между уровнем лексическим и далее подуровнем лексической фразеологии с уровнем синтаксическим» [6, с. 12].

Как известно, лексические фразеологизмы имеют ряд особенностей, среди которых наиболее важными являются следующие: 1) семантическая неделимость; 2) постоянство состава; 3) воспроизводимость; 4) непроницаемость структуры; 5) устойчивость грамматической формы; 6) обычно строго закрепленный порядок слов.

Все эти признаки в той или иной степени обнаруживаются и у синтаксических фразеологизмов. Рассмотрим фразеологизированные конструкции марийского языка, построенные по модели «сущ. в им. п. / мест. в им. п. / прил. в им. п. + (туда / тиде) + сущ. в им. п. / мест. в им. п. / прил. в им. п. (+ак)», обладающие значением оценки как соответствия норме. Как и в других фразеологизированных структурах, вся модель в совокупности своих постоянных и свободных компонентов выражает значение соответствия предмета принятым представлениям, норме, например: *Рвезе – рвезак* [Г. Алексеев. Шочмо вер – чевер] ‘Мальчик есть мальчик (букв.: ‘мальчик мальчик же’)’; «*Сай ма, сай огыл – оза, тудо, озак, илет-илетат, шке ужат*», – *ешарыш Нигмат. Чын ойлат: незер – кеч-куштат незер, поян – пняк* [В. Сапаев. Йолташет уло гын] ‘«Хороший или нехороший – хозяин есть хозяин (букв.: ‘хозяин он хозяин же’), поживешь, сам увидишь», – добавил Нигмат. Правду говорят: бедняк везде бедняк, богатч есть богатч (букв.: ‘богатч богатч же’)’.

Постоянство состава обеспечивается компонентами, на которых базируется модель синтаксического фразеологизма. Эти компоненты так и называются – постоянные (в другой терминологии – опорные). В русском языке в функции постоянных компонентов моделей фразеологизированных конструкций выступают акцентирующие и местоименные слова, союзы, предлоги и предложные образования, частицы, междометия [4, с. 383], в марийском языке в этой роли употребляются также местоимения и местоименные наречия, союзы, частицы, послелогии. Так, в синтаксических фразеологизмах марийского языка со значением множественности, разнообразия, распространенности, преобладания, построенных по модели «вопр. мест. / вопр. мест. нар. + *гына* + *уке* / отриц. форма глаг.», в роли опорных компонентов функционируют вопросительные местоимения или местоименные наречия и частица *гына* ‘только’. По указанной модели формируются многочисленные фразеологизированные структуры, семантика которых может быть конкретизирована как значение множественности, разнообразия, распространен-

ности, преобладания предметов, лиц, признаков, действий: *Э-э, тыгай ончалтыш тыманмешке мом гына шижтарен ок шукто гын?* [Шабдар Осып. Ёдырамаш корно] ‘Э-э, такой взгляд в мгновение ока о чем только не скажет?’; *Могай гына кочкышым поген огытыл* [В. Абукаев-Эмгак. Шочмо тувыр] ‘Каких только угощений не собрали?’; *А Зиналан пел пуд письма. Кушеч гына уке! Казань гыч, Чебоксар гыч, Горький гыч...* [А. Волков. Йормошка] ‘А Зине полпуда писем. Откуда только нет! Из Казани, из Чебоксар, из Горького’.

При употреблении фразеологизированной конструкции говорящий или пишущий воспроизводит модель, наполняя ее конкретным содержанием благодаря свободным компонентам в отличие от лексических фразеологизмов, воспроизводимых целиком в неизменном виде, если не учитывать вариативность некоторых компонентов лексического фразеологизма.

Модели синтаксических фразеологизмов отличаются устойчивостью, число постоянных и даже факультативных компонентов строго ограничено. Некоторые модели не допускают наличия распространителей опорных компонентов схемы: *Да, ава – авак. Тудым нигузе от ондале, туддеч нимом от шылта* [Абукаев-Эмгак. Шывага] ‘Да, мать есть мать (букв.: ‘Мать – мать же’). Ее никак не обманешь, от нее ничего не скроешь’.

Компоненты фразеологизированных предложений располагаются в определенном порядке. В редких случаях наблюдается перестановка компонентов, отвечающая экспрессивно-стилистическому заданию.

Таким образом, синтаксические фразеологизмы определяются как структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты.

Как образования экспрессивного синтаксиса, фразеологизированные конструкции противопоставлены предложениям, построенным по свободным отвлеченным образцам как структурам нейтрального синтаксиса.

Спектр субъективно-модальных значений, выражаемых фразеологизированными конструкциями, достаточно широк. Как в русском, так и марийском языке можно обозначить синтаксические фразеологизмы оценки (мелиоративной, пейоративной, оценки как соответствия норме); синтаксические фразеологизмы, имеющие значение множественности, разнообразия, распространенности, преобладания; синтаксические фразеологизмы, передающие значение логической обусловленности и об-

стоятельственной характеристики; синтаксические фразеологизмы с семантикой согласия, принятия; фразеологизированные конструкции отрицания, несогласия; синтаксические идиоматизмы выделения или акцентирования; синтаксические фразеологизмы, обладающие значением необходимости, целесообразности; фразеологизированные предложения, передающие значение единственности и исключительности; синтаксические фразеологизмы со значением превосходства; фразеологизированные конструкции с семантикой невозможности, ненужности, нецелесообразности.

В лугово-восточном марийском литературном языке нами выявлено 3 модели синтаксических фразеологизмов со значением оценки как соответствия норме.

Первая разновидность рассматриваемых конструкций организуется по модели «сущ. в им. п. + сущ. в им. п. + гаяк / семын(ак)». В качестве свободных компонентов этой схемы выступают повторяющиеся имена существительные в именительном падеже, за которыми следует послелог *гай* 'как' или *семын* 'как' с усилительной частицей *-ак* 'же'. При переводе таких предложений на русский язык значение частицы не передается.

Предложения фразеологизированной структуры, включающие постоянный компонент *гаяк* 'как' или *семынак* 'как', выражают значение оценки как соответствие норме, например: *Урем урем гаяк* 'Улица как улица'; *Айдеме айдеме семынак* 'Человек как человек'.

Свободный компонент схемы не имеет каких-либо лексических ограничений. Объект оценки определяется как обычный, ничем не выдающийся из ряда однородных предметов. Малопродуктивными в марийском языке являются структуры с иным порядком следования компонентов, при котором послелог *гаяк* ставится между существительными: *Ну, мо? Кем гаяк кем* [В. Горохов. Канде кайык] 'Ну, что? Сапоги как сапоги'. Указанный порядок расположения компонентов, на наш взгляд, является результатом влияния русского языка.

В подобных синтаксических фразеологизмах русского языка союзный постоянный компонент располагается между двумя существительными. Однако в русском языке первый компонент указывает на конкретный предмет, а второй называет класс предметов, к которому можно отнести рассматриваемый конкретный предмет: *Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься* [А. Островский. «Гроза»]; *Ну, что букет! Букет как букет* [А. Островский. «Таланты и поклонники»]; *Ничего не суконное. Рыло как рыло* [А. Островский. «Свои люди – сочтемся»].

В вышерассмотренной конструкции марийского языка иной порядок следования компонентов, т.е.

указание на определенный класс предметов содержит первое существительное, а второе обозначает конкретный предмет, о котором идет речь.

Синтаксические идиоматизмы с послеложным постоянным компонентом *семын* характеризуются незначительной продуктивностью.

Фразеологизированные конструкции данного типа свидетельствуют о таких эмоциональных реакциях говорящего, как удовлетворение, одобрение или безразличие.

Семантикой точного, полного соответствия предмета называемому характеризуются также синтаксические фразеологизмы, в которых в качестве опорного компонента выступают частицы *гын*, *дык*. Модель может быть представлена следующим образом: «сущ. в им. п. / прил. в им. п. + гын / дык + сущ. в им. п. / прил. в им. п.». В русском языке постоянным опорным компонентом структурной схемы аналогичных фразеологизированных предложений является частица *так*.

Если в качестве свободного компонента употребляется имя существительное, аксиологическую характеристику получает предмет или лицо: *Икшыве гын икшыве. Шовычышымат пидын ок шого* [С. Чавайн. Элнет] 'Ребенок так ребенок. И платок повязывать не стала'.

Менее продуктивны как в марийском, так и в русском языке синтаксические фразеологизмы со свободным компонентом именем прилагательным, выражающие значение соответствия ожидаемому какого-либо признака: *Антоновский гын антоновский, чыланат йыгыр мушкындо гай чумыраш улыт, лышташ кокла гыч чый да чый койыт...* [А. Волков. Каче-влак] 'Антоновские так антоновские, все круглые, как два кулака, из-за листьев показываются'.

Свободные компоненты схемы не имеют лексических ограничений.

Рассмотренные фразеологизированные конструкции выражают такие эмоции говорящего, как одобрение, удовлетворение.

Субъективно-модальное значение полного соответствия предмета, лица общепринятым представлениям, сложившемуся мнению имеют и синтаксические фразеологизмы, которые в марийском языке конструируются по отвлеченному образцу «мо дене / мо шот дене + сущ. в им. п. + огыл». Фразеологизированные конструкции обозначенной модели формируются на основе сочетания местоимения *мо* 'что' с послелогом *дене* 'с' *шот дене* 'с'. Кроме того, постоянным компонентом структурной схемы выступает отрицательная форма 3-го лица единственного числа настоящего времени от глагола *улаш* 'быть'. Свободный компонент схемы – имя существительное в именительном падеже. Примечательно, что в марийском языке

ке в отличие от русского языка в роли свободного компонента чаще употребляется нарицательное существительное.

В русском языке аналогичную семантику имеют предложения, организованные по модели «чем не + сущ. в им. п.»: *Да уж чего лучше! Чем не молодец, поискать этакого красавца!* [А. Островский. «Таланты и поклонники»].

Обычно такие структуры сопровождаются предложениями нейтрального синтаксиса, подробно комментирующими фразеологизированные конструкции со значением оценки как указания на соответствие общепринятой норме: *Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен* [А. Островский. «Свои люди – сочтемся»].

Синтаксические фразеологизмы описываемой модели в марийском языке могут выступать в качестве одного из способов сравнения: *Мо дене фабрике огыл? Шыштымат погат, кажне рамыжым туге чаткан тушкен шындат* [Г. Алексеев. Шочмо вер – чевер] ‘Чем не фабрика? И воск собирают, каждую раму так аккуратно залепляют’.

Такие конструкции передают эмоции удовлетворения и одобрения.

Свободные компоненты рассмотренных синтаксических фразеологизмов как русского, так и марийского языка не допускают наличия распространителей.

Фразеологизированные конструкции со значением оценки как соответствия норме, как и синтаксические фразеологизмы других семантических разновидностей, будучи образованиями экспрессивного синтаксиса, являются средствами создания тональности и в устной речи выступают совместно с невербальными средствами (тоном, интонацией, жестами, взглядом). Рассмотренные синтаксические фразеологизмы функционируют в текстах как с положительной, так и отрицательной эмоциональной тональностью.

Фразеологизированные конструкции находятся в отношениях синтаксической синонимии с предложениями нейтрального синтаксиса. Употребление синтаксических фразеологизмов в разговорной речи, их предпочтение перед предложениями, организованными по свободным структурным схемам, является одним из ярких проявлений особенностей разговорной речи, двух противоположных ее признаков: стремления к шаблону, к использованию готовых ре-

чевых формул и стремления к свободному построению единиц. С одной стороны, использование готовых образцов для выражения мысли и субъективно-модальных значений объясняется автоматизмом протекания речевого акта. По мнению Е.А. Земской, говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [10, с. 6]. С другой стороны, используя синтаксические фразеологизмы, говорящий воспроизводит только модель синтаксической конструкции, свобода речетворчества при этом сохраняется, так как свободным является лексический состав модели. Шаблонность и стереотипность не лишают фразеологизированные структуры выразительности.

Синтаксические фразеологизмы выступают как маркеры разговорной речи, что не исключает их широкого использования в публицистическом и художественном стилях.

В художественной прозе и драматургии такие структуры употребительны как в речи персонажей, так и в авторской речи. В первом случае мы имеем дело с установкой авторов на имитацию устно произносимой речи; это чаще всего диктуется необходимостью речевой характеристики персонажа. Во втором случае употребление синтаксических фразеологизмов лежит в основе приема интимизации повествования.

Общедоступность и демократичность публицистического стиля объясняет широкое употребление в нем разнообразных разговорных элементов, в том числе и синтаксических фразеологизмов. Их частотность в публицистическом стиле зависит от степени «обработанности материала». Так, наиболее продуктивны фразеологизированные конструкции в таких жанрах, как интервью, репортаж, письма читателей и т.п. Выразительность синтаксических фразеологизмов, их значительные экспрессивные возможности расширяют сферу их использования; не представлены рассматриваемые предложения лишь в официальных сообщениях, хрониках, материалах, имеющих чисто информативный характер в силу того, что в них находит отражение информация, которая получает минимальную субъективную интерпретацию или полностью лишена ее.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984.
2. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопр. языкознания. М., 1958. № 2.
3. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.
4. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.

5. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учеб. пос. / Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1996.
6. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1958. № 6.
7. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения: Учеб. пос. Ростов н/Д, 2001.
8. Кручинина И.Н. Синтаксис разговорной речи // Русская речь. 1968. № 1.
9. Шмелев Д.Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Вопр. языкознания. 1960. № 5.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

РЕЦЕНЗИИ

EDWARD J. VAJDA (ED.). LANGUAGES AND PREHISTORY OF CENTRAL SIBERIA (AMSTERDAM STUDIES IN THE THEORY AND HISTORY OF LINGUISTIC SCIENCE, VOL. 262)

Philadelphia/Amsterdam: John Benjamins 2004, 275 pp.

Е. ВАЙДА. ЯЗЫКИ И ПРЕДЫСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ (АМСТЕРДАМ, ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ, Т. 262)

Филадельфия, Амстердам, 2004, 275 с.

Ведущей проблемой научных интересов А.П. Дульзона (1900–1973) были исторические миграции, расселение и происхождение аборигенов (коренных жителей) Сибири, решение которой предполагает, как это А.П. Дульзон впервые сформулировал, *комплексный подход* с учетом:

- 1) исторических сведений,
- 2) археологических данных,
- 3) этнографических данных,
- 4) данных по топонимике Сибири,
- 5) языковых данных по конкретным сибирским,

особенно малоизученным языкам.

Этот обширный спектр научных интересов А.П. Дульзона хорошо понял проф. Эдвард Вайда, известный сибиревед, издатель настоящей рецензируемой книги, посвященной памяти этого ученого в связи со 100-летием со дня его рождения, и отразил это многообразие научных интересов А.П. Дульзона в подборе статей данной книги, выделив 5 разделов:

1. Введение в исследование языков Центральной Сибири: общий обзор (The languages of Central Siberia: Introduction and overview).

2. Енисейское языкознание (Yeniseic linguistics).

3. Селькупское языкознание (Selkup linguistics).

4. Южно-Сибирское тюркское языкознание (South Siberian Turkic linguistics).

5. Археологические данные в отношении языков Центральной Сибири (Archeological perspectives on Central Siberian language groups).

Сам А.П. Дульзон до самой смерти (1973) интенсивно занимался археологией, историей, топонимией Сибири, а также изучением и описанием слабоизученных языков Центральной Сибири – тюркских, самодийских, енисейских (см. библиографию его работ в кн.: Erika Becker 1999, Edward J. Vajda 2001).

Совершенно новым и очень результативным направлением в исследовательской работе А.П. Дуль-

зона была топонимика Сибири, область, в которой он создал целую научную школу (Э. Беккер, В. Попова, О. Молчанова, А. Абдурахманов, К. Гриценко и др.) и заложил основы нового понимания древних миграций народов Сибири (успешным продолжением этой исследовательской деятельности являются работы известного томского ученого А.М. Малолетко). Именно на основе анализа топонимики А.П. Дульзон высказал идею о древней миграции енисейских народов из областей Южной Сибири, Северной Монголии и Западного Сибиряна по Иртышу, Оби и Енисею на Север в области и их исторического проживания. Жаль поэтому, что в сборник не вошла ни одна статья по вопросам сибирской топонимики.

И под руководством А.П. Дульзона возникла целая школа исследователей языков коренных народов Сибири. Данные по этим языкам, как уже подчеркивалось, представлялись А.П. Дульзону очень важными в плане выяснения происхождения сибирских языков. Но не только это. Прекрасно понимая социолингвистическую ситуацию народов Сибири, наблюдая стремительное угасание национальных культур и языков, он уделял вместе со своими учениками исключительно большое внимание документированию этих исчезающих языков.

Важными вехами стали Всесоюзные конференции по проблемам происхождения аборигенов Сибири, инициаторами которых был А.П. Дульзон. Они способствовали консолидации научных сил в этой исследовательской области и явились мощным стимулом в развитии этих исследований, ибо обмен опытом работы и подведение итогов работы уже сами по себе намечали и дальнейшие планы, и программы научных исследований.

Не умаляя важности всех перечисленных проблем из области научных интересов А.П. Дульзона, хочу как кетолог особо подчеркнуть тот огромный

интерес, который он проявлял именно к этой области, к проблеме происхождения енисейских народов и их языков, ибо, видимо, первым понял исключительное значение результатов этих исследований не только в плане лингвистической типологии. Но и другое: енисейский этно-лингвистический изолированный «островок» в окружающем его урало-алтайском этно-культурном и лингвистическом мире Сибири – это феномен, который в плане выяснения происхождения народов Сибири представляет совершенно особый интерес, ибо уходит своими истоками на большую хронологическую глубину и связан с очень древними миграционными и этнокультурными процессами в Центральной Азии, процессами, выходящими далеко за пределы этого географического района.

Думаю, что обращение Эдварда Вайды ко всем этим проблемам в научной деятельности А.П. Дульзона в процессе подготовки данного сборника научных статей «Languages and Prehistory of Central

Siberia» не случайно, если учесть стремительный рост и расширение его собственных научных интересов в области сибиреведения и блестящие результаты его деятельности, представленные в многочисленных публикациях.

Издание книги на английском языке благодаря приложенным усилиям прежде всего самого издателя как переводчика, но также Грегори Андерсона, автора двух самых объемных статей рецензируемой книги, особенно обзорного введения, следует особо приветствовать, так как это делает публикуемые материалы доступными для широкой мировой научной общественности, сближает исследователей-сибиреведов в интернациональном плане, способствует интенсивному обмену мнениями, опытом, накопленными и собранными материалами, что представляется также важным для стимулирования, углубленного научного поиска.

Г. Вернер

Литература

1. E. Becker. Prof. Dr. Andreas Dulson (1900–1973): Sein Leben und Werk in Erinnerungen seiner Schüler. Hamburg, 1999.
2. Edward J. Vajda. Yeniseic Peoples and Languages. Surrey: Curzon Press, 2001.
3. Малолетко А.М. Палеотопонимика. 1999.
4. Древние народы Сибири, т. 1. 1998.
5. Древние народы Сибири, т. 2. 2000.

SUMMARY

O.A. Osipova. *Thoughts about the Indo-European Heteroclitite Declension.*

An attempt is taken to prove that Indo-European heteroclitite declension may be explained through the typological comparison with the possessive declensions in Finno-Ugric languages.

N.S. Zhukova. *German Verbal Subsystem at Various Stages of its Development*

The paper addresses the development of the German verbal subsystem. Comparative-contrastive analysis of Old-, Middle- and Early-New Upper German languages identifies typological specifics of verbal categories and types of their interactions.

T.N. Fedulenkova. *The Linguistic Status of the Component of the Phraseological Unit*

In the course of phraseology as a field of linguistics there has been a heated discussion on the character of the phraseological constituent. Hereupon different views on the origin of the component of phraseological units are analyzed and arguments to prove its wordness are suggested.

T.Y. Kazantseva. *Prehistory of the Origin of the Generic Relations in the Indo-European Languages*

We might conclude that consonantal markers are characteristic of nouns of all three genders, therefore they didn't relate to the grammatical category of gender, which was formed later. As the markers are rather old, the original meaning of them was connected with an earlier category – category of animateness/inanimateness, i.e. they were markers of animateness. Generation of the grammatical gender was connected with vowel markers.

I.V. Novitskaya. *The Problem of Interpretation Gothic Nouns (of the Same Root) Belonging to Different Declensions.*

The article deals with a group of Gothic nouns of the same root belonging to different declensions. It presents an overview of how much this linguistic phenomenon is spread in the Gothic language. Two present theories interpreting this phenomenon are being considered in the article. It is argued that the paradigmatic opposition of Gothic nouns of the same root had a semantic basis which can be decoded.

L.P. Dronova. *The Early Period of General Evaluation in the Germanic Languages*

The early stage of considering the idea of general positive and negative evaluation in the Germanic languages is connected with different kinds of evaluation:

- pragmatically rational evaluation ('useful, beneficial' – *bat-, batiza);
- normatively rational evaluation ('over' – *wers-, wairsiza; *ubil-);
- intellectually psychological evaluation ('match, connect, join' – *gōd-, þiuþ);
- emotionally psychological evaluation ('desirable' – *wal-).

L.A. Nagornaya. *Anthropocentric Measures and Some Ways of Representing Them in the English Language*

The article deals with the origin of measuring and the ways of representing inexact measures in the English language.

N.S. Kovalenko. *The Reflection of the Traces of Animateness/Inanimateness in the Lexico-semantic Compatibility of the Old English Substantives with the Stem-building Suffix -s-.*

The analysis of the lexico-semantic compatibility of the Old English substantives united by the stem-building suffix -s- reveals the fact that originally it was a word-forming formant, serving primarily as the marker of the animated class of nouns.

L.A. Petrochenko, E.O. Merzlyakova. *On the Peculiarities of the Semantics of Iconic Signs.*

The article deals with the problem of understanding a lingual sign as a symbol and the semantic analysis of words representing symbols of iconic type, i.e. objects of particular admiration that are readily recognized by most people, the English iconic word 'tea' taken as an example.

N.A. Reznikova. *Semantic Analysis of Political Lexicon*

Politics as a sphere of human activity is realized through political communication, which is characterized by a special system of lexical means, namely political vocabulary. In this work we aim at undertaking semantic analysis of political lexis, classifying and describing its constituents.

A.P. Ovchinnikova. *Synonymy in Cognitive Aspect (On the Example of English Pronouns Fresh and New)*

The aim of this article is to analyze the synonymous relations of the English adjectives "fresh" and "new" from the point of view of cognitive linguistics.

N.S. Zhukova. *Systemic Coordination of Certain Kinds of Morphological Phenomena of German Verbs*

The paper reviews the phenomenon of syncretism and homonymy, suppletivism and heteronymy; explains their varying import in the system of the German language synchronically and diachronically.

O.V. Sobolevskaya. *Interpretation of Pairs of Gothic Nouns Referring to Natural Phenomena*

The material presented in the article deals with the reasons of the existence of pairs of the nouns denoting natural phenomena and belonging to different types of the noun declension in the Gothic language.

E.L. Shubina. *Constructions of the Type **eine Tasse heißer Kaffee** and **eine Art universelle Sprache** in Their Relation to the Literary Norm of the German Language*

The article is devoted to the insufficiently studied problem in German linguistics related to the choice of syntactic subordination in the quantitative word combinations with the second component expanded by an adjective (participle) Nquant+AdjN and eine Art +AdjN. The material analysed has shown that despite recommendations of classic grammar reference books to choose co-ordination as a type of subordination for the syntactic structure of these constructions, the genitive and prepositional subordination still exists and is the most widely used one. Moreover, the hypothesis that the syntactic organization of these constructions is determined by the grammatical characteristics of their components has been confirmed.

A.V. Pirozhkov. *Statistic research of Russian borrowed words in the modern German language and the degree of their general attainments depending on the age and place of residence of the informants.*

This article is devoted to the investigation of use of Russian (Slavonic) borrowings in the modern German language and also to their degree of general attainments from age and place of residence of the informants. From the linguistic point of view the questioning of informants (552 informants) and the Chi-Quadrat-Metod for analysis of the results are of great interest and importance. In the article there will be analysed how people a) in general, b) in East Germany, c) in West Germany know and use Russian borrowed words. Moreover special interest is focused on the age of informants.

O.S. Potanina. *Linguistic Representations of Abstract Notions in the Dialects of the Khanty Language*

This paper is aimed to outline the semantic principles of classification of abstract nouns and point out the major groups of nouns within this class. In linguistic literature the problem of taxonomy of nouns is still under discussion. The criteria of assigning nouns to either abstract or concrete are not well-defined and theoretically grounded. Most classifications of nouns are not satisfactory in the case of Khanty. Those concepts that are not represented in language by means of nouns have specific objectifications which are contrasted in this article with those ones in Navajo.

P.M. Kuznetsov. *Adjectival Modifiers in Khanti Dialects*

This article represents a general observation of the ways of fulfilling the attributive function in various Khanti dialects.

A.V. Esipova. *Word-forming Structure in the Turkic Word: the Derivate Stem*

This publication continues the articles' series that describes the shor word formation structure. It is dedicated to the examination of the derivative stem – one of the components of the word formation structure. The subject of our study is the expressive and the content plans of the derivative stem in Turkic languages, based on the Shor language, one of the insufficiently studied Turkic languages of South Siberia. In this article the author also analyzed the influence of the ground word on the lexical meaning of the derivative word formation and word formation affix assign. It also contains data about history and present condition of the research in the shor word formation along with bibliography on the shor word formation.

M.V. Filimonov. *Participial Affixes in Protoyeniseic*

In this paper the author tries by etymological methods to prove the existence in protoyeniseic language of a few participial affixes in nouns of the ancient sub-stantivated participial origin. The author uses the data of the external comparison from sumerian and itelmenic languages genetically related to Yeniseic languages.

D.F. Mymrina. *Active and Passive Constructions in the Khanty Language*

One distinguishes two types of syntactic construction in the Khanty language: the active and the passive ones. In this article we study the peculiarities of their formation and use in the dialects of the Khanty language. This work is also concerned with the use of a noun (the agent) in the form of the locative in the "passive" construction, which can be explained by the influence of the category of definiteness/indefiniteness typical of the Uralic languages. The results of the analysis of the "passive" prove its outstanding status in the Uralic languages.

E.A. Kryukova. *Functional-semantic Field of Modifying Words in the Yeniseian Languages*

The big, open class of modifying words is described with the help of the functional-semantic fields concept. The functional-semantic field of modifying words in the Yeniseian languages is represented as a complicated structure with the nucleus surrounded with near and far periphery. Semantic groups (temporatives, locatives, qualitatives) are allocated on the field depending on their functional and morphological characteristics (function of attribute and morphological stability).

L.V. Parnyuk. *Daily and Annual Cycles in the Khanty Language*

This article deals with the components of the time cycle in the Khanty world perception, that is micro- and macro-cycles (day-and-night/ annual cycle); their interaction and interdependence of the solar and lunar calendar systems are investigated.

L.A. Abukayeva. *Syntactical Phraseological Units Expressing the Meaning of Valuation in the Mari and Russian Languages*

As it is known, syntactic phraseological units are constructions of stylistic syntax. They express speaker's attitude to what is being reported. Constant components are their basis, but on the other hand, one of the components of a syntactic phraseological unit is free. Such sentences can express a great variety of subjective and modal meanings. In the Mari language it was found 3 models of syntactic phraseological units, which express valuation. This the article is devoted to these research of constructions.

НАШИ АВТОРЫ

- Абукаева Л.А. – доцент кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола;
- Вернер Г. – профессор Боннского университета (Германия);
- Дронова Л.П. – кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета;
- Есипова А.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кузбасской государственной педагогической академии, г. Новокузнецк;
- Жукова Н.С. – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой немецкой филологии Томского государственного педагогического университета;
- Казанцева Т.Ю. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Северского государственного технологического института;
- Коваленко Н.С. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Крюкова Е.А. – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Томского государственного педагогического университета;
- Кузнецов П.М. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента Томского государственного педагогического университета;
- Мерзлякова Е.О. – ассистент кафедры английского языка факультета иностранных языков Томского государственного педагогического университета;
- Мьмрина Д.Ф. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Нагорная Л.А. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Новицкая И.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета;
- Овчинникова А.П. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Осипова О.А. – доктор филологических наук, профессор кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета;
- Парнюк Л.В. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Петроченко Л.А. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка факультета иностранных языков Томского государственного педагогического университета;
- Пирожков А.В. – кандидат филологических наук, Потсдамский университет (Германия);
- Потанина О.С. – преподаватель английского языка Томского политехнического университета;
- Резникова Н.А. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Соболевская О.В. – аспирант Томского государственного педагогического университета;
- Федуленкова Т.Н. – профессор кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
- Филимонов М.В. – соискатель Томского государственного педагогического университета;
- Шубина Э.Л. – кандидат филологических наук, докторант кафедры немецкого языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Томский государственный педагогический университет
осуществляет издание общероссийского научного журнала

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал выпускается по сериям:

- Гуманитарные науки
- Естественные и точные науки
- Педагогика
- Психология

Периодичность издания: 4 номера в год

Статьи публикуются бесплатно

В заявке на публикацию указать следующую информацию об авторах:

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Ученая степень, ученое звание.
3. Место работы, должность.
4. Контактные данные (почтовый индекс и адрес, телефон, факс, e-mail).

Требования к материалам, представляемым к публикации:

Материалы представляются на электронных носителях. К электронному варианту должен прилагаться 1 печатный экземпляр статьи с рисунками и диаграммами в тексте.

Текст статьи объемом не более 10 страниц должен быть набран в текстовом процессоре MS Word (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1.0) и сохранен в формате RTF. В отдельных файлах представляются рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы в формате MS Excel.

Перед текстом статьи должны быть помещены: инициалы, фамилии авторов, заголовок статьи, аннотация (строго в указанном порядке на русском и английском языках); место работы и контактные данные авторов (на русском языке).

Цитируемая литература оформляется в виде списка в конце статьи. Ссылки приводятся в порядке следования по тексту в квадратных скобках.

Рукописи отправляются редакцией на независимую экспертизу и принимаются к печати при получении положительной рецензии. При наличии отрицательной рецензии окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией.

Присланные материалы не возвращаются. Корректурa авторам не высылается.

Редакция принимает предварительные заявки на приобретение последующих номеров журнала.

**Вестник ТГПУ включен в перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук.**

Издание включено в Общероссийский подписной каталог. Индекс: 54235

Подписано в печать:
Формат: 60×90/8
Бумага: офсетная
Тираж: 500 экз.

Сдано в печать: 04.05.2005 г.
Печать: трафаретная
Усл.-печ. л.: 14,75
Заказ: 100/Н

Издательство

Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: publish@tspu.edu.ru

